

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

4.2022

Издается с 2002 г.
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:

Московский педагогический государственный университет
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ

<i>Филологические науки</i>	
10.01.01 – Русская литература	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации <i>(находится на перерегистрации)</i>
10.01.08 – Теория литературы. Текстология	5.9.3. Теория литературы
10.02.01 – Русский язык	5.9.5. Русский язык. Языки народов России <i>(находится на перерегистрации)</i>
10.02.19 – Теория языка	5.12.3. Междисциплинарные исследования языка <i>(находится на перерегистрации)</i>
10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика <i>(находится на перерегистрации)</i>
10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика	
<i>Педагогические науки</i>	
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания	5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу «Пресса России» – **85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

4.2022

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, г. Москва.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Анастасия Алексеевна Герасимова – ведущий специалист лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного педагогического университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; профессор и заведующий кафедрой славянских, восточноевропейских и евразийских языков и культур Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, г. Лос-Анджелес, США.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; principal research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Executive secretary

Anastasia A. Gerasimova – lead specialist at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State Pedagogical University, Russian Federation.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; professor and chair at the Department of Slavic, East European and Eurasian Languages and Cultures, University of California, Los Angeles, USA.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlík – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

А.Д. Бабушкин, В.С. Полилова

Драматическая полиметрия
Кальдерона де ла Барка
в передаче Натальи Ванханен
(«Молчанье – золото» и «Жизнь есть сон») 9

ЛИНГВИСТИКА

О.И. Беляев, И.А. Хомченкова

Соединение именных групп
в осетинском языке 32

А.И. Галева, Г.Н. Гумовская

Грамматические особенности
включения номинализации
в номинативные словосочетания
в институциональном дискурсе. 55

И.Л. Корецкая

Корпусы Государственного института
японского языка и лингвистики 81

А.Б. Летучий

О некоторых ограничениях
на употребление пассива
со вспомогательным глаголом *быть*
в русском языке:
ограничение на реальность ситуации 101

МЕТОДИКА

А.В. Барахта

Межъязыковая интерференция
в использовании англоговорящими
русских служебных частей речи 117

Contents

PHILOLOGY AND TEXTOLOGY

- A. Babushkin, V. Polilova*
 Calderón de la Barca's dramatic polymetry
 in Natalia Vanhanen's translations
 ("No hay cosa como callar"
 and "La vida es sueño"). 9

LINGUISTICS

- O. Belyaev, I. Khomchenkova*
 Noun phrase conjunction in Ossetic 32

- A. Galeyeva, G. Gumovskaya*
 Disciplinary-specific grammatical patterns
 of nominal phrases with nominalisations 55

- I. Koretskaya*
 Corpora of the National Institute
 of Japanese Language and Linguistics 81

- A. Letuchiy*
 Specific restrictions on the use of *byt'*-passive
 in Russian: The reality restriction 101

TEACHING THEORY

- A. Barakhta*
 Interlanguage interference
 in the use of Russian auxiliary parts
 of speech by English speakers 118

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-9-31

А.Д. Бабушкин¹, В.С. Полилова²

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Драматическая полиметрия Кальдерона де ла Барка в передаче Натальи Ванханен («Молчанье – золото» и «Жизнь есть сон»)

В статье обсуждаются результаты сопоставительного метрико-строфического анализа полиметрических драм Кальдерона де ла Барка “No hay cosa como callar” и “La vida es sueño” и их переводов на русский язык, выполненных Н.Ю. Ванханен. Премьеры переводов на театральной сцене состоялись 1 сентября 2003 г. («Молчанье – золото», Театр «Сопричастность», Москва) и 16 октября 2021 г. («Жизнь есть сон», Электротheater Станиславский, Москва), а печатное издание вышло в конце 2021 г., когда тексты двух переводов были опубликованы под одной обложкой (М.: Лингвистика; Центр книги Рудомино, 2021). Метрические решения, принятые в переводах Ванханен, рассмотрены в контексте истории переводов испанской драматургии Золотого века на русский язык и в сопоставлении с предшествующими стихотворными переводами драмы «Жизнь есть сон» С.В. Костарева (1861), К.Д. Бальмонта (1902), В.Я. Парнаха (1949), И.Ю. Тыняновой (1961) и М. Донского (1983). Представленное исследование показывает, насколько разнообразной может быть реализация принципа эквиметрии при работе переводчиков с романским силлабическим стихом.

© Бабушкин А.Д., Полилова В.С., 2022



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Н.Ю. Ванханен, Кальдерон де ла Барка, эквиметрический перевод, полиметрия

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-78-10153 (<https://rscf.ru/project/22-78-10153/>) в Институте мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бабушкин А.Д., Полилова В.С. Драматическая полиметрия Кальдерона де ла Барка в передаче Натальи Ванханен («Молчанье – золото» и «Жизнь есть сон») // Рема. Rhema. 2022. № 4. С. 9–31. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-9-31

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-9-31

A. Babushkin¹, V. Polilova²

¹ Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

Calderón de la Barca's dramatic polymetry in Natalia Vanhanen's translations ("No hay cosa como callar" and "La vida es sueño")

The paper presents the results of a comparative metrical analysis of Calderón de la Barca's polymetric dramas "No hay cosa como callar" and "La vida es sueño" and their translations into Russian by Natalia Vanhanen. The dramas premiered on September 1, 2003 ("No hay cosa como callar", Soprichastnost' Theater, Moscow) and on October 16, 2021 ("La vida es sueño", Stanislavsky Electrotheatre, Moscow). They appeared in-print at the end of 2021 when the Rudomino publishing house published a book containing both translations (Moscow, 2021). We examine the selection of meters in Vanhanen's translations in the context of the history of Calderón's translations into Russian and in comparison with previous experiments

in rendering the polymetry of Spanish theater: verse translations by Sergey Kostarev (1861), Konstantin Balmont (1900–1919), Valentin Parnach (1949), Inna Tynianova (1961), and Mikhail Donskoy (1983). The present study shows how diverse the implementation of the equimetric principle can be when Russian translators work with the Romance syllabic verse.

Key words: Natalia Vanhanen, Calderón de la Barca, equimetric translation, poetic translation, polymetry

Acknowledgments. This paper is part of a research project based at Lomonosov Moscow State University and supported by Russian Science Foundation Grant № 22-78-10153 (<https://rscf.ru/project/22-78-10153/>).

FOR CITATION: Babushkin A., Polilova V. Calderón de la Barca's dramatic polymetry in Natalia Vanhanen's translations ("No hay cosa como callar" and "La vida es sueño"). *Rhema*. 2022. No. 4. Pp. 9–31. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-9-31

1. Введение

Библиография русского Кальдерона, насчитывавшая на исходе прошлого тысячелетия всего 67 пунктов¹, приросла в 2021 г. новым изданием. Под одной обложкой были напечатаны полные и сценические редакции русских версий двух кальдероновских пьес: «Молчанье – золото» ("No hay cosa como callar", 1639) и «Жизнь есть сон» ("La vida es sueño", 1635).

Оба перевода выполнены признанным мастером Н.Ю. Ванханен, но с перерывом почти в 20 лет. Первые отрывки ее переложения комедии «Молчанье – золото» были опубликованы в журнале «Современная драматургия» еще в 2001 г.², с 2003 г. пьеса в ее переводе идет на сцене московского театра «Сопричастность» (премьера постановки Игоря Сиренко состоялась 1 сентября 2003 г.). Сведения о том, что Ванханен подготовила новый перевод драмы «Жизнь есть сон», появились в публичном пространстве в декабре 2019 г.³, а 16 октября 2021 г. в Электротеатре Станиславский (Москва) состоялась его премьера в спектакле испанского режиссера Натальи Мендес.

¹ С учетом всех опубликованных и републикованных переводов и их фрагментов [Гинько, 2006, с. 35–43].

² Кальдерон де ла Барка П. Молчанье – золото / Пер. с исп. Н.Ю. Ванханен // Современная драматургия. 2001. № 4. С. 176–216.

³ 10 декабря 2019 г. в Электротеатре Станиславский прошла презентация нового перевода (<https://electrotheatre.timepad.ru/event/1127404/>).

“No hay cosa como callar” до постановки театра «Сопричастность» в России никогда не ставилась и, насколько известно, никем прежде не переводилась. “La vida es sueño” – другое дело. Версия Ванханен – это переперевод, седьмое, если говорить о полных переводах, и девятое, если учитывать фрагменты и сокращенные переводы, русское воплощение главной драмы испанского барокко.

Вышедшая в 2021 г. книга стала первым отдельным русским изданием произведений Кальдерона в XXI в., что само по себе событие. В прошлом веке Кальдерона тоже печатали мало: помимо нескольких изданий отдельный пьес, имеется только дореволюционное подготовленное К.Д. Бальмонтом собрание сочинений (вып. I–III; М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1900–1912), двухтомник «Пьесы» 1961 г. (М.: Искусство), вышедший небольшим для своего времени тиражом в 9000 экземпляров и потому малоизвестный⁴, и наиболее доступный сегодня двухтомник «Драмы» серии «Литературные памятники» (М.: Наука, 1989), где републикованы шесть пьес в бальмонтовском переводе из дореволюционного собрания, дополненные еще четырьмя переводами, сохранившимися в архиве поэта.

Во вступительной заметке к новому изданию переводов Ванханен называет имена своих знаменитых и полузабытых предшественников⁵, переводчиков главного кальдероновского шедевра на русский язык – К.И. Тимковского (1843; прозаический перевод), С.В. Костарева (1861), Д.К. Петрова (1898), К.Д. Бальмонта (1902), В.Я. Парнаха (1949), И.Ю. Тынянову (1961) и М. Донского (1983) [Ванханен, 2021, с. 18] – и, очевидно, не боится сравнений с ними.

«Моей задачей как переводчика, – читаем там же, – было не только сделать интригу абсолютно прозрачной, но и показать величие Кальдерона-поэта, которому нет равных в образности, красноречии, владении стихотворной формой: романсы, октавы, сонеты с легкостью сменяют друг друга. Его монологи порой поразительно длинны – могут занимать пять, а то и десять страниц! – но их напряженность ничуть не ослабевает,

⁴ В нем собраны работы советских переводчиков, многие – выполненные специально для этого издания. Т. 1: Стойкий принц / Пер. Б. Пастернака; Луис Перес, галисиец / Пер. В. Бугаевского; Любовь после смерти, или Осада Альпухарры / Пер. О. Савича; Врач своей чести / Пер. Ю. Корнеева; Жизнь – это сон / Пер. И. Тыняновой; Саламейский алькальд / Пер. Ф. Кельина. Т. 2: Дама-невидимка / Пер. Т. Щепкиной-Куперник; Сам у себя под стражей / Пер. О. Савича; Спрятанный кавальеро / Пер. М. Казмирова; Дама сердца прежде всего; Апрельские и майские утра / Пер. Т. Щепкиной-Куперник; Не всегда верь худшему / Пер. М. Казмирова.

⁵ Не упомянут только С.Н. Протасьев, в чьем переводе отрывки из драмы «Жизнь есть сон» были включены в издание «Хрестоматии по западноевропейской литературе семнадцатого века» под редакцией Б.И. Пуришева (М.: Учпедгиз, 1940).

а только крепнет от строки к строке, и в этом тоже проявляется могучий принцип барокко» [Ванханен, 2021, с. 17].

Закономерно, что Ванханен пишет не только о драматической интриге, красноречии и образности, но и о кальдероновском стихе: версификационное мастерство при разговоре о испанском театре выходит на первый план. Определяющее формальное свойство не только кальдероновского театра, но всей драматургии Золотого века – это полиметрия⁶. Разные стиховые формы: редондилы (рифмованные 8-сложники с охватной рифмовкой), сильвы (свободно чередующиеся стихи в семь и одиннадцать слогов с вольной или парной рифмой), октавы и сонеты, десимы (10-стишия, написанные 8-сложником по строгой схеме на три рифмы), кинтилы (5-стишия на две рифмы с переменной схемой рифмовки), романсный стих (8-сложник с ассонансом четных строк) – чередуются, отвечая как общей динамике драматического действия, так и тематике сцен и характерам действующих лиц. Современные исследователи считают стих едва ли не главной организующей силой комедии Золотого века [Vitse, 1998, 2020; Antonucci, 2009; и мн. др.] и изучают драматические функции разных стиховых форм и соотношения метрического, временного и пространственного измерений в конкретных произведениях (например, в “No hay cosa como callar” [Vitse, 2020]).

Впрочем, и пятьдесят лет назад Иржи Левый писал о переводах драм испанского классического театра на европейские языки как об одной из труднейших задач стихотворного перевода именно из-за непреложности требования воссоздавать полиметрию подлинника. Сохранение метрической системы оригинала в переводе Левый считал обязательным прежде всего в связи с ролью метрических переходов в общей динамике развития действия, которая сохраняется вне зависимости от языка и культурных ассоциаций принимающей литературы: «формальные ориентиры в композиции пьесы помогают ее членению и вызывают определенного типа впечатление у зрителя – в том числе и вне Испании, где литературные ассоциации отсутствуют и восприятию способствует только большая или меньшая оформленность стиха» [Левый, 1974, с. 310].

М. Донской, один из ярчайших представителей «ленинградской школы» стихотворного перевода, мастер формы, переведивший Кальдерона, Лопе де Вега и Тирсо де Молина, подчеркивал также чисто эстетический фактор в смене испанских (по слову Д.К. Петрова) «метрических одежд»: «прелесть испанской комедии в неожиданности сюжетных

⁶ Термин в контексте испанского театра Золотого века обычно используют для одновременного указания на использование разных метров (т.е. стиха разной слоговой длины) и разных строф. Строго говоря, речь идет о полиметрии и полистрофии.

перипетий и в искрометном поэтическом разнообразии <...>. Интерес зрителя (читателя) держит поэтическое очарование разнообразных форм стиха, которые столь же часто, непринужденно и не всегда мотивированно сменяют друг друга, как и эпизоды сюжетной интриги <...> Основная задача переводчика испанской комедии – передача главного ее качества, “искрометности” (шампанское прежде всего должно пениться). Изящество формы, беря верх над глубиной содержания, вынуждает переводчика с особой ответственностью работать над музыкальностью стиха и позволяет ему с большим правом отклоняться от буквы оригинала» [Донской, 1970, с. 206–207]. Конечно, далеко не каждый согласится сознательно пожертвовать изысканной метафорикой и риторичностью философских и религиозных драм Кальдерона ради «музыкальности», и Донской писал эти строки, имея в виду прежде всего испанскую комедию плаща и шпаги, комедию интриги. Однако и для таких произведений Кальдерона, как «Жизнь есть сон» или «Стойкий принц», фактор стихотворной виртуозности невозможно переоценить.

Иными словами, с какой стороны ни подойди к переводу испанской драмы Золотого века, – что со стороны формальной, что со стороны функциональной эквивалентности [Полилова, 2018], – вопрос об эквиметрии приобретает принципиальное значение. Более того, сложность задачи и недостижимость идеала приводят к тому, что поиск ключа к переводческому решению никогда не останавливается.

Какие же пути для передачи испанской полиметрии на русской сцене открывает новый Кальдерон в стихотворном переводе Натальи Ванханен?

2. Испанская драматическая полиметрия в русских переводах

Одному из авторов настоящей статьи уже приходилось писать о том, как устроены с формальной стороны переводы драмы «Жизнь есть сон», выполненные Д.К. Петровым и К.Д. Бальмонтом, и об эволюции подхода Бальмонта к переводу полиметрического стиха [Полилова, 2014]. Бальмонт работал над переводами из испанских драматургов в течение 20 лет, и анализ метрики переводов позволяет выделить несколько этапов в его отношении к полиметрии и ее воссозданию на русском языке. Коротко говоря, с годами он все больше внимания уделял метрическим соответствиям перевода и оригинала. Такое развитие Бальмонта-переводчика отвечало духу эпохи, закономерным итогом которой стало появление школы и традиции филологического перевода с вполне ясной формалистской ориентацией.

Перевод Петрова сделан нерифмованными 4-стопными и 5-стопными ямбами. У Бальмонта в большинстве переводов драм белый ямбический четырехстопник со структурой клаузул жжжм [Полилова, 2017] передает романский стих, а для передачи строф с консонансной рифмой используются ямбы с рифмой через строку. Переводы испанских пьес, выполненные поэтами-переводчиками постсимволистского поколения в 1930–1980-е гг., устроены значительно сложнее. Лишь в единичных случаях они становились предметом специального метрико-строфического разбора, однако главные принципы, господствовавшие в этот период в области перевода произведений испанского театра, известны: обязательное воссоздание полиметрии, эквilinearность.

Статья М. Донского «Как переводить стихотворную классическую комедию?» (1970), уже цитированная нами выше, представляет собой ценное свидетельство переводческой эпохи, касающееся среди прочих непосредственно вопросов перевода испанской драмы. Донской резюмирует свой личный опыт переводчика, но кроме того дает примеры разных версификационных решений, реализованных в переводах современников (М. Лозинский, Т. Щепкина-Куперник, И. Тынянова, О. Савич, Ю. Корнеев). Из его рассуждений ясно, что некоторые достижения предыдущей эпохи, недолгого господствования филологического типа перевода, как то имитация ассонанса (примеры можно найти и в его собственных переводах) или канонизация изосиллабического и неизосиллабического 3-иктного дольника в качестве метрического эквивалента 8-сложника, были постепенно отвергнуты, прежде всего потому что не производили на зрителя нужного эффекта. Однако непоколебимо действовал закон перевода канонизированных форм канонизированными формами (т.е. сонетов сонетами, десим десимами, октав октавами и т.д.) и требование близкого совпадения слогового объема строки оригинала и перевода. Разномыслие допускалось на других уровнях: в части обязательности/необязательности соблюдения альтернанса, возможности/невозможности использования дактилических окончаний и рифм, а также дозволенности/недозволенности неточной рифмы в классических строках.

При выборе русских аналогов романских силлабических метров было необходимо сохранять длину строки, но вот в выборе ритма переводчик оказывался более свободным. 8-сложник, по словам Донского, допустимо переводить 4-стопным хореем (при женских и мужских клаузулах слоговой объем строки равен строке испанского размера, 7м/8ж), и 4-стопным ямбом (строка удлиняется в сравнении с подлинником, 8м/9ж), и трехсложниками (3-стопный дактиль также дает искомые 7м/8ж), и 3-иктным дольником. Конечно, вопрос оказывался несколько сложнее: сохранение числа слогов подлинника – далеко не единственное

требование традиции. Литературы с господствованием силлабо-тонической системы стихосложения имеют старую привычку перевода четносложных силлабических размеров ямбами и нечетносложных размеров – хорейми. В соответствии с давно устоявшимися канонами переводить александрийский стих следует 6-стопным ямбом, итальянский одиннадцатисложник – 5-стопным ямбом, и переводчики с этим считаются.

Если систематизировать вышесказанное, то получится такой список особенностей стихотворной формы, определяющих многообразие русско-романских метрико-ритмико-строфических эквивалентов:

- 1) система стихосложения (силлаботоника, тоника, силлабика);
- 2) равносложность (соответствие/несоответствие слоговой длины строк перевода строкам оригинала; полная/относительная);
- 3) ритм (сохранение/несохранение ритмических тенденций оригинала, например, ямбических и хорейческих каденций);
- 4) цезура (сохранена / не сохранена);
- 5) клаузула и альтернанс мужских, женских, дактилических рифм;
- 6) порядок и характер рифм (воссоздание ассонанса, степень точности/неточности рифм, сохранение/модификация схем рифмовки).

Было бы небезынтересно в будущем описать метрико-строфический репертуар русских полиметрических переводов испанских драм и взвесить популярность и употребительность разных русских метрических эквивалентов романской силлабики в разные периоды. Можно ожидать, что такая работа продемонстрирует большое стиховое разнообразие, обеспеченное динамическим взаимодействием независимых стиховых параметров русских переводов – метра, размера, клаузулы, рифмовки, характера рифм.

3. Метрика и строфика переводов Н.Ю. Ванханен в сопоставлении с другими переводами

Вопрос о системе стихосложения решался в русских переводах XX в. двумя способами: либо перевод выполнялся чистой силлаботоникой (например, переводы М. Донского), либо сочетал в себе силлаботонику и дольник. Причем дольник, насколько сейчас можно судить, использовался лишь для передачи 8-сложника: субститутотом именно этого размера выступал изосиллабический или неизосиллабический 3-иктный дольник. Кажется, первым такой способ передачи 8-сложника в переводах испанских театральные произведений применил В.Я. Парнах, перенеся в область драматургии свою находку, опробованную в переводах из Гарсиа Лорки. Из перевода «Жизнь есть сон», выполненного Парнахом, были опубликованы лишь небольшие отрывки, но среди них есть образец равносложного ДкЗ:

<i>О, небо, дай мне ответ:</i>	0101001	a
<i>За что я гибну в томленьи?</i>	01010010	B
<i>Свершил ли я преступленьи</i>	01010010	B
<i>Тем, что родился на свет?</i>	1001001	a
<i>Но раз я рожден для бед,</i>	0100101	a
<i>Я понял, чем провинился.</i>	01010010	C
<i>Недаром в казнь обратился</i>	01010010	C
<i>Твой гнев, повергая в ад:</i>	0100101	d
<i>Ведь человек виноват</i>	1001001	d
<i>Уже и тем, что родился!</i>	01010010	C
<i>Но, мучаясь всё лютей,</i>	0100101	a
<i>Только хотел бы узнать я,</i>	10010010	B
<i>(Если не помнит проклятья –</i>	10010010	B
<i>Вину рожденья людей):</i>	0101001	a
<i>Чем же еще я злодей,</i>	1001001	a
<i>Что строже твой суд надменный?</i>	01001010	C
<i>Родились в этой вселенной</i>	01010010	C
<i>Все твари и существа,</i>	0100001	d
<i>И всем им даны права,</i>	0100101	d
<i>Лишь я – бесправный и пленный!⁷</i>	01010010	C

Парнах в соответствии со структурой испанского силлабического стиха использует строку 8ж/7м, но только с дольниковым (0100101(0), 0101001(0), 0100001(0)) или дактилическим (1001001(0)) ритмом, не примешивая к дольникам и дактилям строки, совпадающие с 4-стопным хореем, имеющие ту же слоговую длину (1010101(0) и все формы с пиррихиями). Такой тип стиха, ориентирующийся и на длину, и на звучание силлабического метра, М.Л. Гаспаров предлагал называть мнимосиллабическим равносложным дольником [Гаспаров, 2001, с. 160]. Парнах строго выдерживает изосиллабизм, но есть переводчики, использующие 3-иктный дольник как аналог испанского 8-сложника, однако не сохраняющие длину строки, например, И.Ю. Тьяннова:

⁷ Кальдерон де ла Барка. Из пьесы «Жизнь есть сон» / Пер. В.Я. Парнаха // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. 2-е изд., доп. и испр. М., 1949. С. 172.

<i>Разрешите мои сомненья,</i>	001001010	A
<i>Небеса, и дайте ответ:</i>	001010001	b
<i>Тем, что родился на свет,</i>	1001001	b
<i>Я разве свершил преступленья?</i>	010010010	A
<i>Но все же, по размышленью,</i>	01000010	A
<i>Я мог и сам убедиться,</i>	01010010	C
<i>Что грозная ваша десница</i>	010010010	C
<i>Меня покарать должна:</i>	0100101	d
<i>Ведь худшая в мире вина –</i>	01001001	d
<i>Это на свет родиться.</i>	1001010	C
<i>Все же я знать хочу,</i>	100101	a
<i>Чтоб не терзаться вечно</i>	1001010	B
<i>(Хоть я признаю, конечно,</i>	01001010	B
<i>Что за рожденье плачу),</i>	1001001	a
<i>За что я свой век влачу,</i>	0100101	a
<i>В вечную тьму погружен?</i>	1001001	c
<i>Я разве один рожден?</i>	0100101	c
<i>Ведь родились и другие...</i>	10010010	D
<i>В чем их права такие,</i>	1001010	D
<i>Каких я небом лишен?⁸</i>	0101001	c

Переводы Парнаха и Тыняновой интересны не только выбором тонического метра для передачи 8-сложника, но и схемой рифм и структурой окончаний. В обоих случаях соблюдена схема испанской десимы, но у Парнаха окончания строк строго альтернируют, а в десимах Тыняновой в середине строфы сталкиваются однородные окончания. Донской указывал, что к чередованию рифм переводчики относятся по-разному: если одни последовательно избегают соседства двух мужских или двух женских пар рифм, то другие «чисто “по-испански” не прида<ю>т этому вопросу никакого значения» [Донской, 1970, с. 210]. Примеров такого рода в испанском стихе действительно можно найти сколько угодно, запрета на соседство однородных незарифмованных клаузул не существует. См. кинтильи и редондилы из “No hay cosa como callar”:

⁸ Кальдерон. Жизнь – это сон / Пер. И. Тыняновой // Кальдерон. Пьесы: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.Б. Томашевского; Ред. пер. Н.М. Любимова. М., 1961. Т. 1. С. 475.

<i>Sabe Dios que no he tenido,</i>	A
<i>Leonor, cuidado mayor</i>	b
<i>que tú en lo que ha sucedido;</i>	A
<i>pero oyéndote, Leonor,</i>	b
<i>mi mayor consuelo has sido.</i>	A
<i>Mira tú dónde estarás</i>	c
<i>más a tu gusto y mejor;</i>	d
<i>porque yo no quiero más</i>	c
<i>hacienda, vida ni honor</i>	d
<i>que saber que quedarás</i>	c
<i>en un convento sin mí,</i>	e
<i>ya que tan infeliz fui</i>	e
<i>en lo que me sucedió.</i>	f
<...>	
<i>Si entrambos de una manera</i>	A
<i>tuerto el corazón tenéis,</i>	B
<i>si un defecto padecéis,</i>	B
<i>no haya vara ni tijera,</i>	A
<i>sino consolaos los dos</i>	c
<i>uno a otro, haciendo aquí</i>	d
<i>amistades ante mí,</i>	d
<i>y entraos a casa con Dios.</i> ⁹	c

В обоих переводах Н. Ванханен дольник как регулярный метрический эквивалент испанских силлабических метров не используется, для передачи стиха разного слогового объема применяется 5-стопный ямб и 4-стопный хорей (в переводе “No hay cosa como callar” лидирует ямб, соотношение метров по пьесе 3 : 2, а в переводе “La vida es sueño” – хорей, соотношение 1 : 4). В «Жизнь есть сон» ямбом последовательно передаются октавы, десимы, сильвы, хореем – романский стих, редондильи, кинтильи. В «Молчанье – золото» соответствия испанских и русских метров не вполне регулярны, используется 5-стопный ямб с парной и вольной рифмой, белый 5-стопный ямб, хореические 4-стишия и 5-стишия. При этом в переводах встречаются отдельные переакцентуации и рифменные сбои.

⁹ Calderón de la Barca P. No hay cosa como callar. Edición digital a partir de “Parte diez y siete de comedias nuevas y escogidas de los mejores ingenios de España”, Madrid, Melchor Sánchez, 1622. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 1999. URL: <https://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmccc0x0>

Лишь в одном случае в переводе «Молчанье – золото», в I сцене I действия, стройное течение силлаботоники прерывается необычным по звучанию фрагментом:

Ведь Горгоне, чтоб убить,
 Довольно взгляда,
 А змее нужна всего лишь
 Капля яда;
 Наповал сражает меч
 Одним ударом,
 Долго ль молнии зажечь
 Леса пожаром?
 Так неужто же любовь
 Слабей Горгоны?
 Как змея, отравит кровь;
 Сметет препоны,
 Точно меч; как гром небесный
 Не утихнет –
 Только глянет,
 Только ранит,
 Только вспыхнет!¹⁰

*La muerte da un basilisco
 de sola una vez que vea;
 la víbora da la muerte
 de una sola vez que muerda;
 la espada quita la vida
 de sola una vez que hiera,
 y de una vez sola el rayo
 mata aun antes que se sienta.
 Luego, siendo basilisco
 amor, víbora sangrienta,
 blanca espada y vivo rayo,
 bien puede dar muerte fiera
 de una sola vez que mire,
 de una vez que haga la presa,
 de una vez que se desnude
 y de una vez que se encienda.*¹¹

– однако и тут перед нами классический стопный стих: кажущиеся сперва дольником или логаздом строки являют собой разделенный на зарифмованные полустроки 6-стопный хорей:

*Ведь Горгоне, чтоб убить, довольно взгляда,
 А змее нужна всего лишь капля яда;
 Наповал сражает меч одним ударом,
 Долго ль молнии зажечь леса пожаром?*

Рифмы заменяют ассонансы оригинала (*vea : muerda : hiera : se sienta* и т.д.), которые на протяжении предыдущих ста строк перевода

¹⁰ Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон; Молчанье – золото / Н.Ю. Ванханен (пер. с исп., предисл.); Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2021. С. 158.

¹¹ Calderón de la Barca P. No hay cosa como callar. Edición digital a partir de “Parte diez y siete de comedias nuevas y escogidas de los mejores ingenios de España”, Madrid, Melchor Sánchez, 1622. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 1999. URI: <https://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmccc0x0>

не напоминали о себе. Любопытно, что после появления зарифмованного отрывка в белый 5-стопный ямб регулярно вплетаются спорадические рифмы:

*Увы! Таков самообман!
 Так видится бедняжке это дело,
 Да дело обстоит совсем не так.
 И, видишь ли, когда пора приспела
 Мне поступить в ряды лихих вояк
 (Во фландрском был походе, в итальянском –
 Сам герцог Лерма в битвы нас водил),
 Надумала любезная Марсела
 Мне подарить – дабы глаза мои
 И сердце позабыть ее не смело –
 Ракушку, рыцарей Сантьяго знак,
 С ее портретом, вправленным умело.¹²*

Посмотрим теперь на строфические эквиваленты, используемые в двух переводах. В переводе «Молчанье – золото» сильвам Кальдерона у Ванханен соответствует 5-стопный ямб с рифмовкой ААВВ со свободным чередованием женских и мужских окончаний и разнообразными типами рифм (точные, приблизительные, неточные, составные).

Дон Диего:

*Уж это вовсе маловероятно!
 Моя сестра – отважная девица.
 Огонь потушен, а испуг все длится?
 Имущество и жизнь не пострадали,
 И напугались сильно вы едва ли –
 Так вовремя пришел вам на подмогу
 Сосед, что здесь живет через дорогу!
 О, поискать такого кабальеро!
 Какая благородная манера –
 В дом пригласить и на ночлег устроить,
 И хлопотами не беспокоить,
 И проводить почтительно обратно.
 Вот воспитанье – донельзя приятно!*

Don Diego:

*También lo niego,
 que si deso naciera,
 muriendo el fuego, la pasión viviera.
 La hacienda ni la vida
 no peligró, una y otra defendida
 por la piedad y estilo lisonjero
 de aquel anciano y noble caballero,
 que en su casa hospedada
 la tuvo aquella noche: luego en nada
 esas dos ocasiones han causado
 su mal; y más habiéndose mudado
 de la casa a otro día,
 por el azar que dice que tenía
 con ella.*

¹² Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон; Молчанье – золото / Н.Ю. Ванханен (пер. с исп., предисл.); Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2021. С. 159.

Хуана:

Я думаю, гадать – напрасный труд.

(Входит Леонор.)

Леонор (в сторону):

*О, милостивый Боже, брат мой тут!*¹³

Juana:

*Pues en vano
decir más que eso puedo yo.*

(Sale Leonor.)

Леонор (Aparte):

*Mi hermano
aquí está. ¡Oh!, ¡quién pudiera...!*¹⁴

В переводе не сохраняется характерное для сильвы чередование строк разной длины. Такое метрическое решение принято и во втором переводе: в обоих случаях, когда сильвы используются в испанском тексте «Жизнь есть сон», переводчица в качестве их эквивалента дает ямбический пентаметр с парной рифмой:

*Проклятый конь, крылатый гиппогриф
Куда ты мчался, время окрылив?!
Зачем разумной воле вопреки
Летел ты с ветром наперегонки?*¹⁵

В ряде других русских переводов драмы чередование длинных и коротких стихов сохранено. Например, в переводе М. Донского:

*О мой скакун крылатый!
Сюда подобно вихрю мчал меня ты.
Где ж ты теперь, мой конь –
ты, молния, хоть твой не жег огонь?*¹⁶

– где чередуются строки 5-стопного и 3-стопного ямба. В самом раннем русском стихотворном переводе “La vida es sueño” С.В. Костарева сильвы

¹³ Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон; Молчанье – золото / Н.Ю. Ванханен (пер. с исп., предисл.); Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2021. С. 198.

¹⁴ Calderón de la Barca P. No hay cosa como callar. Edición digital a partir de “Parte diez y siete de comedias nuevas y escogidas de los mejores ingenios de España”, Madrid, Melchor Sánchez, 1622. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 1999. URI: <https://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmccc0x0>

¹⁵ Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон; Молчанье – золото / Н.Ю. Ванханен (пер. с исп., предисл.); Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2021. С. 32.

¹⁶ Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон / Пер. М. Донского. М., 1983. Л. 3.

первого монолога Росауры тоже отражают чередование оригинала, только с помощью сочетания строк 5-стопного и 4-стопного хорей:

*Гиппогрифъ неукротимый,
Въ быстротѣ, какъ вихрь, неуловимый,
Лучъ Перуна безъ сіянья.
Птица безъ узоровъ одьянья,
Звѣрь, рожденный безъ инстинкта!*¹⁷

Сильвы в третьей хорнаде переданы Костаревым таким же образом. Нельзя не обратить внимание и на имитирующие строй подлинника сплошные женские окончания в этих строках.

Интересно сравнить десимы в двух переводах Ванханен: в обоих случаях они выполнены 5-стопным ямбом, при этом в «Молчанье – золото» схема АВВААССДДС выдержана последовательно (структура клаузул: жммжжммжжм/мжжммжжммж/мжжммммжжм), а в переводе «Жизнь есть сон», где десим много, использован строфический субститут – 10-стишие на три рифмы со свободной схемой рифмовки и порядком клауз (abbaacddcc мжжммжммжж, aabbacdcdd ммжжммжмм, aababccddcd жжжммжжжж и т.д.). Схожим образом в этом переводе переданы октавы: в них сохранены тройные рифмы, но порядок следования созвучий свободный, как и порядок окончаний.

А столъ фо:

<i>Дурные вести сыплются с утра.</i>	а
<i>Прощай, веселье! Раз моя особа</i>	В
<i>Здесь панам не по нраву, мне пора</i>	а
<i>Снискать их уважение до гроба.</i>	В
<i>Коня, король! Да поутихнет злоба!</i>	В
<i>Скажу «прости» прелестницам двора,</i>	а
<i>Пирам, балам и праздничным хоромам...</i>	С
<i>Взяв молнию на щит, ударю громом!</i>	С

¹⁷ Кальдерон де ла Барка. Избранные драмы. Вып. 2: Жизнь есть сон / Пер. и предисл. С. Костарева. М., 1861. С. 1.

Б а с и л и о:

<i>Что суждено, то неизбежно, то есть</i>	A
<i>К спасению отрезаны пути!</i>	b
<i>Чем дальше нас уводит жизни повесть,</i>	A
<i>Тем легче смерти будет нас найти.</i>	b
<i>Я шел на все, злодейство взял на совесть,</i>	A
<i>Чтоб родину от деспота спасти.</i>	b
<i>И что ж? Моя невыигрышна роль:</i>	c
<i>Тебя, о Польша, губит твой король!</i>	c

Э с т р е л ь я:

<i>Когда король, владеющий державой,</i>	A
<i>Не в силах оградить от мятежа</i>	b
<i>Своих земель, захваченных оравой</i>	A
<i>Восставшей черни, вороном кружа,</i>	b
<i>Крепчает буря, гонит вал кровавый,</i>	A
<i>И в яростном разливе алых рек</i>	c
<i>Уже спастись не может человек.¹⁸</i>	c

A s t o l f o:

<i>Suspéndase, señor, el alegría,</i>	A
<i>cese el aplauso y gusto lisonjero</i>	B
<i>que tu mano feliz me prometía;</i>	A
<i>que si Polonia (a quien mandar espero)</i>	B
<i>hoy se resiste a la obediencia mía,</i>	A
<i>es porque la merezca yo primero.</i>	B
<i>Dadme un caballo, y de arrogancia lleno</i>	C
<i>rayo descienda el que blasona trueno.</i>	C

B a s i l i o:

<i>Poco reparo tiene lo infalible,</i>	A
<i>y mucho riesgo lo previsto tiene;</i>	B
<i>si ha de ser, la defensa es imposible,</i>	A
<i>que quien la excusa más, más la previene.</i>	B
<i>¡Dura ley! ¡Fuerte caso! ¡Horror terrible!</i>	A
<i>Quien piensa que huye el riesgo, al riesgo viene,</i>	B
<i>con lo que yo guardaba me he perdido;</i>	C
<i>yo mismo, yo mi patria he destruido.</i>	C

¹⁸ Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон; Молчанье – золото / Н.Ю. Ванханен (пер. с исп., предисл.); Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2021. С. 121.

Estrella:

<i>Si tu presencia, gran señor, no trata</i>	A
<i>de enfrenar el tumulto sucedido,</i>	B
<i>que de uno en otro bando se dilata,</i>	A
<i>por las calles y plazas dividido,</i>	B
<i>verás tu reino en ondas de escarlata</i>	A
<i>nadar, entre la púrpura teñido</i>	B
<i>de su sangre; que ya con triste modo,</i>	C
<i>todo es desdichas y tragedias todo.</i> ¹⁹	C

По недосмотру переводчика в последней процитированной «октаве» семь, а не восемь строк²⁰.

Романсный стих в двух переводах передается по-разному. В «Молчанье – золото» не вполне последовательно, но все же достаточно определенно романсному стиху соответствует белый 5-стопный ямб или 5-стопный ямб со спорадическими рифмами (т.е. строка удлиняется по сравнению с подлинником), а рифмованному 8-сложнику – 4-стопный хорей с разнообразными рифмами (4-стишия всех типов, 5-стишия ababa/aabba/abaab/aabab и пр.). В переводе «Жизнь есть сон» Ванханен этот принцип не сохраняет, и романсный стих получает новый неожиданный метрический эквивалент: хорейческий тетраметр с перекрестной рифмой.

*Сон, глубокий, крепкий сон...
В каземат, в жилище мрака,
Где несчастный заточен,
Я сошел с питьем из мака.
Опий с каплей белены –
Нераспелнутая чаша.
И беседовали мы,
И текла беседа наша,
И затрагивались в ней,
Нераскрытые донныне,*

*Dejando aparte el dudar
si es posible que suceda,
pues que ya queda probado
con razones y evidencias...)
con la bebida, en efeto,
que el opio, la adormidera
y el beleño compusieron,
bajé a la cárcel estrecha
de Segismundo; con él
hablé un rato de las letras*

¹⁹ Calderón de la Barca P. La vida es sueño. Edición digital a partir de la edición de Evangelina Rodríguez Cuadros, Madrid, Espasa-Calpe, 1997, 18ª ed. URI: <https://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc542n2>

²⁰ В русской поэзии есть одна знаменитая 7-строчная октава – XXXVI октава «Домика в Коломне», но у Пушкина пропуск строки мотивирован семантикой, чего в переводе не наблюдается.

Тайны гор, лесов, полей:
 Школа узника в пустыне,
 Что знакомит всех скорей,
 В классах, знаньями богатых,
 С древней мудростью зверей,
 Красноречием пернатых!
 Незаметно речь зашла,
 Вашим планам потакая,
 О величии орла,
 В ком с рожденья мощь такая,
 Что, взмывая по утрам
 В упоении счастливом,
 Не покорствуем ветрам,
 Не сдаются их порывам,
 А летит за небоскат
 В сфере огненного света.²¹

*humanas que le ha enseñado
 la muda naturaleza
 de los montes y los cielos,
 y en cuya divina escuela
 la retórica aprendió
 de las aves y las fieras.
 Para levantarle más
 el espíritu a la empresa
 que solicitas, tomé
 por asunto la presteza
 de un águila caudalosa que,
 despreciando la esfera
 del viento, pasaba a ser,
 en las regiones supremas
 del fuego, rayo de pluma,
 o desasido cometa.²²*

Вместо полурифмованного или белого стиха, привычных аналогов этой выразительной испанской стиховой формы [Светлакова, Хворостьянова, 2010; Polilova, 2018], новый перевод предлагает зрителю и читателю полнорифмованные катрены. Такой путь, конечно, значительно усложняет переводческую работу и неизбежно удаляет перевод от идеалов словесной точности. Можно предположить, что нетривиальное решение обусловлено стремлением приблизить перевод к публике, воспитанной на рифмованных 4-стишиях, и сделать текст более эффективным при восприятии на слух.

Когда ассонансную рифму не воспроизводят вовсе, это, безусловно, меняет стиль всей драмы [Левый, 1974, с. 312]. Однако, говоря об ассонансе, Левый предостерегал от перенасыщенности драматического текста рифмами: по его наблюдениям, даже простоя замена ассонанса полноценной рифмой может повредить переводу²³. Если же ассонанс через строку (т.е. два элементарных созвучия на пространстве четырех

²¹ Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон; Молчанье – золото / Н.Ю. Ванханен (пер. с исп., предисл.); Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2021. С. 66.

²² Calderón de la Barca P. La vida es sueño. Edición digital a partir de la edición de Evangelina Rodríguez Cuadros, Madrid, Espasa-Calpe, 1997, 18ª ed. URI: <https://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc542n2>

²³ Ср. «в испанской драме рифмовка богаче и сложнее, чем во многих других литературных (богаче, например, чем во французском александрийском стихе, где одна рифма приходится на 24 слога, в то время как в испанском восьмисложном драматическом стихе – на каждые 16 слогов). Если при этом рифмовать нормально (не ассонансами), переводный драматический текст будет перенасыщен рифмами и пьеса может приобрести характер оперетты» [Левый, 1974, с. 312].

строк) подменяется перекрестной рифмой (с необходимостью найти две пары рифм на те же четыре строчки), как происходит в новом переводе «Жизнь есть сон», то не слишком ли радикальна эта подмена? Вопрос о целесообразности такого усложнения формы оригинала требует отдельного разговора и, видимо, предварительного сравнительного анализа лексической точности перевода в катренах, заменивших в переводе стих романса. Кстати, Донской, размышляя о том, как все-таки следует переводить ассонансные рифмы, находит плюсы в обращении к нерифмованному стиху: такая передача романса «целесообразна, ибо при этом романс своей простотой сильнее контрастирует со сложно рифмованными стихами и позволяет зрителю (читателю) отдохнуть от рифмы. Такова же, собственно, эстетическая функция романса и в оригинале» [Донской, 1970, с. 215].

Пытаясь нащупать определяющую для стиха переводов Натальи Ванханен черту, мы пришли к мысли, что их структура определена в первую очередь ориентацией на сценическое бытование, а не прочтение читателем. Русское ухо, не привыкшее следить за длинными и строгими строфическими композициями, получает своего рода строфические дериваты нужных форм, где выдержаны первостепенные ограничения, например, сохранено число строк строфы и число рифм. Так переводчица в значительной степени развязывает себе руки и получает возможность более гибко строить рифменные цепи, нарушая классический порядок следования созвучий. Принцип рифменной комбинаторики, используемый Ванханен, напоминает функционирование испанской кинтильи, в которой позволено сочетать пять стихов на две рифмы в практически свободном порядке (ababa/abbab/abaab/aabab/aabba и т.д.):

<i>Ах, сеньора, в заблужденье</i>	A
<i>Вы находитесь сейчас –</i>	b
<i>Я от сердца славлю вас</i>	b
<i>И молю о снисхожденьи –</i>	A
<i>Выслушайте мой рассказ.</i>	b
<i>Встарь Евторхий Третий правил.</i>	C
<i>Как и требует закон,</i>	d
<i>Славно Польшей правил он.</i>	d
<i>Не нарушив общих правил,</i>	C
<i>Сыну власть свою оставил –</i>	C
<i>Так Басилио занял трон.²⁴</i>	d

²⁴ Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон; Молчанье – золото / Н.Ю. Ванханен (пер. с исп., предисл.); Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2021. С. 48.

<i>Muy mal informada estás,</i>	A
<i>Estrella, pues que la fe</i>	b
<i>de mis finezas dudáis,</i>	A
<i>y os suplico que me oigáis</i>	A
<i>la causa, a ver si la sé.</i>	b
<i>Falleció Eustorgio tercero,</i>	C
<i>Rey de Polonia, quedó</i>	d
<i>Basilio por heredero,</i>	C
<i>y dos hijas, de quien yo</i>	d
<i>y vos nacimos. No quiero...</i> ²⁵	C

В переводе кинтилий Ванханен выдерживает 5-стишие, но есть пример одного случайного 6-стишия, которое мы позволили себе привести вместе с правильной кинтилейей.

Получается, что в новом переводе «Жизнь есть сон» пути рифмы ослаблены в одних местах, а в других (при переводе романса), наоборот, туго затянуты. Другие подобные случаи воссоздания испанской полиметрии нам не известны.

Мы не обладаем достаточными сведениями, чтобы уверенно говорить о том, когда в России впервые была предпринята попытка эквиметрического перевода испанской стихотворной комедии. Однако бесспорен факт, что уже в первом стихотворном переводе “La vida es sueño”, выполненном С.В. Костаревым²⁶, стиховые формы сменяют друг друга, следуя за оригиналом. В первой и второй хорнадах Костарев отражает перемены в способах рифмовки и длине строки последовательно и только к третьему действию сбивается на белый хорей, забывая в нужный момент «переключать» метры. Метрическая система его перевода упрощена в сравнении с оригиналом: романсный стих передается белым стихом (X4 ж/м), редондильи, кинтильи, десимы – 4-стопным хореем с неурегулированной рифмовкой (в которой все-таки отражается рифменная структура подлинника, например, нередки тройные созвучия). 5-стопный хорей у Костарева используется в сильвах (чередуюсь с тетраметром), которые мы цитировали выше, и в октавах. Предпочтение хорей, а не ямба для перевода крупного драматического произведения сближает первую и последнюю русские версии кальдероновского шедевра.

²⁵ Calderón de la Barca P. La vida es sueño. Edición digital a partir de la edición de Evangelina Rodríguez Cuadros, Madrid, Espasa-Calpe, 1997, 18^a ed. URI: <https://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc542n2>

²⁶ Кальдерон де ла Барка. Избранные драмы. Вып. 2: Жизнь есть сон / Пер. и предисл. С. Костарева. М., 1861.

Выбор хорей, вероятно, связан с традицией европейской рецепции испанской поэзии: романтики считали, что испанский стих имеет хорейскую базу. Это вполне верно для 8-сложников, где до половины строк действительно совпадают с хореем, но, конечно, не для 11-сложников с их выраженной ямбической каденцией. Н.Ю. Ванханен решает эту проблему ритмов, используя оба размера, и 4-стопный хорей, и 5-стопный ямб.

К настоящему времени во многих национальных переводческих традициях устоялась практика перевода стиха верлибром. Бывает, однако, что переводчики, не желая сковывать себя всеми версификационными ограничениями подлинника, сохраняют отдельные элементы стихотворной формы как своеобразные знаки оригинала: в таких случаях переводчик может использовать белый стих, спорадическую рифму, имитацию строф (см. некоторые недавние примеры [Belousova, 2022]). Школа русского поэтического перевода куда менее склонна к подобным приемам: оригинальные формальные решения Ванханен в будущем должны быть рассмотрены в более широком отечественном и в мировом переводческом контексте.

Библиографический список / References

Багно, 2003 – Багно В.Е. Пьеса Тирсо де Молины «Севильский обольститель, или Каменный гость» в переводе К. Бальмонта // Эткиндовские чтения. I. Сб. статей по материалам чтений памяти Е.Г. Эткинда (27–29 июня 2000). СПб., 2003. С. 125–134. [Bagno V.E. Tirso de Molina's play "The Trickster of Seville and the Stone Guest" in K. Balmont's translation. *Etkindovskie chtenija*. Vol. I. St. Petersburg, 2003. Pp. 125–134. (In Rus.)]

Ванханен, 2021 – Ванханен Н.Ю. Кальдерон великий и ужасный // Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон; Молчанье – золото / Н.Ю. Ванханен (пер. с исп., предисл.); Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2021. С. 7–27. [Vanhanen N.Ju. Calderón the Great and Powerful. *Calderón de la Barca P. Zhizn' est' son; Molchan'e – zoloto*. N.Ju. Vanhanen (transl.); Ju.G. Fridshtejn (ed.). Moscow, 2021. (In Rus.)]

Гаспаров, 2001 – Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. [Gasparov M.L. *Russkii stikh nachala XX veka v kommentariyakh* [Russian verse of the early XX century with the commentary]. Moscow, 2001. (In Rus.)]

Гинько, 2006 – Педро Кальдерон де ла Барка. Библиографический указатель / В.Г. Гинько (сост., автор вступ. ст.), Ю.Г. Фридштейн (отв. ред.). М., 2006. [Pedro Calderon de la Barca. *Bibliograficheskii ukazatel* [Pedro Calderón de la Barca. Bibliographic index]. V.G. Ginko, Ju.G. Fridshtejn (eds.). Moscow, 2006.]

Донской, 1970 – Донской М.А. Как переводить стихотворную классическую комедию? // Мастерство перевода. Сб. 7: 1970. М., 1970. С. 186–216. [Donskoy M.A. How to translate classic poetic comedy? *Masterstvo perevoda. Book 7: 1970*. Moscow, 1970. Pp. 186–216. (In Rus.)]

Левый, 1974 – Левый И. Искусство перевода / Пер. с чеш. и предисл. Вл. Росельса. М., 1974. [Levý J. *Iskusstvo perevoda* [Umění překladu]. Transl. from Czech. Moscow, 1974.]

Полилова, 2014 – Полилова В.С. Полиметрия испанских комедий Золотого века и поэтический перевод: случай Кальдерона в России // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 88–98. [Polilova V.S. Polymetry of Spanish Golden Age comedies and poetic translation: Calderón's case in Russia. *Novyi filologicheskii vestnik*. 2014. No. 2 (29). Pp. 88–98. (In Rus.)]

Полилова, 2017 – Полилова В.С. Белый четырехстопный хорей с окончани-ями ЖЖЖМ // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 11. С. 76–88. [Polilova V.S. Blank trochaic tetrameter with FFFm endings. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 2017. Vol. 11. Pp. 76–88. (In Rus.)]

Полилова, 2018 – Полилова В.С. Перевод стиха: между функциональным и формальным эквивалентом (на материале бальмонтовских переводов испанских поэтов) // Поэзия филологии. Филология поэзии: Сборник конференции памяти А.А. Илюшина. М., 2018. С. 134–149. [Polilova V.S. Verse translation: Between functional and formal equivalents (on the material of Balmont's translations of Spanish poets). *Poeziya filologii. Filologiya poezii: Sbornik konferentsii pamyati A.A. Ilyushina*. Moscow, 2018. Pp. 134–149. (In Rus.)]

Светлакова, Хворостьянова, 2010 – Светлакова О.А., Хворостьянова Е.В. Испанские романсеро в русских переводах // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития. СПб., 2010. С. 355–364. [Svetlakova O.A., Khvorostyanova E.V. Spanish romancero in Russian translations. *Otechestvennoe stikhovedenie: 100-letnie itogi i perspektivy razvitiya*. St. Petersburg, 2010. Pp. 355–364. (In Rus.)]

Antonucci, 2009 – Antonucci F. “Acomode los versos con prudencia”: La polimetría en dos comedias urbanas de Lope. *Artifara*. 2009. No. 9. Addenda. Pp. 1–25.

Belousova, 2022 – Belousova A. Traducir a Dante otra vez: traducciones argentinas y rusas recientes de la Commedia (2015–2021). *Literatura: teoría, historia, crítica*. 2022. Vol. 24. No. 1. Pp. 13–47.

Polilova, 2018 – Polilova V. Spanish Romancero in Russian and the semantization of verse form. *Studia Metrica et Poetica*. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 77–108.

Vitse, 1998 – Vitse M. Polimetría y estructuras dramáticas en la comedia de corral del siglo XVII: el ejemplo de El Burlador de Sevilla. *El escritor y la escena*. 1998. Vol. VI. Ciudad Juárez, 1998. Pp. 45–63.

Vitse, 2020 – Vitse M. Apostillas a la comedia No hay cosa como callar de Calderón. *Anagnórisis: Revista de investigación teatral*. 2020. No. 21. Pp. 366–397.

Статья поступила в редакцию 16.10.2022
The article was received on 16.10.2022

Об авторах / About the authors

Бабушкин Артем Дмитриевич – аспирант отдела новой русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург

Artem D. Babushkin – postgraduate student at the Department of New Russian Literature, Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6256-6198>

E-mail: a.d.babouchkine@gmail.com

Полилова Вера Сергеевна – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела русской культуры Института мировой культуры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Vera S. Polilova – PhD in Philology; senior researcher at the Department of Russian Culture of the Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7095-9909>

E-mail: vera.polilova@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54

О.И. Беляев^{1, 2, 3}, И.А. Хомченкова^{2, 4}¹ Институт языкознания Российской академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация³ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация⁴ Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук,
119019 г. Москва, Российская Федерация

Соединение именных групп в осетинском языке

Статья посвящена описанию способов соединения именных групп в осетинском языке (иронский диалект), которое может осуществляться с помощью сочинительного союза *æмæ*, аддитивной частицы *дæр*, аблативно-инструментального падежного показателя *-æй/-йæ*, комитативного падежного показателя *-имæ* и комитативного предлога *æд*. Показано, что *æмæ* и *-имæ* являются базовыми средствами в сочинительных и комитативных конструкциях соответственно. Наряду с обычным сочинением имеется также эмфатическая полисиндетическая конструкция с аддитивной частицей *дæр*. С этой конструкцией конкурирует «аблативное сочинение» и (преимущественно в дигорском осетинском) конструкция с предлогом *æд*, которые употребляются для исчерпывающего перечисления объектов ('и стар, и млад'; 'и девочки, и мальчики').

Ключевые слова: сочинение, комитатив, аддитив, аблатив, инструменталис, осетинский язык

© Беляев О.И., Хомченкова И.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Благодарности. Исследование поддержано грантом Российского научного фонда 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Беляев О.И., Хомченкова И.А. Соединение именных групп в осетинском языке // Рема. Rhema. 2022. № 4. С. 32–54. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54

O. Belyaev^{1, 2, 3}, I. Khomchenkova^{2, 4}

¹ Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

³ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, 117485, Russian Federation

⁴ Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation

Noun phrase conjunction in Ossetic

The paper describes NP conjunction in Ossetic (Iron dialect), which can be marked by the coordinating conjunction *æmæ*, the additive particle *dæɾ*, the ablative-instrumental case marker *-æj/-jæ*, the comitative case marker *-imæ* and the comitative preposition *æd*. We show that *æmæ* and *-imæ* are the basic means for marking coordinating and comitative constructions, respectively. Along with the unmarked coordination strategy, there is an emphatic polysyndetic construction with the additive particle *dæɾ*. This construction also competes with “ablative coordination” and (mainly in Digor Ossetic) with the construction with the preposition *æd*, which are used for exhaustive enumeration of objects (‘both old and young’; ‘both girls and boys’).

Key words: coordination, comitative, additive, ablative, instrumental, Ossetic

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant 22-18-00528 “The relationship of propositional units in a sentence and in a text: Semantics and ways of grammaticalization”.

FOR CITATION: Belyaev O., Khomchenkova I. Noun phrase conjunction in Ossetic. *Rhema*. 2022. No. 4. Pp. 32–54. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54

1. Введение

Согласно [Stassen, 2000, p. 4], предложение содержит соединение именных групп (ИГ), если оно описывает единичное событие, в котором более одного индивида относятся к одной семантической роли.

В языках мира существует две стратегии соединения ИГ: сочинительная и комитативная [Stassen, 2000]. При сочинительной стратегии оба конъюнкта занимают одинаковые структурные позиции (*Алан и Сослан ушли*; *Алан и Сослан* – субъект), в то время как при комитативной одна из ИГ имеет меньший структурный ранг (*Алан ушел с Сосланом*; *Алан* – субъект; *с Сосланом* – сирконстант). Также в общем случае при сочинительной стратегии две ИГ образуют единую составляющую и вызывают множественное согласование предиката; при комитативной стратегии две ИГ не образуют единую составляющую, а согласование предиката контролируется только центральной ИГ [Ibid, p. 21].

В данной статье мы опишем способы соединения ИГ в осетинском языке (< иранские < индоевропейские). Осетинский язык имеет два основных диалекта: иронский и дигорский, каждый из которых имеет свою литературную норму. В настоящей статье рассматривается материал литературного иронского диалекта.

Основой исследования послужили материалы, полученные методом анкетирования носителей в экспедициях в г. Владикавказ Республики Северная Осетия – Алания в 2022 г., а также осетинский национальный корпус (ОНК; <http://corpus.ossetic-studies.org/search/>) и корпус текстов, записанных в с. Даргавс (<https://www.ossetic-studies.org/ru/texts/iron>). Далее примеры, записанные при опросе носителей, не помечаются.

К средствам, служащим для соединения ИГ в осетинском языке, относятся сочинительный союз *æмæ* (раздел 2), аддитивная частица *дар* (раздел 3), аблативно-инструментальный падежный показатель *-æй/-йæ* (раздел 4), комитативный предлог *æд* (раздел 5), комитативный падежный показатель *-имæ* (раздел 6).

Соединение ИГ в осетинском языке, включая сочинение, ранее никогда не было объектом самостоятельного исследования. Некоторые сведения о сочинении («однородных членах предложения») и о комитативных показателях содержатся в очерке синтаксиса К.Е. Гагкаева [Гагкаев, 1956] и в описательных грамматиках [Ахвледиани, 1963; Багаев, 1965,

1982; Thordarson, 2009]. В работах [Belyaev, 2015; Беляев, 2015] содержится обзор некоторых типов полипредикативных конструкций с союзом *æmæ* ‘и’. Некоторые данные о структуре сочинения также содержатся в работах [Беляев, 2014; Belyaev, 2021], в которых обсуждается групповая падежная флексия. Некоторая информация о комитативных конструкциях также доступна в [Выдрин, Мазурова, 2020].

2. Сочинительный союз *æmæ*

Базовой и наиболее распространенной конструкцией для соединения именных групп является сочинительная стратегия с союзом *æmæ* ‘и’. Эта конструкция является достаточно типичной моносиндетической сочинительной стратегией: союз ставится между двумя конъюнктами (1) и, как правило, перед последним конъюнктом, если в конструкции задействовано более двух элементов (2), см. также [Багаев, 1982, с. 274]. Дублирование союза перед или после каждой ИГ не допускается (3).

(1) Алан **æmæ** Сослан æрба-цъд-ысты.
Алан и Сослан рv-идти-рст.Зрл¹
‘Алан и Сослан пришли’.

(2) Мадинаэ, Алан **æmæ** Сослан æрба-цъд-ысты.
Мадина Алан и Сослан рv-идти-рст.Зрл
‘Мадина, Алан и Сослан пришли’.

(3) * **æmæ** Алан **æmæ** Сослан /
и Алан и Сослан
Алан **æmæ** Сослан **æmæ** æрба-цъд-ысты.
Алан и Сослан и рv-идти-рст.Зрл
Ожид.: ‘Алан и Сослан пришли’.

С просодической точки зрения *æmæ* при сочинении ИГ, чаще всего, если не всегда, является энклитикой, т.е. присоединяется к фонетическому слову, предшествующему союзу (что, по-видимому, типично для левоветвящихся языков, к которым относится осетинский). Так, во всех примерах на сочинение ИГ в [Абаев, 1949, с. 538–539] *æmæ* выступает как

¹ Список условных сокращений: 1, 3 – 1-е, 3-е лицо; abl – аблатив; add – аддитив; all – аллатив; cmpr – компаратив; com – комитатив; dat – датив; dir – директив; exst – экзистенциальный маркер; gen – генитив; in – инессив; inf – инфинитив; neg – отрицание; nmr – нумератив (счетная форма); pcvb – причастие-деепричастие; pfv – перфектив; pl – множественное число; poss – посессивность; prop – проприетив; prs – настоящее время; pst – прошедшее время; ptcl – частица; pv – проверб; rcp – реципрок; refl – рефлексив; sg – единственное число; super – суперэссив; uq – универсальная квантификация.

энклитика. Энклитический статус *æmæ* виден и из того, что, если в начале предложения стоит сочиненная ИГ, то клитики второй позиции вставляются внутрь сочиненной группы после союза (4a), см. [Lowe, Belyaev, 2015]. Впрочем, допустима и позиция после всей именной группы (4b).

- (4) a. Алан **æmæ** мæм Сослан æрба-цъд-ысты.
 Алан и 1SG.ALL Сослан PV-идти-PST.3PL
 ‘Алан и Сослан пришли ко мне’.
- b. Алан **æmæ** Сослан мæм æрба-цъд-ысты.
 Алан и Сослан 1SG.ALL PV-идти-PST.3PL
 ‘Алан и Сослан пришли ко мне’.

Важной особенностью сочинения ИГ при помощи *æmæ* является допустимость их оформления одним падежным показателем (5a), при этом, если неконечные конъюнкты выражены личными местоимениями 1 и 2 лица единственного числа, то они стоят в форме родительного падежа (косвенной основы), а не номинатива (5b).

- (5) a. Алан(-æн) **æmæ** Сослан-æн чыныг радт-он.
 Алан-DAT и Сослан-DAT книга давать.PFV-PST.1SG
 ‘Я дал книгу Алану и Сослану’.
- b. Мæн / *æз **æmæ** Зауыр-æн чыныг радт-а.
 я.GEN я и Заур-DAT книга давать.PFV-PST.3SG
 ‘Он дал книгу мне и Зауру’.

В работах [Беляев, 2014; Belyaev, 2021] показано, что это свидетельствует о «расщеплении» между двумя классами осетинских падежей, в рамках которого только номинатив и генитив у местоимений являются в полном смысле морфологическими падежами; другие падежные показатели аналогичны послелогам и присоединяются довольно высоко в синтаксисе (проекция KP/CaseP над NP/DP). Возможно и дублирование падежного показателя (см. (5a)), которое можно трактовать как сочинение двух KP. Альтернативный анализ в терминах эллипсиса предложен в работе [Erschler, 2012].

Союз *æmæ* в осетинском языке является полифункциональным союзом, сочиняющим, помимо именных групп, и другие типы составляющих: прилагательные (6), наречия (7)², клаузы (8), составляющие меньше клаузы, включающие глагол (9). Как указывает В.И. Абаев, при сочинении клаузы *æmæ* может быть как проклитикой, так и энклитикой [Абаев,

² Следует заметить, что наречия и прилагательные в осетинском языке противопоставлены слабо: так, в (7) оба наречия формально неотличимы от соответствующих прилагательных, что отражено в глоссах.

1949, с. 538–539]. При этом сочетание «клауза + *æмаæ*-энклитика» может находиться в конце предложения, получая значение причины (10).

(6) *рæсугъд æмаæ зонд-джын чызг*
 красивый и ум-PROP девочка
 ‘красивая и умная девочка’

(7) *Уым дзаумæ-ттæ иттæг хорз æмаæ тагъд*
 там вещь-PL очень хороший и быстрый
 сур кæн-ынц.
 сухой делать-PRS.3PL
 ‘Там вещи сушат очень хорошо и быстро’. (ОНК)

(8) *Зауыр хæдзар-мæ ба-цыд-и, æмаæ йæ Алан*
 Заур дом-ALL PV-идти-PST.3SG и 3SG.GEN Алан
 фæдт-а.
 видеть.PFV-PST.3SG
 ‘Заур вошел в дом, и Алан его увидел’.

(9) *Зауыр сæ-хи-мæ ба-цыд-и æмаæ с-хуыссыд-и.*
 Заур POSS.3PL-REFL-ALL PV-идти-PST.3SG и PV-спать-PST.3SG
 ‘Заур пришел домой и лег спать’.

(10) *Йæ бон сыл ни-цы уыд-ис,*
 POSS.3SG сила 3PL.SUPER NEG-что быть-PST.3SG
чысыл уыд-и æмаæ.
 маленький быть-PST.3SG и
 ‘Он ничего против них не мог, потому что был маленький’.
 (ОНК)

3. Аддитивная частица *дæр*

В своей базовой функции частица *дæр* добавляет аддитивную пресуппозицию (см., например, [Forker, 2006, p. 71]). Например, в (11), помимо ассерции ‘Алан пришел’, присутствует и другой компонент значения – ‘кто-то еще пришел’. Отметим, что в общем случае она добавляет именно аддитивную (‘тоже’), а не скалярно-аддитивную (‘даже’) пресуппозицию: в таких контекстах часто появляются другие показатели, маркирующие скалярность, ср., например, (12) с частицей *ма*.

(11) *Алан дæр æрба-цыд.*
 Алан ADD PV-идти.PST.3SG
 ‘Алан тоже пришел’.

- (12) Алан **дæр** [#](ма) æрба-цъд-ис абон бæрæгбон-мæ.
 Алан ADD PTCL PV-идти-PST.3SG сегодня праздник-ALL
 ‘Даже Алан / [#]Алан тоже пришел сегодня на праздник’.

Также *дæр* привносит исчерпывающую интерпретацию в конструкции с числительными (13). В случае же с числительным *цу* ‘один’ и показателем отрицания эта частица ограничивает интерпретацию отрицания узкой сферой действия: (14а) имеет только интерпретацию ‘ни одного мужчины не видел’; интерпретация с высокой сферой действия ИГ *цу лæджы* ‘одного/кое-какого мужчину не видел’ недоступна. Напротив, в (14b) такая интерпретация допустима и предпочтительна.

- (13) Æмæ гъер уже с-лæг-тæ сты,
 и сейчас уже PV-мужчина-PL быть.PRS.3PL
 цыппар лæппу-йы **дæр**.
 четыре мальчик-NMR ADD
 ‘Теперь они уже выросли, все 4 мальчика’.
 (Даргавский корпус: «Традиционная свадьба», 2.10)

- (14) а. Иу лæдж-ы **дæр** нæ федт-он.
 один мужчина-GEN ADD NEG видеть.PFV-PST.1SG
 ‘Я ни одного мужчины не видел’.
 б. Иу лæдж-ы нæ федт-он.
 один мужчина-GEN NEG видеть.PFV-PST.1SG
 ‘Я не видел одного мужчину’.

Наконец, *дæр* используется при сочинении, маркируя оба конъюнкта, ср. (15) и (16). При этом, как видно из (17), наличие *дæр* в таких конструкциях не исключает и добавление союза *æмæ* (см. о структуре конструкций такого типа в [Mitrović, Sauerland, 2016]).

- (15) Алан **дæр** Сослан **дæр** бæрæгбон-мæ æрба-цъд-ысты.
 Алан ADD Сослан ADD праздник-ALL PV-идти-PST.3PL
 ‘И Алан, и Сослан пришли на праздник’.
- (16) *Алан **дæр** Сослан / Алан Сослан **дæр** бæрæгбон-мæ
 Алан ADD Сослан Алан Сослан ADD праздник-ALL
 æрба-цъд-ысты.
 PV-идти-PST.3PL
 Ожид.: ‘Алан и Сослан пришли на праздник’.
- (17) Алан **дæр** æмæ Сослан **дæр** бæрæгбон-мæ
 Алан ADD и Сослан ADD праздник-ALL
 æрба-цъд-ысты.
 PV-идти-PST.3PL
 ‘И Алан, и Сослан пришли на праздник’.

Такие конструкции с двойной частицей *дәр* представляют эмфатическое (или контрастивное) сочинение [Haspelmath, 2007, p. 15], в котором каждый из конъюнктов рассматривается по отдельности. Так, в случае реципрокального действия с двумя участниками (18) возможно лишь сочинение с помощью *әмә*, а сочинение с *дәр* подразумевает третьего участника, над которым и производится действие (19).

- (18) Зәлиһә әмә Мәдинә / *Зәлиһә **дәр** Мәдинә **дәр**
 Залина и Мадина Залина ADD Мадина ADD
 кәрәдзи-йән хъәбыс-тә кән-ыңц.
 RCP-DAT объятие-PL делать-PRS.3PL
 ‘Залина и Мадина обнимаются’.

- (19) Зәлиһә **дәр** Мәдинә **дәр** сә нана-йән
 Залина ADD Мадина ADD POSS.3PL бабушка-DAT
 хъәбыс-тә кән-ыңц.
 объятие-PL делать-PRS.3PL
 ‘Залина и Мадина обнимают свою бабушку’.

В отрицательных контекстах аддитивная частица может присоединяться напрямую к показателю отрицания (*һәдәр*, *мадәр*, см., например, [Багаев, 1982, с. 276]), причем получающийся комплекс нельзя разделить на препозитивный отрицательный показатель и постпозитивную частицу, см. (20).

- (20) а. **Нәдәр** Алан, **һәдәр** Сослан әрба-цъд-ысты.
 NEG.ADD Алан NEG.ADD Сослан PV-идти-PST.3PL
 ‘Ни Алан, ни Сослан не пришли’.
- б. * **Нә** Алан **дәр**, **һә** Сослан **дәр** әрба-цъд-ысты.
 NEG Алан ADD NEG Сослан ADD PV-идти-PST.3PL
 Ожид.: ‘Ни Алан, ни Сослан не пришли’.

В литературном осетинском языке двойное отрицание в норме недопустимо (21); единственным исключением являются конструкции с эмфатической постпозицией отрицательного местоимения, когда двойное отрицание, напротив, обязательно (22). Именные группы, сочиненные при помощи единиц типа *һәдәр*, чаще обычного употребляются в этой последней конструкции (23). При препозиции отрицательных составляющих, согласно [Багаев, 1982, с. 277], глагол употребляется без отрицательного показателя, однако для отрицательных сочиненных групп в корпусе встречаются примеры не только с одинарным отрицанием (24), но и с двойным (25).

- (21) Зауыр **һи-цы** (***һә**) зон-ы.
 Заур NEG-что NEG знать-PRS.3SG
 ‘Заур ничего не знает’.

- (22) Зауыр ***(нæ)** зон-ы (æппындæр) **ни-цы.**
 Заур NEG знать-PRS.3SG совсем NEG-что
 ‘Заур совсем ничего не знает’.
- (23) Бибо-йæн **нæ** уыд-ис **нæдæр** мад, **нæдæр** фыд,
 Бибо-DAT NEG быть.PST.3SG NEG.ADD мать NEG.ADD отец
нæдæр æфсымæр.
 NEG.ADD брат
 ‘У Бибо не было ни матери, ни отца, ни брата’.
 [Багаев, 1982, с. 277]
- (24) Диссаг мæм фæ-каст, Беллæ **нæдæр** хъыг,
 чудо 1SG.ALL PV-смотреть.PST.3SG Белла NEG.ADD скука
нæдæр æнкъарддзинад ра-вдыст-а.
 NEG.ADD печаль PV-показывать-PST.3SG
 ‘Мне показалось удивительным, что Белла не показала ни скуки,
 ни печали’. (ОНК)
- (25) Кæй зæгъ-ын æй хъæу-ы, **нæдæр**
 кто.GEN говорить-INF 3SG.GEN быть_нужным-PRS.3SG NEG.ADD
 чызг, **нæдæр** лæппу **нæ** архайдт-ой уыцы
 девочка NEG.ADD мальчик NEG трудиться-PST.3PL тот
 ныхас-ы.
 слово-IN
 ‘Что и говорить, ни девочка, ни мальчик не участвовали в этом
 разговоре’. (ОНК)

Частица *дæр* может употребляться не только в конструкциях с сочинением ИГ. Например, она может использоваться при сочинении нефинитных (26) и финитных глаголов (27) и клауз (28). При этом в случае с нефинитными глаголами частица может присоединяться как к именному зависимому глаголу (26а), так и к самой глагольной форме (26b), а в случае с финитными глаголами – лишь к зависимому (27). Если же в такой конструкции используются глаголы без именных зависимых (например, *бадын* ‘сидеть’), то используется аналитическая конструкция с глаголом *кæнын* ‘делать’ (*бадгæ кæнын* ‘сидя делать’), см. (29).

- (26) а. Æз уарз-ын хæринаг **дæр** кæн-ын æмæ
 я любить-PRS.1SG еда ADD делать-INF и
 тæбæгъ-тæ **дæр** æхс-ын.
 тарелка-PL ADD мыть-INF
 ‘Я люблю и еду готовить, и посуду мыть’.

(26) b. *Æз уарз-ын хæринаг кæн-ын дæр æмæ*
я любить-PRS.1SG еда делать-INF ADD и
тæбæгъ-тæ æхс-ын дæр.
тарелка-PL мыть-INF ADD
 ‘Я люблю и еду готовить, и посуду мыть’.

(27) a. *Зæлинаæ хæринаг дæр кæн-ы æмæ тæбæгъ-тæ дæр*
Залина еда ADD делать-PRS.3SG и тарелка-PL ADD
æхс-ы.
мыть-PRS.3SG
 ‘Залина и еду готовит, и посуду моет’.

b. **Зæлинаæ хæринаг кæн-ы дæр æмæ тæбæгъ-тæ*
Залина еда делать-PRS.3SG ADD и тарелка-PL
æхс-ы дæр.
мыть-PRS.3SG ADD
 Ожид.: ‘Залина и еду готовит, и посуду моет’.

(28) *Бирæгъ-тæ (дæр) æфсæст сты (*дæр),*
волк-PL ADD сытый быть.PRS.3PL ADD
*фыс-тæ (дæр) æнæхъæн сты (*дæр).*
овца-PL ADD целый быть.PRS.3PL ADD
 ‘(И) волки сыты, (и) овцы целы’.

(29) a. *Алан бад-гæ дæр кæн-ы æмæ хуысс-гæ*
Алан сидеть-PCVB ADD делать-PRS.3SG и лежать-PCVB
дæр кæн-ы.
ADD делать-PRS.3SG
 ‘Алан и сидит, и лежит’.

b. **Алан бад-ы дæр æмæ хуысс-ы дæр.*
Алан сидеть-PRS.3SG ADD и лежать-PRS.3SG ADD
 Ожид.: ‘Алан и сидит, и лежит’.

4. Аблативно-инструментальный падежный показатель *-æй/-йæ*

Падежный показатель *-æй/-йæ* полифункционален и выражает, в частности, инструментальное (30) и пространственное значение (31), стандарт сравнения (32), причину (33), партитивность (34), а также имеет предикативное (35) употребление.

(30) *Бæлас а-калдт-ой фæрæт-æй.*
дерево PV-рубить-PST.3PL топор-ABL
 ‘Дерево срубили топором’. [Багаев, 1965, с. 156]

- (31) Скъоладзау-тә ра-цыд-ысты скъола-йә.
школьник-PL PV-идти-PST.3PL школа-AVL
'Ученики вышли из школы'. [Багаев, 1965, с. 157]
- (32) домба-йә тых-джын-дәр
лев-AVL сила-PROP-CMPR
'сильнее льва' [Багаев, 1965, с. 156]
- (33) Ләппу мит-әй а-мард.
мальчик снег-AVL PV-умирать.PST.3SG
'Мальчик умер от снега'. [Thordarson, 2009, p. 158]
- (34) а. Фос-әй йәм цы уyd?
скот-AVL 3SG.ALL что быть.PST.3SG
'Что у него было из скота?' [Гагкаев, 1952, с. 50]
- б. Скъоладзау-т-әй фондз а-цыд-ис равдыст-мә.
школьник-PL-AVL пять PV-идти-PST.3SG выставка-ALL
'Из учащихся пятеро пошли на выставку'. [Багаев, 1982, с. 16]
- (35) а. Ме 'мбал кус-ы ахуыргәнәг-әй.
POSS.1SG друг работать-PRS.3SG учитель-AVL
'Товарищ работает учителем'. [Там же]
- б. Хорз ләг-әй ба-зәрөнд ис.
хороший человек-AVL PV-старый EXST
'Хорошим человеком он состарился'. [Там же]

Помимо этого, аблатив служит для перечисления объектов (36). При аблативном сочинении также возможно выраженное обобщающее слово (37)–(38). Как можно видеть из примеров, аблативные ИГ могут располагаться на левой периферии (36), в середине клаузы (37) и на правой периферии (38).

- (36) Фос-әй, цъиу-әй, саби-йә сә фәллад
скот-AVL птица-AVL ребенок-AVL POSS.3PL усталый
уагът-ой.
оставлять-PST.3PL
'Скот, птицы, дети отдыхали'. (ОНК)
- (37) Зәрәд-тә ус-әй, ләг-әй кув-ынц; ...
старый-PL женщина-AVL мужчина-AVL молиться-PRS.3PL
'Старики – мужчины, женщины – молятся'. (ОНК)
- (38) Әрба-тардт-а Донбеттыр-т-ы рәгъау: бәх-әй, гал-әй.
PV-гнать-PST.3SG Донбеттыр-PL-GEN стадо конь-AVL бык-AVL
'Он отогнал стадо Донбеттыров: коней, быков'. (ОНК)

Структура конструкции с «аблативным сочинением» оказывает нетривиальную с типологической точки зрения. С одной стороны, соединяемые существительные имеют одинаковый структурный ранг (оба – с аблативным маркированием), что сближает ее с сочинительной стратегией (ср. двойное использование комитативных показателей в сочинительной конструкции [Haspelmath, 2004, p. 17]). С другой стороны, эти существительные употребляются в предложении вместе с обобщающей ИГ, которая непосредственно зависит от глагола, а аблатив в осетинском не имеет комитативных функций (39).

- (39) Алан Сослан-**æй** æрба-цъд.
 Алан Сослан-ABL PV-идти.PST.3SG
 ‘Алан пришел от Сослана’.
 *‘Алан пришел с Сосланом’.

Эта конструкция получила две интерпретации в грамматических описаниях осетинского языка. Так, К.Е. Гагкаев писал, что «[творительный падеж употребляется] при перечислении неоднородных предметов. По своей функции этот вид отложительного стоит близко, как кажется, к партитивному отложительному» [Гагкаев, 1956, с. 113]. В свою очередь Н.К. Багаев и Ф. Тордарсон связывали сочинительное употребление отложительного падежа с его предикативной функцией [Багаев, 1965, с. 157; Thordarson, 2009, p. 161–162].

Трактовке отложительного падежа в данной конструкции как партитивного противоречит то, что в партитивных контекстах используется множественное число (40), в то время как при аблативном сочинении существительные обязательно должны быть в единственном числе (41).

- (40) Скъолодзау-т-**æй** / *скъолодзау-**æй** иу æрба-цъд-и.
 школьник-PL-ABL школьник-ABL один PV-идти-PST.3SG
 ‘Один из учеников пришел’.

- (41) а. Чызг-**æй**, лæппу-**йæ** ацы кино уарз-ыңц.
 девочка-ABL мальчик-ABL этот фильм любить-PRS.3PL
 ‘И девочки, и мальчики любят этот фильм’.

- б. [#]Чыздж-ыт-**æй**, лæппу-т-**æй** ацы кино уарз-ыңц.
 девочка-PL-ABL мальчик-PL-ABL этот фильм любить-PRS.3PL
[#]‘Из девочек, из мальчиков (некоторые) любят этот фильм’.

Вторая трактовка – анализ «сочинительного» отложительного падежа как предикативного (букв. ‘все дети пришли на экскурсию, (будучи) девочками и мальчиками’) – представляется более правдоподобной, т.к. объясняет употребление форм единственного числа. Тем не менее,

трудность для такого анализа (как и для партитивного анализа) представляет употребление конструкции с именами собственными (42)³, которые в норме не имеют предикативной интерпретации (‘Все дети были там, (будучи) Аланом, Сосланом и Заурбегом’).

- (42) Алан-**æй**, Сослан-**æй**, Заурбег-**æй** се ‘ппæт дæр
 Алан-ABL Сослан-ABL Заурбег-ABL POSS.3PL все ADD
 æрба-цъд-ысты.
 PV-идти-PST.3PL
 ‘Алан, Сослан, Заурбег – все они пришли’.

Такой тип соединения имен собственных имеет некоторые отличия от обсуждавшейся выше конструкции с нарицательными именами. Важнейшим представляется тот факт, что большинство носителей предпочитают употребление с именами собственными обобщающего слова; многие вовсе запрещают опущение квантификатора в (42). В связи с этим можно сравнить (42) с примерами типа (43). Эта конструкция по форме напоминает «аблативное сочинение», но отличается по семантике: здесь предполагается выбор из числа именных групп, маркированных аблативом. При этом допустимы как имена собственные, так и множественное число (44), причем единственное число интерпретируется именно как единственное.

- (43) a. Алан-**æй**, Сослан-**æй** чи рæвдз-дæр згъор-ы?
 Алан-ABL Сослан-ABL кто быстрый-СМР бегать-PRS.3SG
 ‘Кто бегаёт быстрее: Алан или Сослан?’
 (= ‘Кто быстрее бегаёт из Алана и Сослана?’)
- b. Фаризæт-**æй** Афассæ-**йæ** цы уæлдай ис?
 Фаризет-ABL Афасс-ABL что лишний есть
 ‘Кто лишний из Фаризат и Афасса?’ (ОНК)
- (44) a. Чызг-**æй**, лæппу-**йæ** чи рæвдз-дæр згъор-ы?
 девочка-ABL мальчик-ABL кто быстрый-СМР бегать-PRS.3SG
 ‘Кто быстрее бегаёт: девочка или мальчик / * девочки или мальчики?’

³ Как справедливо замечает анонимный рецензент, эта конструкция напоминает русские сочинительные конструкции с повтором *что*, в которых, как кажется, употребление квантора если не обязательно, то желательно: *Что Петя, что Вася, ?(все) были там*. Заметим, что такая конструкция также существует в осетинском языке, хотя и не очень распространена (i). Возможно, она возникла под влиянием русского языка.

- (i) Цы Зæлина, цы Тугъан, цы ма-хæдæг – цу дæр нæ
 что Залина что Туган что POSS.1SG-сам один ADD 1PL.ABL
 амонд-дъсын нæ-у.
 счастье-PROP NEG-быть.PRS.3SG
 ‘Что Залина, что Туган, что я сам – ни один из нас не счастлив’. (ОНК)

- (44) б. Чыздж-ыт-**æй**, лæппу-т-**æй** чи рæвдз-дæр
 девочка-PL-AVL мальчик-PL-AVL кто быстрый-СМРР
 згъор-ы?
 бегать-PRS.3SG
 ‘Кто быстрее бегают: девочки или мальчики?’

Мы можем осторожно предположить, что соединение имен собственных при помощи аблатива (42) имеет лишь поверхностное сходство с перечислительной конструкцией в (36)–(38) и в действительности является частным случаем конструкции в (43)–(44). Об этом говорит обязательное употребление квантора в главной клаузе: по сути, эти предложения имеют интерпретацию ‘Из Алана, Сослана и Заурбега пришли все’. Вопрос о соотношении этих конструкций нуждается в дальнейшем изучении.

С функциональной точки зрения «аблативное сочинение», как правило, может быть заменено на соединение именных групп при помощи аддитивной частицы *дæр* (с союзом *æмæ* или без), ср. (45а) и (45б).

- (45) а. Чызг-**æй**, лæппу-**йæ** æрба-цыд-ысты.
 девочка-AVL мальчик-AVL PV-идти-PST.3PL
 ‘И девочки, и мальчики пришли’.
- б. Чыздж-ытæ **дæр** (æмæ) лæппу-тæ **дæр**
 девочка-PL ADD и мальчик-PL ADD
 æрба-цыд-ысты.
 PV-идти-PST.3PL
 ‘И девочки, и мальчики пришли’.

Структурно эти конструкции имеют очевидно различный статус: так, при искомой семантике в конструкции с *дæр* обязательно употребление множественного числа (иначе пример бы получил интерпретацию ‘и девочка, и мальчик’), тогда как при «аблативном сочинении» множественное число, напротив, не допускается. Кроме того, в аблативной конструкции нельзя использовать союз *æмæ* и групповую флексию, которая обычна в сочинительных конструкциях:

- (46) *Чызг-**æй** / чызг æмæ лæппу-**йæ** æрба-цыд-ысты.
 девочка-AVL девочка и мальчик-AVL PV-идти-PST.3PL
 Ожид.: ‘И девочки, и мальчики пришли’.

Хотя эти конструкции во многом взаимозаменяемы, их частотность существенно различается. Предварительный анализ корпуса и Интернета (поиск Google) указывает на то, что именно «аблативное сочинение» является основным средством маркирования в таких обобщающих контекстах. Так, на сочетание *хистæртæ дæр* (*æмæ*) *кæстæртæ*

(51) Зæлинаæ дурын æд дидинаæг а-ппæрст-а.
 Залина горшок сом цветок PV-бросать-рст.3sg
 ‘Залина выбросила горшок вместе с цветком’.

(52) Алан æд холодильник а-фæлдæхт-и.
 Алан сом холодильник PV-падать-рст.3sg
 ‘Алан упал вместе с холодильником’.

В сочинительной конструкции *æд* неграмматичен, ср. (53а) и (53b). Однако носители допускают употребление *æд* в сочинительной конструкции в случае двойного маркирования (54), но не с любыми ИГ, ср. (55).

(53) а. Мад æд сывæллон æрба-цъд.
 мать сом ребенок PV-идти.рст.3sg
 ‘Мать пришла вместе с ребенком’.

б. Мад æмæ (йæ) сывæллон / *æд сывæллон
 мать и poss.3sg ребенок сом ребенок
 æрба-цъд-ысты.
 PV-идти-рст.3pl
 ‘Мать с ребенком пришли’.

(54) ?Æд кæстæр, æд хистæр æрба-цъд-ысты.
 сом молодой сом старый PV-идти-рст.3pl
 ‘И младшие, и старшие (= и стар, и млад) пришли’.

(55) *Æд Зæлинаæ, æд Алан æрба-цъд-ысты.
 сом Залина сом Алан PV-идти-рст.3pl
 Ожид.: ‘И Залина, и Алан пришли’.

Таким образом, конструкция с двойным *æд* (54) конкурирует с конструкцией с двойным *дæр* и аблативом. Однако, по-видимому, аналогичные конструкции более распространены в дигорском осетинском, см. (56) и примеры из [Абаев, 1958, с. 102]: *æд кæстæр, æд хæстæр* ‘и младшие, и старшие’, *æд сæрдæ, æд зумæг* ‘летом и зимой’. Вопрос о функциональном распределении сочинительной конструкции с *æд* и аблативного сочинения в дигорском осетинском требует отдельного исследования.

(56) дигорский осетинский
 Æд сывæллон, æд хæстæр ал-кæд-дæр
 сом ребенок сом старший UQ-когда-ADD
 бæлл-унцæ Нæуæг анз-и бæрæгбон-мæ.
 стремиться-PRS.3pl новый год-GEN праздник-ALL
 ‘И дети, и взрослые всегда стремятся к празднику Нового года’.
 (Дигорский корпус)

6. Комитативный падежный показатель *-имæ*

Базовым комитативным показателем является *-имæ* (в иронском диалекте; в дигорском вместо него используется послелог *хæццæ*). Этот падеж грамматикализовался сравнительно недавно из наречия/послелога *цумæ* ‘вместе’ [Абаев, 1949, с. 101]. В соответствии с этим, показатель *-имæ* сохраняет еще некоторые свойства послелога. Например, он имеет местоименные формы, образованные от посессивных проклитик: *мемæ* ‘со мной’ (из *мæ цумæ* → *ме ‘умæ*), *демæ* ‘с тобой’ (из *дæ цумæ* → *де ‘умæ*). Такой способ образования типичен для послеложных конструкций в осетинском языке: например, *йæ мидæг* ‘внутри него’; гласные переднего ряда и *æ* в сочетании с посессивными проклитиками сливаются в *e*: *йе ‘дде* (← *йæ æдде*) ‘вне его’.

Комитативный суффикс употребляется как в прототипической комитативной конструкции (57), так и в большом количестве модификаций комитативных конструкций (о которых см. [Архипов, 2009]): определительной (58), где комитативная группа является приименным модификатором; актантной (59), где комитативная группа используется при естественно множественных предикатах, в которых наличие множественного участника обязательно; копредикативной (60).

- (57) Алан Сослан-имæ хох-мæ а-цъд.
 Алан Сослан-СОМ гора-ALL PV-идти.PST.3SG
 ‘Алан ушел в горы с Сосланом’.

- (58) Иу ус ра-хызт-и хæдзар-ы къæсар-æй,
 один женщина PV-лезть-PST.3SG дом-GEN порог-AVL
 йæ къух-ы тæбæгъ – тæф-кал-гæ фыд-джын-т-имæ.
 POSS.3SG рука-IN тарелка пар-лить-PCVV мясо-PROP-PL-COM
 ‘Одна женщина переступила через порог дома – в руках у нее тарелка с испускающими пар пирогами с мясом’.
 [Багаев, 1982, с. 34]

- (59) Ахуыргæнæг ныхас кодт-а директор-имæ.
 учитель слово делать-PST.3SG директор-СОМ
 ‘Учитель говорил с директором’. [Багаев, 1965, с. 395]

- (60) Хуын-т-имæ дзыллæ уы-рдæм цъд-ысты.
 подарок-PL-COM народ тот-DIR идти-PST.3PL
 ‘С подарками люди туда шли’. (ОНК)

Также он используется в т.н. «пресуппозитивных» комитативных конструкциях (61), в которых, согласно [Перкова, 2016, с. 190], присутствует пресуппозиция перемещения объекта, ср. рус. *У меня не было*

с собой паспорта (= Уходя из дома, я забыл взять паспорт; подразумевается совершение перемещения) и У меня не было паспорта (= У меня в принципе не было паспорта; совершение перемещения не подразумевается).

Как видно из примеров (61a)–(61b), в этих конструкциях комитативный показатель присоединяется не к рефлексиву (как, например, в русском), а к личному местоимению. Отметим, что в обычных рефлексивных контекстах личные местоимения не употребляются (62).

- (61) а. Мән-мә ме-мә / *мә-хи-имә хәринаг ис.
я-ALL я-COM POSS.1SG-REFL-COM еда EXST
'У меня есть с собой еда'.
- б. Әз ме-мә / *мә-хи-имә хәринаг ра-хаст-он.
я я-COM POSS.1SG-REFL-COM еда PV-братъ-PST.1SG
'Я взяла с собой еду'.
- в. Әз Зәлинаә-мә ме-мә ба-дзырдт-он.
я Залина-ALL я-COM PV-звать-PST.1SG
'Я позвала Залину с собой'.
- д. Мә мад мын ме-мә хәринаг радт-а.
POSS.1SG мать 1SG.DAT я-COM еда давать.PFV-PST.3SG
'Мать дала мне с собой еду'.
- (62) а. Алан уарз-ы дзур-ын ме-мә.
Алан любить-PRS.3SG говорить-INF я-COM
'Алан любит говорить со мной'.
- б. Әз уарз-ын дзур-ын (мә-хәдәг)
я любить-PRS.1SG говорить-INF POSS.1SG-сам
мә-хи-имә / ***ме-мә**.
POSS.1SG-REFL-COM я-COM
'Я люблю говорить (сам) с собой'.

Допустим показатель *-имә* и в конструкциях с поглощением референта (plural pronoun construction, см., в частности, [Даниэль, 2000; Vassilieva, 2005]), см. (63). При этом часто первой реакцией на просьбу перевести предложение, содержащее такую конструкцию, оказывается сочинение с *әмә* (64). Тем не менее, конструкция с поглощением референта оценивается как грамматичная (65) как с полной формой местоимения (65a), так и с местоименной клитикой (65b).

- (63) Мах Алан-имә дыууә-йә а-цыд-ыстәм хох-мә.
мы Алан-COM два-AVL PV-идти-PST.1PL гора-ALL
'Мы с Аланом вдвоем пошли в горы'.

- (64) Алан маен-аен **æмæ** Зæлина-йæн хæринаг ба-лхæдт-а.
 Алан я-DAT и Залина-DAT еда PV-покупать-PST.3SG
 ‘Алан купил мне и Залине еду’.
- (65) a. Алан мах-аен Зæлина-**имæ** (нæ дыууæ-йæн дæр)
 Алан мы-DAT Залина-COM POSS.1PL два-DAT ADD
 хæринаг ба-лхæдт-а.
 еда PV-покупать-PST.3SG
 ‘Алан купил нам с Залиной еду’.
- b. Алан нын Зæлина-**имæ** (нæ дыууæ-йæн дæр)
 Алан 1PL.DAT Залина-COM POSS.1PL два-DAT ADD
 хæринаг ба-лхæдт-а.
 еда PV-покупать-PST.3SG
 ‘Алан купил нам с Залиной еду’.

Наконец, сочинительная конструкция с *-имæ* также грамматична, хотя некоторые носители отмечают, что употребление союза *æмæ* в таких случаях более предпочтительно (66). Еще более предпочтительно *æмæ* в структурных позициях, отличных от субъектной, см., например, (67), за исключением позиции прямого объекта (68), где использование *-имæ* допустимо, поскольку две ИГ могут не образовывать единую составляющую, ср. также иллюстрации из русского языка (69)–(70).

- (66) Алан {**æмæ** Сослан / ?Сослан-**имæ**} хох-мæ а-цъд-ысты.
 Алан и Сослан Сослан-COM гора-ALL PV-идти-PST.3PL
 ‘Алан и Сослан / Алан с Сосланом пошли в горы’.
- (67) Æз Алан **æмæ** Зæлина-йæн / ?? Алан-аен Зæлина-**имæ**
 я Алан и Залина-DAT Алан-DAT Залина-COM
 дидинджы-гæ радт-он.
 цветок-PL давать.PFV-PST.1SG
 ‘Я дала цветы Алану и Залине / Алану с Залиной’.
- (68) Æз Алан-ы театр-ы Зæлина-**имæ** федт-он.
 я Алан-GEN театр-IN Залина-COM видеть.PFV-PST.1SG
 ‘Я увидела Алана в театре с Залиной’.
- (69) a. Он дал [Маше с **Петей**] двести рублей.
 b. *Он дал Маше двести рублей с **Петей**. [Архипов, 2009, с. 139]
- (70) a. Вчера я видел Машу с **Петей**.
 b. Машу я видел вчера в театре с **Петей**. [Там же]

7. Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели основные способы соединения ИГ в осетинском языке: сочинительный союз *æмæ*, аддитивная частица *дæр*, отложительный падеж на *-æй/-йæ*, комитативный падеж на *-имæ*, комитативный предлог *æд*. В целом осетинская система представляется достаточно типичной для языков «среднеевропейского стандарта» (Standard Average European, см. [Haspelmath, 2001]): основной сочинительной стратегией, единой для всех типов составляющих, является моносиндетическая конструкция (с союзом *æмæ*); имеется также один основной комитативный показатель, оформляющий многие модификации прототипической комитативной конструкции (падежный аффикс *-имæ*). Наряду с обычным сочинением имеется также эмфатическая полисиндетическая конструкция с аддитивной частицей, опять же, типологически довольно распространенная (ср. рус. *и Петя, и Вася*). Однако такая система нетипична для ареала, в котором находится осетинский: для большинства языков Кавказа (за существенным исключением картвельских языков), характерно отсутствие единого союза ‘и’ и наличие отдельной стратегии для сочинения ИГ (причем чаще полисиндетической, т.е. с повтором союза, который совпадает с аддитивной частицей, но не являющейся обязательно эмфатической) и отдельной стратегии с зависимыми глагольными формами (деепричастиями) для соединения клауз.

Кроме того, осетинский интересен тем, что и для сочинительных, и для комитативных конструкций он имеет специализированные стратегии с узкой сферой употребления. С каноническим сочинением конкурирует аблативная конструкция, с каноническим комитативом – предлог *æд* (имеющий семантику «комплекта» и в данной статье подробно не рассматривавшийся). В аблативной конструкции отложительный падеж на *-æй/-йæ* используется в качестве своего рода сочинительного показателя; эта конструкция употребляется преимущественно для исчерпывающего перечисления классов объектов, относящихся к некоторой актантной позиции в клаузе (*пришли (все дети:) и мальчики, и девочки*). Отличительной особенностью этой конструкции является употребление единственного числа вместо множественного, что в целом для осетинского языка не характерно. На наш взгляд, это может указывать на то, что соединяемые имена в этой конструкции образуют вторичные предикации. То же значение может также выражаться эмфатическим сочинением с аддитивной частицей *дæр* и – в дигорском диалекте – предлогом *æд*. В иронском из этих стратегий наиболее распространенной, по-видимому, является аблативная.

Таким образом, осетинский, при кажущейся на первый взгляд типичности его системы сочинения ИГ для индоевропейских языков, демонстрирует ряд необычных свойств. Остается установить, имеют ли эти свойства параллели в соседних языках и можно ли объяснить их наличие ареальным влиянием. Это требует как более глубокого изучения свойств этих конструкций в осетинском языке, так и более подробного анализа соединения ИГ в языках, с которыми контактировал осетинский.

Библиографический список / References

Абаев, 1949 – Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. [Abaev V.I. Osetinskiy yazyk i folklor [Ossetic language and folklore]. Moscow; Leningrad, 1949.]

Абаев, 1958 – Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958. [Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka [Historical and etymological dictionary of Ossetic]. Vol. I. Moscow; Leningrad, 1958.]

Архипов, 2009 – Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. М., 2009. [Arkhipov A.V. Tipologiya komitativnykh konstruktсий [Typology of comitative constructions]. Moscow, 2009.]

Ахвледиани, 1963 – Грамматика осетинского языка / Под ред. Г.С. Ахвледиани. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963. [Grammatika osetinskogo yazyka [Ossetic grammar]. G.S. Akhvlediani (ed.) Vol. I. Phonetics and morphology. Ordzhonikidze, 1963.]

Багаев, 1965 – Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965. [Bagaev N.K. Sovremennyy osetinskiy yazyk [Modern Ossetic]. Part I. Phonetics and morphology. Ordzhonikidze, 1965.]

Багаев, 1982 – Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. II. Синтаксис. Орджоникидзе, 1982. [Bagaev N.K. Sovremennyy osetinskiy yazyk [Modern Ossetic]. Part II. Syntax. Ordzhonikidze, 1982.]

Беляев, 2014 – Беляев О.И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 31–65. [Belyaev O.I. Ossetic as a language with a two-case system: Group inflection and other paradoxes of case marking. *Voprosy yazykoznaneya*. 2014. No. 6. Pp. 31–65. (In Rus.)]

Беляев, 2015 – Беляев О.И. Псевдосоочинение в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2015. No. 11 (2). С. 33–59. [Belyaev O.I. Pseudo-coordinative in the Ossetian language. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015. No. 11 (2). Pp. 33–59. (In Rus.)]

Выдрин, Мазурова, 2020 – Выдрин А.П., Мазурова Ю.В. Комитативы в осетинском языке // ВАПрсы языкознания. Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / Под ред. А.А. Кибрика, Кс.П. Семёновой, Д.В. Сичи-навы и др. М., 2020. С. 581–587. [Vydrin A.P., Mazurova Yu.V. Comitatives in Ossetic. *VAProsy yazykoznaneya. Megasbornik nanostatei. Sb. st. k yubileyu*

V.A. *Plungyana*. A.A. Kibrik, Ks.P. Semenova, D.V. Sitchinava et al. (eds.). Moscow, 2020. Pp. 581–587. (In Rus.)]

Гагкаев, 1952 – Гагкаев К.Е. Очерк грамматики осетинского языка. Дзуджикау, 1952. [Gagkaev K.E. Oчерk grammatiki osetinskogo yazyka [Essay on the grammar of Ossetic]. Dzauzhikau, 1952.]

Гагкаев, 1956 – Гагкаев К.Е. Синтаксис осетинского языка. Ордзхоникидзе, 1956. [Gagkaev K.E. Sintaksis osetinskogo yazyka [Syntax of Ossetic]. Ordzhonikidze, 1956].

Даниэль, 2000 – Даниэль М.А. Типология ассоциативной множественности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. [Daniel M.A. Tipologiya assotsiativnoy mnozhestvennosti [Typology of associative plurality]. PhD dis. RSUH. 2000.]

Перкова, 2016 – Перкова Н.В. *С собой* в русском языке: комитативные конструкции каузации перемещения и их свойства // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. № 2. С. 157–179. [Perkova N.V. *S soboj* in Russian: Comitative constructions of the causation of movement and their properties. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. No. 2. Pp. 157–179. (In Rus.)]

Хомченкова, 2022 – Хомченкова И.А. Комитативный предлог *æd* в осетинском языке // *Известия СОИГСИ*. 2022. Вып. 46 (85). С. 126–134. [Khomchenkova I.A. Comitative preposition *æd* in Ossetic. *Izvestiya SOIGSI*. 2022. Issue 46 (85). Pp. 126–134. (In Rus.)]

Belyaev, 2015 – Belyaev O. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar. *Journal of Linguistics*. 2015. No. 51 (2). Pp. 267–326.

Belyaev, 2021 – Belyaev O. Paradigm structure influences syntactic behaviour: Ossetic case inflection. *Modular Design of Grammar*. I.W. Arka, A. Asudeh, T.H. King (eds.). Oxford University Press, 2021. Pp. 251–281.

Erschler, 2012 – Erschler D. Suspended affixation and the structure of syntax-morphology interface. *Studia Linguistica Hungarica*. 2012. Vol. 59. Pp. 153–175.

Forker, 2006 – Forker D. Toward a typology for additive markers. *Lingua*. 2016. Vol. 180. Pp. 69–100.

Haspelmath, 2001 – Haspelmath M. The European linguistic area: Standard average European. *Language typology and language universals*. M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Berlin, 2001. Pp. 1492–1510.

Haspelmath, 2004 – Haspelmath M. Coordinating constructions: An overview. *Coordinating constructions*. M. Haspelmath (ed.). Amsterdam, 2004. Pp. 3–39.

Haspelmath, 2007 – Haspelmath M. Coordination. *Language typology and syntactic description. Vol. II: Complex constructions*. T. Shopen (ed.). Cambridge University Press, 2007. Pp. 1–52.

Lowe, Belyaev, 2015 – Lowe J., Belyaev O. Clitic positioning in Ossetic. *Proceedings of the LFG15 Conference*. M. Butt, T.H. King (eds.). Stanford, CA, 2015. Pp. 229–249.

Mitrović, Sauerland, 2016 – Mitrović M., Sauerland U. Two conjunctions are better than one. *Acta Linguistica Hungarica*. 2016. Vol. 63. No. 4. Pp. 471–494.

Stassen, 2000 – Stassen L. AND-languages and WITH-languages. *Linguistic Typology*. 2000. Vol. 4. No. 1. Pp. 1–54.

Thordarson, 2009 – Thordarson F. Ossetic grammatical studies. Wien, 2009.

Vassilieva, 2005 – Vassilieva M. Associative and Pronominal Plurality. PhD dis. Stony Brook University. 2005.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022
The article was received on 21.09.2022

Об авторах / About the authors

Олег Игоревич Беляев – кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, участник Междисциплинарной научно-образовательной школы «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; заведующий сектором иранских языков Отдела индо-европейских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Oleg I. Belyaev – PhD in Linguistics; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, participant of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”, Lomonosov Moscow State University; head at the Section of Iranian Languages of the Department of Indo-European Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8032-566X>

E-mail: belyaev@ossetic-studies.org

Ирина Андреевна Хомченкова – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; участник Междисциплинарной научно-образовательной школы «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Irina A. Khomchenkova – postgraduate student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; participant of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University „Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1653-0201>

E-mail: irina.khomchenkova@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

A. Galeyeva, G. GumovskayaHSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

Disciplinary-specific grammatical patterns of nominal phrases with nominalisations

The study examines the relative frequency of complex nominal phrases with nominalisations in physics and humanities academic discourse subsets of the English language. Using corpus methodology, we demonstrate that, contrary to expectations, there is a 9% prevalence of NPs with nominalisations in the latter. The findings of the study allow to draw conclusions about the prevailing strategies for nominalisation usage in disciplinary academic discourse subsets (NPs as a means of technicality construing in physics discourse subset as opposed to NPs as a tool of rendering temporal, causal and instrumental relations in humanities discourse subset). The resulting functional model can be used as a framework of reference in EFL academic writing teaching and be of use to L2 scholars that would like to make their writing consistent with the tendencies of the particular academic discourse subset.

Key words: nominalisation, nominal phrase, disciplinary academic discourse, academic writing, corpus methodology

FOR CITATION: Galeyeva A., Gumovskaya G. Disciplinary-specific grammatical patterns of nominal phrases with nominalisations. *Rhema*. 2022. No. 4. Pp. 55–80. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-55-80

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-55-80

А.И. Галеева, Г.Н. Гумовская

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Грамматические особенности включения номинализации в номинативные словосочетания в институциональном дискурсе

В исследовании приведены результаты сравнительного анализа употребления именных словосочетаний с номинализацией в институциональном академическом дискурсе (физическом и гуманитарном) на материале английского языка. Применение корпусной методологии позволило сделать вывод о 9-процентном преобладании номинализации в именных словосочетаниях в гуманитарном академическом дискурсе, а также выделить преобладающие дискурсивные тактики применения номинализации в институциональном академическом дискурсе (конструирование технического терминологического поля в физическом дискурсе и передача темпоральных, каузальных и инструментальных отношений в гуманитарном дискурсе). Сформированная в результате исследования функциональная модель будет актуальна в преподавании академического письма и может быть использована для проверки соответствия текста нормам конкретного институционального дискурса.

Ключевые слова: номинализация, именное словосочетание, институциональный академический дискурс, академическое письмо, корпусная методология

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Галеева А.И., Гумовская Г.Н. Грамматические особенности включения номинализации в номинативные словосочетания в институциональном дискурсе // Рема. Rhema. 2022. № 4. С. 55–80. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-55-80

1. Introduction

Over the last decades, genre analysis has been broadly implemented for studying academic writing conventions. There has been a wide range of research papers concerning certain linguistic features of different academic writing genres (abstracts, theses, textbooks, research articles, reviews) [Bhatia, 1997, 2002; Hyland, 2004; Marefat, 2013] and studies aimed at the cross-disciplinary analysis of particular genres [Samraj, 2005; Diani, 2007; Jalilifar et al., 2018; Kuhl et al., 2020].

A significant portion of the research in the field is devoted to the analysis of grammatical features of professional registers, including nominalisation [Baratta, 2010; Jalilifar et al., 2017; Kuhl et al., 2020]. The grammatical complexity, as part of the tripartite paradigm of language skills (complexity, accuracy, fluency), is understood as the ability of the author to utilise a wide diversity of sophisticated grammatical constructs in the written and oral speech. It is considered indispensable for retaining higher levels of academic writing proficiency [Jalilifar et al., 2017, p. 2; Lan et al., 2019]. While a substantial number of studies provide empirical evidence of nominalisations and nominal phrases being more widespread in academic writing than in conversation [Biber et al. 2011, p. 9–10] and playing the crucial role in syntactical complexity formation of various academic discourse genres [Biber et al., 2020], very few of them specifically focus on the disciplinary-determined grammatical patterns of nominal phrases with nominalisations. Meanwhile, mere quantitative analysis of nominalisations proves insufficient for specifying disciplinary features of nominalisation usage. Instead, what Liardet refers to as ‘nominal group elaboration’ [Liardet, 2016, c. 27], that is, patterns of integration of nominalisations into nominal phrases, is regarded as a major contributor to the formation of disciplinary discourse conventions. Thus, the *purpose* of this study is to provide a comparative analysis of nominalisation phrasal inclusion patterns in Applied Physical Sciences and Humanities academic discourse, with specific focus on the pragmatic nature of nominalisation.

The relevance of this study is determined by the recent investigations proving the currently increasing significance of nominalisation as a functional tool of institutionalised academic discourse [Bello, 2016]. However, there still remains a significant gap in the linguistic analysis of grammatical patterns of employing nominalisations in disciplinary-specific academic discourse and their functional interpretation. The institutionally bound discourse description with regards to nominal phrases with nominalisations would be of practical use for teaching academic writing that would conform to statistically significant tendencies characteristic of the sub-discourse

(technical and social). Additionally, the model of institutionalised sub-discourses might be used as a framework of reference by L2 scholars that would like to make their writing consistent with the norms and tendencies of the particular academic discourse subset.

2. Theoretical framework

2.1. Nominalisation definition and classification

All the pre-existing research on nominalisations may be roughly subdivided into formalist and functional approaches. The first group tends to focus solely on the structural (derivational) patterns of nominalisations and their immediate neighbours in utterances (e.g., gerundive nominalisations not allowing for pre-modifying adjectives [Chomsky, 1975, p. 58]; comparative valency of deverbal nominalisations and their verbal counterparts [Bloch-Trojnar, Malicka-Kleparska, 2017]). They do not aim to analyse the motivation behind the use of nominalisations in constructions. We might say that formalists answer the question of 'how' nominalisations are used. Though the said approach provides important insights into the use of nominalisations, the study of register- and genre-specific features of nominalisation usage would require deeper analysis of stimuli inducing speakers to adhere to nominalisations in the first place.

The functional approach includes the 'why'-question into the research. Maintaining an integral unified perception of lexicogrammar, the functional approach allocates generalised meanings to certain word-classes (e.g., the meaning of action for verbs), as opposed to formalist view on the distinct line dividing grammar from lexis. Such inclusion (to a certain extent) of semantic and contextual analysis enables researchers to make conclusions on the motivations for nominalising the verbal or adjectival component of the utterance. The cognitive linguistic analysis, for example, draws conclusions on nominalisations as components of conceptual metaphors that contribute to the way speakers perceive the world and help to understand the abstract phenomena better by means of comparing them to simpler notions from everyday life [Li, 2016]. However, the genre-specific cognitive analysis of nominalisations in academic writing does not appear to be extensive enough to draw conclusions on the contribution of nominalisations to cognitive rendering of science in general. The systemic functional linguistics framework, meanwhile, provides a clear-cut set of 'metafunctions' that can be used for the analysis of nominalisations as an academic writing tool [Halliday, Matthiessen, 2013] which explains the choice of systemic functional linguistics framework for the current research.

Nominalisation in systemic functional linguistics is understood as a representation of a broader concept of ‘grammatical metaphor’ developed by Halliday [Halliday, Matthiessen, 2013]. Although the definitions of grammatical metaphor may vary as per the focus of each particular study, the researchers appear to agree on the point that grammatical metaphor is characterised by the indirect link between the grammatical meaning and the grammatical form used to express it, or as Thompson broadly puts it – by the ‘re-setting the relationships between meanings and wordings’ [Thompson, 2014, p. 233] that causes ‘interstratal tension’ [Hao, 2020, p. 160] between the strata of semantics and lexicogrammar. Consider the following examples:

- (1) a. If we adopt the following principles, the company’s financial health will continue to improve.
- b. The adoption of the following principles will bring further improvement to the company’s financial health.

In (1a), the process, or ‘figure’ [Halliday, Matthiessen, 2013], is congruently rendered by a verb ‘adopt’, thus, there is no tension between the semantics of the concept and the lexicogrammatical form. However, in (1b), the process is incongruently (metaphorically) rephrased by means of a noun which is an accepted lexicogrammatical means of rendering things, or ‘entities’ [Ibid]. The prevalent significance of nominalisation as a vehicle of ideational (lexemic) grammatical metaphor is underlined by Halliday who claims that nominalisation is ‘the single most powerful resource for creating grammatical metaphor’ [Ibid, p. 729].

To restrict the scope of our attention to a particular type of nominalisations, we analysed the classifications that exist among scholars. First, the current study is specifically focused on deverbalised nominalisations (e.g., classification – to classify, digitalisation – to digitalise) as opposed to nominalisations formed on the basis of adjectives and other parts of speech (brief – brevity, bright – brightness). The reason for this consists in the fact that deverbal nominalisations prove to be more frequent in the English language than other types [Jalilifar et al., 2017, p. 7; Hayriyan, 2020].

Second, the present research paper, in line with other studies in the field [Baratta, 2010; Alexiadou et al., 2013], concerns itself with derivational nominalisations only, and excludes the instances of nominalisations formed through zero derivation or sound interchange (e.g., to walk – a walk, believe – belief). Such narrowing of the study scope can be justified, first of all, by the fact that derivational nominalisations constitute the most frequently occurring and productive word-building pattern. Nominalisations derived

by means of -tion suffix, in particular, prove to be especially frequent. A number of studies show quantitative evidence of its significantly higher rate of occurrence in academic writing [Biber, 1988; Mehrabi et al., 2018], even if compared to -ing nominalisation which intuitively might seem more widespread [Biber et al., 2011].

Third, nominalisations are subdivided into textual (or metalinguistic) and non-metalinguistic ones [Charles, 2003; Baratta, 2010]. Textual nominalisations are those that are used by the author to render concepts based on the opinions of other authors. In the current research, we study non-metalinguistic nominalisations only, as these nominalisations are the ones that ‘writers choose themselves’ [Baratta, 2010, p. 1021]. For the classification, we adhere to the criteria elaborated by Baratta, who lists as textual nominalisations direct links to other research papers, paraphrasing of other people’s words as well as terms perceived as the professional jargon of a particular group of scholars [Baratta, 2010].

The fourth classification that proves significant for the scope of the present study is the division between the so-called ‘live’/‘instantial’ and ‘dead’/‘faded’ nominalisations [He, Yang, 2018; Hao, Humphrey, 2019; Hao, 2020]. Live grammatical metaphors (and nominalisations in particular) are understood as nominalisations that represent figures (processes), whereas dead nominalisations appear to have lost their processual meaning and tend to render the meaning of entities [Halliday, 1998; Hao, 2020], or, as Halliday and Matthiessen later called it, the meaning of a ‘reified process’ [Halliday, Matthiessen, 2013, p. 322]. The criteria of distinguishing between live and dead metaphors are not as obvious as those used for previous classifications; however, the method of ‘unpacking’, or congruent rendering of a nominalisation is widely recognised as a useful tool [Liardét, 2016; He, Yang 2018; Hao, 2020]. If a nominalisation does not yield to congruent unpacking, it can be classified as a dead grammatical metaphor. Consider the following examples:

- (2) a. Due to the introduction of the policy, the prospects for the future of the company seemed to improve.
- b. The novel was captivating from the start, even the introduction left the reader breathless.

In (2a), the nominalisation ‘introduction’ allows for congruent rendering (The prospects improved because we introduced the policy), thus, we may conclude that ‘introduction’ is an example of a live grammatical metaphor. In (2b), the word ‘introduction’ has long lost its processual meaning and cannot be unpacked in the same manner as in (2a). Consequently, ‘introduction’ in (2b) is a case of a dead grammatical metaphor.

However, the line between dead and live grammatical metaphors is not always clear, even after the attempt at congruent rendering of the message. Based on the principles developed by Halliday, Hao describes a tristratal approach that can be used to distinguish between the more ambiguous instances of dead/live grammatical metaphors [Hao, 2020]. The author has formulated a number of features characteristic of live and dead grammatical metaphors that can be used as markers for the differentiation: the semantic (whether the nominalisation comprises one figure or a sequence of figures), the contextual (with regard to cohesion) and the grammatical ones (with the focus on generalised elementary meanings, i.e., ‘Sayer’, ‘Value’, ‘Agent’). Whenever the item under classification appeared ambiguous, we adhered to this methodology. The application of the methodology in question can be illustrated with the following example:

- (3) a. The rate of the gas diffusion in the liquid seemed to be increasingly slow.
- b. Diffusion is an inevitable physical process, one can hardly avoid it even under controlled conditions of the laboratory.

According to Hao’s tristratal approach, the word ‘diffusion’ in both examples represents one figure. Thus, the semantic features do not seem to contribute to the differentiation. In (3a), however, the nominalisation is preceded by an agentive object (gas) and followed by an object describing the sphere of figure realisation (in the liquid) which is a contextual feature of a live grammatical metaphor [Ibid, p. 168], as opposed to ‘diffusion’ in (3b) that lacks such modifiers. These points allow us to classify ‘diffusion’ in (3b) as a case of a dead grammatical metaphor.

The current paper focuses on analysing live nominalisations, as they contribute to text cohesion [Hao, Humphrey, 2019] and reflect the active process of densely packing the idea into a more compact nominal form, in contrast to dead nominalisations that have (to a certain extent) lost their active processual meaning.

Thus, the current research focuses on the analysis of patterns of phrases with live non-metalinguistic deverbal nominalisations that present the characteristic differential features between Applied Physical Sciences and Humanities academic discourses.

2.2. Nominalisations as functional tools of academic discourse

Various studies regard nominalisation as an essential feature of academic discourse [Halliday, 1998; Biber, Gray, 2013; Xuan, Chen, 2019]. The opposing point of view that considers nominalisation a hindrance to comprehension that should be avoided in scientific papers [Arduengo, 2017]

tends to prescriptive character of analysis and seems to find less support among scholars. Alternatively, research that considers grammatical metaphor (and nominalisation in particular) an essential feature of academic discourse provides empirical evidence of this opinion resulting from synchronic studies [Norouzi et al., 2012; Staples et al., 2016; Biber et al., 2020]. Moreover, by conducting a diachronic corpus study, Bello [Bello, 2016] has concluded that the frequency of nominalisation usage in L1 scientific discourse has been steadily increasing over the last two centuries.

The reasons for nominalisations being a characteristic feature of academic discourse are obviously connected with the correspondence between the functions of nominalisations and the functions of academic discourse on the whole. The literature analysis allows to understand this correlation in more detail.

The main function of academic discourse is, beyond doubt, that of construing knowledge and transferring it logically and unambiguously [Popova, 2015, p. 87]. Likewise, the most widely recognised function of nominalisation is that of ‘construing disciplinary knowledge’ [Hao, 2020, p. 145]. Halliday further claims that nominalisation is a central tool of argument development [Halliday, 1998, p. 202]. There are several lines of research that eventually confirm this point of view.

First, according to [Norouzi, 2012] and [Ebrahimi, Nekooei, 2018], nominalisations contribute to syntactical complexity of academic discourse. Nominalisation has been shown to increase lexical density as it provides a more concise way of expressing ideas than the congruent rephrasing of a grammatical metaphor would allow [Norouzi et al., 2012; Pujol Dahme, Selfa, 2020]. In other words, nominalisations create a multi-layer structure that allows for the expression of multiple semantic levels [Halliday, Matthiessen, 2013, p. 711]. Additionally, nominalisation proves to be a major contributor to the ‘technicality’ of academic writing [He, Yang, 2018; Hao, 2020, p. 150] which makes nominalisations a lexical vehicle of construing academic knowledge. Moreover, several research papers illustrate the role of nominalisations in construing academic discourse on the pragmatic level. They analyse nominalisation as a tool of actual sentence division, maintaining coherence and enabling retrospective anaphorical sentence connection [Baratta, 2010; Liardét, 2016; Thomas, To, 2016].

The formal rhetorical effect of academic discourse can also be maintained by using nominalisations. By removing the need to mention a human agent behind the action or statement, nominalisations make the discourse more impersonal and generalised [Baratta, 2010; Thomas, To, 2016]. Another widely supported point is the formal and elevated rhetorical effect achieved by means of nominalisations [Baratta, 2010; He, Yang, 2018], or as Halliday

and Matthiessen put it, the effect of ‘prestige... power and authority’ [Halliday, Matthiessen, 2013, p. 713]. In this line of investigation Işik-Taş maintains that adding a complement to a nominalised stance expression helps to present a more convincing argument, thus retaining the level of objectivity [Işik-Taş, 2018, p. 3] by adding some additional information to the generalised abstract nominalisation. That makes the present research even more relevant, as it is aimed at understanding the conventional patterns of nominal phrases with nominalisations and their functional scope.

The correspondence between the functions of academic discourse and nominalisations provides the basis for the further comparison of the ways disciplinary-specific academic discourse subsets realise their functions via nominal phrases with nominalisations.

2.3. The relevant conclusions of the previous research on nominalisations

The widespread recognition of nominalisation as a significant tool for Academic Writing accounts for a constantly growing interest of scholars in the topic. All the studies in this field can be subdivided into those that dwell upon linguistic aspects of the phenomenon and those that focus upon the educational problems connected with nominalisations.

The papers concerning themselves with linguistic aspects of nominalisations are varied. As it has been mentioned, the theory of grammatical metaphor was formulated by Halliday [Halliday, 1985; Halliday, Matthiessen, 2013]. This milestone publication inspired a wide range of studies on nominalisation as an academic writing tool.

Namely, as nominalisations prove to be a characteristic feature of institutionalised academic discourse, there is a segment of research devoted to the way nominalisations are represented across registers and sub-discourses. One group of papers compares nominalisation usage in speech and writing [Biber, 1988; Norouzi et al., 2012], another one focuses on nominalisation representation across different soft and hard disciplines [Charles, 2003; Jalilifar et al., 2017, 2018].

In the latter group, the research by Jalilifar et al. is of particular interest to our investigation [Jalilifar et al., 2017, 2018; Heidari Kaidan et al., 2021]. The authors conducted a comprehensive analysis of patterns of including nominalisations into nominal phrases in expert academic writing across hard and soft disciplines. Data from these studies suggest that the most frequently encountered phrasal structures (with nominalisations) across hard and soft disciplines are prepositional phrases (e.g., reification of processes), nominal phrases with a classifier in pre-position (e.g., substantial contribution) and nominalisations that are not included into phrases. The last model, according

to Jalilifar et al., signifies that nominalisation is frequently used as a tool of semantic generalisation [Jalilifar et al., 2017, p. 11]. However, the study focuses predominantly on nominalisations as head nouns of nominal phrases (only one model of nominalisations as modifiers is discussed). Another possible limitation of the study is the fact that the authors make no distinction between metalinguistic and non-metalinguistic nominalisations, a limitation which we attempted to overcome in the current paper.

Another direction of nominalisation analysis is aimed at the more thorough understanding of the inner semantics of nominalisations and of the way it is reflected in the grammatical form and textual context. In this regard, Bello provides the cognitive interpretation of agent and circumstance inclusion in nominalisations [Bello, 2016]. Likewise, the analysis of verbal argument reproduction in nominalisations of different languages is the focus of a comparative study by Alexiadou et al. [Alexiadou et al., 2013].

The criteria for nominalisation classification comprise another fruitful field of research. Each study is concerned to a certain extent with the criteria for nominalisation choice and classification. However, there are papers that aim solely at elaborating the techniques to help tackling problematic issues of classification: dead – live opposition [Hao, Humphrey, 2019; Hao, 2020;]; eventive and referential nominalisations [Alexiadou et al., 2013; C. Park, B. Park, 2017; Fonteyn, 2019].

Though extensive research on nominalisations is devoted to the linguistic analysis of the phenomenon, a great number of publications in this field is focused on the educational aspect of the problem. A wide scope of problems connected with mastering nominalisation use in the process of language acquisition is covered: correspondence between nominalisation frequency and academic writing proficiency [Liardét, 2013; Thomas, To, 2016], retrospective labelling acquisition [Baratta, 2010], technicality construing skills development [He, Yang, 2018]. Of particular interest to the current study is the conclusion drawn by Hartig and Lu on high importance of teaching nominalisations in the scope of English for Specific Purposes instruction [Hartig, Lu, 2014], along with Liardet's observation that the most frequently occurring type of incorrect nominalisation usage is the so-called 'co-text intermediacy type' [Liardét, 2016, p. 23], i.e. the one containing mistakes in broader context of nominalisation embedding. These arguments overall argue for the importance of studying nominalisation phrasal usage patterns.

3. Methods

3.1. Corpora

For the purpose of this study the two subcorpora were used (Social Sciences and Physical Sciences subcorpora). Both of the subcorpora are subsets

of the British Academic Written English (BAWE) corpus¹. The corpus is a multi-million word collection of academic written papers in different genres and levels of the writer's linguistic and academic proficiency. Advanced level part of the corpus includes L1 Master's research proposals and critique essays. The corpus is widely recognised as a reliable source for academic reference [Işık-Taş, 2018, p. 10]. The BAWE corpus is relevant for the purpose of the current study because the annotation of each text provides information on the authors, including the information on the native language of the author.

The Humanities and the Physical Sciences subcorpora of this study include research proposals and critique essays of L1 Master's students in Social Sciences (2003–2007) and Engineering (2001–2007) with the respective total word count of 118,958 words (33 papers) and 101,729 words (24 papers). The corpora are comparable from the qualitative point of view: the linguistic characteristics (genre) and personal characteristics of the authors (native English speakers; proficiency level at academic writing) are the same. The slight quantitative difference between the corpora is neglectable and can be easily overcome by means of normalisation per 100 000 tokens.

3.2. Research design

The corpus was tagged by means of a corpus toolbox LancsBox 5.1². Initiated by the Lancaster University, this software package provides automatic parts of speech tagging along with more sophisticated tagging (such as automatic nominalisation tagging), a concordance tool and data visualisation tools.

At this stage, the question arises whether it is possible to rely on the accuracy of automatic parsing by automatic corpus tools. For obvious reasons, the manual checking of the whole corpus appears to be unattainable: it would require substantial amount of time and, thus, would make the use of automation tools pointless. It would constrain researchers to use smaller data sets and significantly lower the objectivity of study results, since the linguists would have to rely on extrapolations and approximations.

One of the approaches that is accepted in corpus linguistics consists in the manual check of the tagging accuracy of a relatively small part of the corpus. The prominent papers in the field suggest one tenth of a corpus

¹ Nesi H., Gardner S., Thompson P., Wickens P. The British academic written English (BAWE) corpus. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/al/research/collections/bawe/> (date of access: 20.04.2022).

² Brezina V., Weill-Tessier P., McEnery T. #LancsBox (5.1) [Computer software]. Lancaster University, 2020.

as a sufficient data set for that objective [Staples et al., 2016, p. 180; Lan et al., 2019, p. 5].

It should be mentioned that the automatic parsing is not perfect even in the most sophisticated corpus analysis tools. 100% accuracy is practically unattainable [Yumusak et al., 2014]. The comparative analysis of the existing corpora enables linguists to draw conclusions that 91% accuracy of the POS-tagging is a level sufficient for linguistic analysis, since the number of parsing inconsistencies would be negligible [Ibid].

Following the described methodology, we randomly selected 10% of the corpus data and checked it for tagging accuracy. The accuracy of part-of-speech tagging (POS-tagging) was over 95%. Incorrect tagging instances included only the types irrelevant for the scope of the current research (e.g., tagging a common noun as a proper noun) which allowed us to consider the tagging accuracy level for POS-tagging as appropriate for the study. Meanwhile, the automatic nominalisation tagging resulted in frequent erroneous parsing of nominalisations (about 40%) which resulted in the decision to avoid the use of automatic nominalisation tagging. Instead, the of **tion** and **_N** tags were applied.

The tagged corpus analysis consisted of three stages. The initial stage was to extract nominalisations that conformed with the criteria outlined for the study. The second stage consisted in listing all the patterns of nominalisation inclusion into nominal phrases, counting the frequencies for each type in the two subcorpora and normalising the data. The last step was to compare the frequencies of each type in the two subcorpora by means of statistical tools. Finally, the results were interpreted qualitatively.

Nominalisation extraction consisted of the three successive steps. Each of them applied one of the three relevant criteria (derivational, live, non-metalinguistic) and included two stages: automatic and manual. All the concordance lines with nominalisations were extracted with the context of thirteen words before and after the node. The extraction process is described in further detail below.

As Biber points, the majority of nominalisations are formed by means of the following productive suffixes: *-tion*, *-ity*, *-ment* and *-ness* [Biber, 1988]. For the scope of this analysis, we chose all the nominalisations ending in *-tion* suffix. The reasons for focusing on deverbal nominalisations were outlined in the theoretical chapter. Among the two derivational models for deverbal nominalisation formation (*-tion* and *-ment*) the one with *-tion* suffix proved more productive in the corpus under analysis (the comparative number of nominalisations in the two subcorpora are presented in Table 1), which outlined the object of the research.

**The comparative number of nominalisations
in the two subcorpora**

Variable	-tion Nominalisations	-ment Nominalisations
Humanities subcorpus	3085	966
Physical subcorpus	2285	1036

Note. Normalised per 100K tokens.

First, deverbal derivational nominalisations were extracted from the corpus by means of *tion* and *_N* tags. The application of automatic tags proved relevant at this point, with minor extent of manual correction that can be described with the following example:

- (4) <...> NGOs face, attention can now be turned to one of the most important **questions** of all; what is the true agenda of women's NGOs? The power that <...> (H2472)

The sentence contains the word 'questions' that conforms with the tags but obviously is not a derivational nominalisation. The manual correction allowed to exclude all similar elements from the sample: caution, condition, destination, fiction, function, portion, proportion, question. The correction was implemented by means of analysing the alphabetised list of nodes.

The resulting sample was used for the second step that consisted in extracting all the instances of non-metalinguistic nominalisations. The separation on the grounds of the textual – non-metalinguistic opposition was performed manually. The sentences below may serve as an example.

- (5) a. <...> 'Commercial infrastructure was improved by the **construction** of railways, roads, telegraph networks, harbours, and warehouses, the standardization of currency and <...> (H1363)
- b. <...> experience little 'autonomy to try and fail' as Leadbeater (1999: 83) suggests and the **exploitation** evidenced by the TUC report on call centres demonstrates that not all companies <...> (H0124)

In (5a), the nominalisation 'construction' is a component of a direct quote from an external source which undoubtedly provides us with a reason to exclude this sentence from the sample. In (5b), however, the grounds for the distinction are not that transparent. On the face of it,

the nominalisation ‘exploitation’ might seem as a word consciously utilised as a grammatical metaphor by the speaker. On closer inspection, it turns out that the nominalisation is part of a paraphrased statement made initially in ‘the TUC report’ which makes it a case of a textual nominalisation and effectively excludes the example from the study.

Step 3 included the extraction of live nominalisations. The extraction was manual, the automatic toolboxes do not appear to provide instruments for such a deep semantic and pragmatic analysis. The procedure of congruent unpacking was utilised in the majority of instances to observe whether the intrastratal tension is present in the nominalisation. Whenever the classification was ambiguous, we adhered to the tristratal approach to nominalisation classification mentioned in the theoretical part of the study. Consider the following examples:

- (6) a. <...> Upon their **election** victory in 1976, the Parti Québécois (francophone nationalist party) immediately set about replacing <...> (H2172)
- b. <...> their head office operations out of Quebec in the two years after the **election** of the Parti Quebecois. <...> (H2169)

In (6a), the word ‘election’ does not allow for congruent rendering without a nominalised expression. In (6b), on the contrary, instead of ‘after the election of the party’, we might say ‘after the party was elected’. Additionally, according to the tristratal classification mentioned on the theoretical part of the study, the presence of an agentive object ‘of the party Quebecois’ proves the fact that the nominalisation in (6b) is live.

As a result of this stage, we obtained a sample of live non-metalinguistic nominalisation uses in the two subcorpora. The respective numbers are provided in Table 2. Each nominalisation in the final sample was tagged with a ‘_1’ tag in order to exclude the duplication of results during the further automatic analysis.

Table 2

Live meta-linguistic nominalisation count in the two subcorpora

Variable	-tion Nominalisations	Live non-metalinguistic nominalisations
Humanities subcorpus	3085	1258
Physical subcorpus	2285	1187

Note. Normalised per 100K tokens.

In order to assess the relevance of the observations, we performed the same procedure with the corpus of newspaper articles from *The Guardian* devoted to the topics of physics and social studies. The results (see Table 3) conform with the statements from the theoretical part of the study: nominalisations tend to prevail in academic writing.

Table 3

**Live meta-linguistic nominalisation count
in newspaper articles**

Variable	-tion Nominalisations	Live non-metalinguistic nominalisations
Humanities subcorpus	1232	855
Physical subcorpus	978	554

Note. Normalised per 100K tokens.

The resulting academic discourse sample was analysed for patterns of nominalisation inclusion into nominal phrases. First, the 10% sample was analysed manually for pattern types. The expected patterns list was borrowed from Biber, Gray, and Poonpon [Biber et al., 2011, p. 20–21].

As a result, eight patterns were observed. Once the patterns were defined, we worked out the procedure for automatic extraction of those patterns that allowed it (e.g., ‘nominalisation + preposition’ pattern allowed for automatic extraction by means of right-context filters ‘Right: *_IN* (and)’, ‘Right: *to_TO* (and)’). The procedure simplified the extraction process but still required a certain level of manual correction (e.g., the exclusion of instances of ‘to’ used not as a preposition introducing a prepositional phrase). The patterns that did not allow for automatic analysis (such as relative clauses introduced *asyndetically*) were analysed manually. As a result of manual correction, ten pattern types were observed. The frequency for each pattern in each subcorpus was then counted and normalised per 100K tokens. The list of the observed patterns and the examples are provided in Table 4.

During the third stage, the frequencies were subjected to statistical analysis. For finding out whether the association exists between the two categorical variables (nominalisation phrasal pattern type and the disciplinary orientation of the text) and for assessing the effect size of association we used the Fisher exact test and the Yule’s Q coefficient respectively.

4. Results

The results of the statistical analysis of nominalisation patterns are provided in Table 4.

Table 4

**Comparative analysis of nominalisation patterns representation
in physical and humanities sub-corpora**

Pattern of nominal phrases with nominalisations (with examples)	Physical corpus count*	Humanities corpus count*	P-value**	Effect size
Total nominalisation count	1187	1258	$2.486 \cdot 10^{-4}$	0.086
Nominalisation + infinitive clause (recommendation to improve something)	7	10	0.631	0.148
Nominalisation + <i>-ing</i> clause (description explaining something)	16	31	0.055	0.293
Nominalisation as a premodifying noun + noun (promotion system)	220	79	$1.249 \cdot 10^{-16}$	-0.494
Premodifying noun + nominalisation (health promotion)	267	135	$2.648 \cdot 10^{-11}$	-0.354
Attributive participle + nominalisation (growing competition)	3 (1-2)	23 (3-20)	$1.037 \cdot 10^{-4}$	0.757
Prepositional phrase + nominalisation in post-position (proof of the intervention)	93	341	$4.824 \cdot 10^{-27}$	0.552
Nominalisation + relative clause*** (cooperation that includes the local communities)	23	58	$3.961 \cdot 10^{-4}$	0.408
Nominalisation + <i>-ed</i> clause ⁴ (exhaustion caused by something)	11	25	0.042	0.364
Nominalisation + prepositional phrase (recognition of the anomaly)	386	558	$6.402 \cdot 10^{-5}$	0.154
Attributive adjective + nominalisation (social isolation)	236	328	0.004	0.135

* Normalised per 100K tokens.

** $p < 0.05$.

*** Though relative clauses and *-ed* clauses might seem similar and interchangeable from the point of view of the grammatical meaning rendered with the structures, they are still perceived as structurally different patterns from the point of view of grammatical complexity and have to be analysed separately [Biber et al., 2011, p. 23].

As per the accepted *modus operandi* among linguists, the significance level for this study was 0.05. At this level the significant association between the two categorical variables was observed for the majority of nominalisation phrasal inclusion patterns. The only patterns that showed no association were ‘nominalisation with a post-modifying infinitive clause’ and ‘nominalisation with a post-modifying *-ing*-clause’. The prevailing number of patterns showed positive effect sizes of association. The negative association was observed in the pattern with nominalisations employed as preceding nouns and in the one with nominalisations modified by nouns in preposition. The highest strength of association between the variables was observed in pattern ‘attributive participle + nominalisation’ (76%), the lowest one occurred in pattern ‘pre-modifying attributive adjective + nominalisation’ (13%). The patterns ‘prepositional phrase + nominalisation in post-position’, ‘nominalisation + relative clause’, ‘nominalisation + *-ed*-clause’ and ‘nominalisation + prepositional phrase’ showed the significance level of 55%, 41%, 36% and 15% respectively. Nominalisation phrases with nouns in post- and preposition showed negative effect sizes (–35% and –49% respectively).

5. Discussion

The results of the study show that at the significance level of 0.05 there is an association between the number of nominalisations in the two subcorpora under analysis. The effect size is 0.086, which signifies that there is an approximately 9% prevalence of nominalisation use in the Humanities subcorpus over the Physical subcorpus. This outcome of the study is consistent with the results of Jalilifar’s et al. study [Jalilifar et al., 2017] and challenges MacDonald’s idea that soft sciences academic texts are characterised by lower frequency of nominalisation usage [MacDonald, 1994, p. 190]. The possible explanation for such a tendency might be that nowadays soft sciences tend to acquire the tools and approaches of technical sciences (e.g., statistical method, reliance on corpora and big data), which makes them harder [Yngve, Wasik, 2006, p. 3] and is naturally reflected by the discourse.

Among the patterns that demonstrate a significant association at the 5% significance level, the prevalent physical sciences subcorpus patterns are ‘nominalisation as a pre-modifying noun + noun’ (49% effect size) and ‘pre-modifying noun + nominalisation’ (35% effect size). Consider the following examples:

- (7) a. ...it was crucial that coordination and communication remained in place for the whole of the three-year construction project (P1204).

- (7) b. Furthermore there was very little uranium exploration between 1985 and 2005 (P1914).
- c. Marginal costing (in the form of contribution analysis) is extensively used in short term decision-making, which could be effectively illustrated by “Winning Margin™” (P0940).

Before we turn to the analysis of the examples, it should be noted that a number of nominal phrases on the sample consisted of more than two components, as illustrated with (7a). While this fact does not seem particularly remarkable or surprising, it poses a certain challenge at the analytical stage. Indeed, should such phrases as ‘three-year construction project’ be considered separate patterns of nominal phrases with nominalisations, consisting of three components or more, or should they be regarded as examples of simpler patterns? In the current research, we adhered to the theory of ‘immediate constituents’ [Schmid, 2012, p. 8] that analyses each structure as comprised of simpler immediate neighbours. From that viewpoint, the expression ‘three-year construction project’ consists of two nominal phrases: ‘construction project’ (head word ‘project’) and ‘three-year construction’ (head word ‘construction’) that should be analysed separately.

The first pattern is mainly used for terminology introduction (7b) or for rendering quantitative data (7a). The congruent unpacking shows that the nominalised expression enables the researchers to focus on the phenomena under study as opposed to those who studied or caused them (cf. ‘...remained in place for the whole three-year period while <something> was being constructed’ or ‘...<somebody> explored uranium’). The model employing pre-modifying nouns as a nominalisation modifier thus serves the objective of construing technicality of the Physical Sciences academic discourse and maintaining the level of objectivity. The second pattern (7c) adds to the level of abstraction and lexical density of the Physical Sciences academic texts since ‘nominalisation as a pre-modifying noun’ pattern provides a laconic form for message rendering (cf. ‘contribution analysed by experts’ or ‘contribution that was analysed by experts’).

The patterns prevailing in the Social Sciences subcorpus were ‘nominalisation + pre-modifying participle’ and ‘prepositional phrase + nominalisation in post-position’ with respective effect sizes of 76% and 55%. The more rarely occurring patterns were ‘nominalisation + relative clause’ (41% effect size), ‘nominalisation + *-ed*-clause’ (36% effect size), ‘nominalisation + prepositional phrase’ (15% effect size) and ‘nominalisation + pre-modifying adjective’ (13% effect size). The results can be illustrated by the following example of the most common phrasal pattern of ‘attributive participle + nominalisation’.

- (8) a. Numerous terms, definitions and phrases have been coined in an attempt to capture <...> the resulting reorganisation of world economies <...> (H0010).
- b. With growing competition, emotional labour has become extremely commonplace in the service sector (H0570).
- c. The EAEC emerged in distinct opposition to APEC as the anti-thesis of a perceived capitulation to Western economic dogma and globalisation (H1436).

The congruent unpacking of the grammatical metaphor in (8a) ('the fact that world economies were reorganised as a result') might serve as a ground for functional interpretation of the pattern. It illustrates how introducing non-finite verbal forms adds the dynamic character to the utterance, supplies the component meaning of simultaneously occurring action. This fact is further supported by the comparative normalised frequencies of *-ed* and *-ing* participles as nominalisation pre-modifiers: the *-ing* participle prevails. In some contexts, the componential meaning of a dynamic action contributes to the implicit modal assessment of the utterance rheme as important (8b) by introducing the increasingly influential factor that accounts for the significance of the concept rendered by the rheme. Indeed, if the attributive *-ing* participle is omitted in such examples, the logic behind the sentence would be affected, as the 'competition' has always been a factor influencing business and, consequently, it cannot be used as an explanation of recent changes. Only if the factor of increasing ('growing') competition is highlighted, it can be employed to justify the rhematised structure and to prove its significance.

Meanwhile, the attributive *-ed* participle appears to serve the function of increasing the level of abstraction and generalisation by deleting the figure of the author from the statement and thus extrapolating the idea to the general public on the whole. This can be illustrated by the fact that to rephrase the nominalised phrase from (8c), we would require some sort of deictic, or indefinite agentive pronouns, e.g., 'as the anti-thesis of what is perceived by some people as the fact that some states capitulated to Western economic dogma'. By avoiding the mentioning of the people responsible for the claim, the author extrapolates the idea to all the participants of the system, inducing the recipient to share the view as if it were a common knowledge. However, without further proof of the reliability of the statement in the broader textual context (Who perceives APEC as surrendering to Western economic dogma?), the use of pre-modifying *-ed* participles may have the opposite effect of making the text sound void of content.

Table 5

**The comparative models of technical and humanitarian academic discourse subsets
with regards to nominalisation phrasal inclusion**

Function	Humanities sub-discourse patterns	Physics sub-discourse patterns
The function of construing academic knowledge	<ol style="list-style-type: none"> 1. Nominalisations as components of prepositional phrases with co-occurring secondary textual prepositional nominalisation (lexical density) 2. Nominalisations as components of prepositional phrases employed as a coherence marker (textual coherence maintenance) 3. Nominalisations modified by relative clauses for the sake of the actual sentence division (rhematisation of a certain utterance element) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Cardinal numbers as pre-modifiers of nominalisations (technicality construing) 2. Terms (nouns) as pre-modifiers of nominalisations (technicality construing)
The function of maintaining the rhetorical effect of impersonal, generalised, objective character	<ol style="list-style-type: none"> 1. Nominalisations modified by non-restrictive relative clauses (adding supplementary details for increasing the level of objectivity) 2. Nominalisations with pre-modifying <i>-ed</i>-participles (abstraction) 3. Nominalisations with attributive adjectives of positive connotation (increasing the recipient trust to the message) 4. Nominalisations with relative clauses containing positive connotation (increasing the recipient trust to the message) 5. Nominalisations modified by attributive <i>-ing</i>-participles representing increasingly significant dynamic factors (increasing the recipient trust to the message) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Cardinal numbers as pre-modifiers of nominalisations (objectivity) 2. Terms (nouns) as pre-modifiers of nominalisations (objectivity) 3. Nouns as post-modifiers of nominalisations (omitting the process agent)

The functional interpretation of the patterns performed in such a manner allowed us to model a paradigm of institutionally bound academic discourse with regard to nominal phrases with nominalisations in its scope. The model (presented in Table 5) might be employed as a framework of reference for the appropriate use of nominalisation ‘elaboration’ [Liardét, 2016].

In conclusion, the physical subset of the academic discourse appears to be more laconic in the use of complex nominal phrases with nominalisations and in the range of functional patterns of such phrases employed for the achievement of discourse pragmatic objectives. The patterns found in the physical sciences subcorpus are oriented towards the maintaining of objectivity level and construing the technicality of the academic knowledge. Contrariwise, nominalisations of the humanities subset of the discourse tend to focus on broader range of targets, namely ensuring coherence, actual sentence division, objectivity and abstraction realisation, increasing the recipients’ trust to the message and invocation of their cognitive reaction, providing lexical density.

6. Conclusion

The current study was aimed at the analysis of the disciplinary-specific grammatical patterns of nominalisation inclusion into nominal phrases. The research paper lies in the scope of genre studies. It continues the analysis of genre-specific structural conventions of expressing grammatical meaning according to the principles outlined in previous works in the field [Samraj, 2005; Diani, 2007; Jalilifar et al., 2018; Kuhl et al., 2020].

The existing research analysis provided a model for nominalisation classification and interpretation. The results of the study suggest that there is a 9% association between the disciplinary discourse features and the frequency of nominalisation use with the prevalence in Humanities sub-discourse. This finding challenges the previously held view that hard sciences discourse uses nominalisations more frequently than soft sciences. This outcome is in accord with the growing tendency to apply the tools of exact sciences in social sciences. Another possible explanation is that the Humanities sub-corpus under analysis included the texts in applied sciences that tend to use more practically oriented and more specific data. However, the technical sub-corpus also contained the texts in an applied branch of studies, thus, the character of texts was uniform enough to justify the comparison.

The uniformity of the texts constituting the corpora under study is an essential condition that makes the study results reliable: the texts in the corpora belong to the same genre of academic writing (research proposals), the authors are native English speakers who demonstrated

the same proficiency level of their academic writing skills. Obviously, it would hardly have been possible to compare the data if one of the criteria were not observed. Consequently, the methodology suggested in the research cannot be used to compare, for example, film reviews with software documentation.

The findings concerning the most common grammatical patterns of nominalisations were different for the two subcorpora under study. The physical sciences discourse applies the pattern of 'pre-modifying noun + nominalisation' as the most frequent model of nominalisation grammatical embedding in order to retain higher levels of technicality and objectivity, whereas the prevalent models for the humanities subcorpus were 'nominalisation + pre-modifying participle' applied for rendering the component meaning of dynamic action, 'noun + prepositional phrase with nominalisation' used to ensure a high level of lexical density in rendering temporal, causal and instrumental relations and 'nominalisation + relative clause' employed for inducing the recipient to share the positive assessment of the message, for the sake of textual coherence maintenance and for the sake of increasing the objectivity of the text.

The findings of the study have been summarised with the objective of creating a model of the conventions of complex phrases with nominalisations representation in hard sciences and soft sciences sub-discourses. While the prevalence of nominal phrases with nominalisations is observed with regards to the humanities sub-discourse, the technical sub-corpus tends to higher levels of objectivity and technicality of such phrases, which seems consistent with the exact and technicalised character of the discourse. At the same time, the Humanities subset of the sample shows a broader variety of functional patterns of nominalisations employment (in the scope of complex nominal phrases).

The outcomes of the research can be of theoretical and practical significance to those studying institutionalised discourse and the general conventions of academic writing. Additionally, the results of the study will be relevant to researchers in the field of pragmalinguistics, discourse analysis and actual sentence division. The model of institutionalised discourse subsets can be applied as a framework of reference for academic writing in the scope of a particular branch of studies. The results of the study may receive practical application in the sphere of effective communication strategy development within the framework of English institutionalised academic discourse.

One of the possible limitations of the study might lie in the extrapolation of the results to the whole technical and humanitarian subsets of academic discourse. Though researchers tend to regard the analysis of two disciplinary discourse subsets as sufficient for the study [Diani, 2007; Jalilifar et al.,

2018; Kuhi et al., 2020], other genres of texts, additional branches of study might be considered to prove the correctness of the extrapolated conclusions of the current paper. This limitation, thus, may provide a fruitful basis for further study.

The strategy for analysing utterances with nominal phrases with nominalisations developed within the framework of this study, as well as the metalinguistic, pragmatic paradigm of interpreting the research results, can be extended to the analysis of other segments of discourse. This research can be continued by expanding the analysed empirical data, as well as by conducting a comparative analysis among other institutional discourse segments. Another relevant area of further research consists in comparing common patterns of nominal phrases with nominalisations usage within the scope of institutional discourse subsets of different languages.

Overall, the findings of the study confirm the high and ever-increasing role of nominalisations in institutionalised discourse formation and demonstrate the need to use nominal elaboration patterns in accord with the conventions and functional features of disciplinary-specific discourse types and, consequently, to create detailed corpus-based frameworks of reference that could be applied as academic writing disciplinary-specific guides.

References

- Alexiadou et al., 2013 – Alexiadou A., Iordrchioaia G., Cano M. et al. The realization of external arguments in nominalizations. *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 2013. No. 16 (2–3). Pp. 73–95.
- Arduengo, 2017 – Arduengo M. Finding the action in your writing: Avoiding nominalisation. *Medical Writing*. 2017. No. 26 (1). Pp. 12–13.
- Baratta, 2010 – Baratta A.M. Nominalization development across an undergraduate academic degree program. *Journal of Pragmatics*. 2010. No. 42 (4). Pp. 1017–1036.
- Bello, 2016 – Bello I. Cognitive implications of nominalizations in the advancement of scientific discourse. *International Journal of English Studies*. 2016. No. 16 (2). Pp. 1–23.
- Bhatia, 1997 – Bhatia V.K. Genre mixing in academic introductions. *Journal of English for Specific Purposes*. 1997. No. 16 (3). Pp. 181–195.
- Bhatia, 2002 – Bhatia V.K. Applied genre analysis: A multi-perspective model. *Ibérica*. 2002. No. 4 (1). Pp. 3–19.
- Biber, 1988 – Biber D. *Variation across Speech and Writing*. Cambridge University Press, 1988.
- Biber, Gray, 2013 – Biber D., Gray B. Nominalizing the verb phrase in academic science writing. *The Verb Phrase in English*. B. Aarts, J. Close, G. Leech, S. Wallis (eds.). Cambridge University Press, 2013. Pp. 99–132.
- Biber et al., 2011 – Biber D., Gray B., Poonpon K. Should we use characteristics of conversation to measure grammatical complexity in L2 writing development? *TESOL Quarterly*. 2011. No. 45 (1). Pp. 5–35.

Biber et al., 2020 – Biber D., Gray B., Staples S., Egbert J. Investigating grammatical complexity in L2 English writing research: Linguistic description versus predictive measurement. *Journal of English for Academic Purposes*. 2020. No. 46. 100869.

Bloch-Trojnar, Malicka-Kleparska, 2017 – Bloch-Trojnar M., Malicka-Kleparska A. The interaction of aspect and valency in nominal structures – a theoretical overview. *Aspect and Valency in Nominals*. M. Bloch-Trojnar, A. Malicka-Kleparska (eds.). De Gruyter Mouton, 2017. Pp. 1–30.

Charles, 2003 – Charles M. ‘This mystery...’: A corpus-based study of the use of nouns to construct stance in theses from two contrasting disciplines. *Journal of English for Academic Purposes*. 2003. No. 2 (4). Pp. 313–326.

Chomsky, 1975 – Chomsky N. Remarks on nominalizations. The Hague, Paris, 1975.

Diani, 2007 – Diani G. Reporting and evaluation in English book review articles: A cross disciplinary study. *Academic Evaluation: Review Genres in University Settings*. K. Hyland, G. Diani (eds.). Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 87–105.

Ebrahimi, Nekooei, 2018 – Ebrahimi F.S., Nekooei M.H. Nominalization in management academic text. *Language Related Research*. 2018. No. 9 (4). Pp. 295–316.

Fonteyn, 2019 – Fonteyn L. A corpus-based view on the (aspectual-)semantics of Modern English nominalizations. *Language Sciences*. 2019. No. 73. Pp. 77–90.

Halliday, 1998 – Halliday M.A.K. Things and relations: Regrammaticising experience as technical knowledge. *Reading Science: Critical and functional perspectives on discourses of science*. J.R. Martin, R. Veel (eds.). Routledge, 1998. Pp. 185–235.

Halliday, Matthiessen, 2013 – Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M. Halliday’s introduction to functional grammar: Fourth edition. Routledge, 2013.

Halliday, 1985 – Halliday M.A.K. An introduction to functional grammar. Arnold, 1985.

Hao, 2020 – Hao J. Nominalisations in scientific English. *Functions of Language*. 2020. No. 27 (2). Pp. 143–173.

Hao, Humphrey, 2019 – Hao J., Humphrey S.L. Reading nominalizations in senior science. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019. No. 42. 100793.

Hartig, Lu, 2014 – Hartig A.J., Lu X. Plain English and legal writing: Comparing expert and novice writers. *English for Specific Purposes*. 2014. No. 33 (1). Pp. 87–96.

Hayriyan, 2020 – Hayriyan A. Deverbal nominals possess no internal VP structure. *Lingua*. 2020. No. 248. 102927.

He, Yang, 2018 – He Q., Yang B. A corpus-based study of the correlation between text technicality and ideational metaphor in English. *Lingua*. 2018. No. 203. Pp. 51–65.

Heidari Kaidan et al., 2021 – Heidari Kaidan Z., Jalilifar A., Don A. On the significance of disciplinary variation in research articles: Perspectives from nominalization. *Cogent Education*. 2021. No. 8 (1). 1890872.

Hyland, 2004 – Hyland K. Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing. Ann Arbor, 2004.

Işik-Taş, 2018 – Işik-Taş E.E. Nominal stance construction in IELTS tests. *Journal of English for Academic Purposes*. 2018. No. 34. Pp. 1–11.

Jalilifar et al., 2018 – Jalilifar A., Elhambakhsh S.E., White P.R. Nominalization in applied linguistics and medicine: The case of textbook introductions and book reviews. *Research in Language*. 2018. No. 16 (3). Pp. 281–302.

Jalilifar et al., 2017 – Jalilifar A., White P., Malekizadeh N. Exploring nominalization in scientific textbooks: A cross-disciplinary study of hard and soft sciences. *International Journal of English Studies*. 2017. No. 17 (2). Pp. 1–20.

Kuhi et al., 2020 – Kuhi D., Sharghinezhad B., Rezaei S. Informality in academic discourse: A cross-cultural and cross-disciplinary investigation. *Asian ESP Journal*. 2020. No. 16 (3). Pp. 180–208.

Lan et al., 2019 – Lan G., Lucas K., Sun Y. Does L2 writing proficiency influence noun phrase complexity? A case analysis of argumentative essays written by Chinese students in a first-year composition course. *System*. 2019. No. 85. 102116.

Li, 2016 – Li J. On the cognitive mechanism of grammatical metaphor. *Journal of Literature and Art Studies*. 2016. No. 9. Pp. 1078–1084.

Liardét, 2013 – Liardét C.L. An exploration of Chinese EFL learner's deployment of grammatical metaphor: Learning to make academically valued meanings. *Journal of Second Language Writing*. 2013. No. 22 (2). Pp. 161–178.

Liardét, 2016 – Liardét C.L. Nominalization and grammatical metaphor: Elaborating the theory. *English for Specific Purposes*. 2016. No. 44. Pp. 16–29.

MacDonald, 1994 – MacDonald S.P. Professional academic writing in the humanities and social sciences. Southern Illinois University Press, 1994.

Marefat, Shirin, 2013 – Marefat H., Shirin M. Genre analysis of literature research article abstracts: A cross-linguistic, cross-cultural study. *Applied Research on English Language*. 2013. No. 2 (2). Pp. 37–50.

Mehrabi et al., 2018 – Mehrabi K., Jalilifar A., Hayati A., White P. Investigating action nominalization in the introduction sections of research articles: A cross-disciplinary study of hard and soft sciences. *Teaching English Language*. 2018. No. 2. Pp. 1–26.

Norouzi et al., 2012 – Norouzi M.H., Farahani A.A.K., Farahani D.B. Deverbal nominalizations across written-spoken dichotomy in the language of science. *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. No. 2 (11). Pp. 2251–2261.

Park C., Park B., 2017 – Park C., Park B. Cognitive grammar and English nominalization: Event/result nominals and gerundives. *Cognitive Linguistics*. 2017. No. 28 (4). Pp. 711–756.

Порова, 2015 – Попова Т.П. Некоторые особенности академического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2015. № 7. С. 85–91. [Porova T.P. Some features of academic discourse]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*. 2015. No. 7 (102). Pp. 85–91. (In Rus.)

Pujol Dahme, Selfa, 2020 – Pujol Dahme A.M., Selfa M. Academic language in Catalan students' research reports across levels of study. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2020. No. 16 (1). Pp. 119–143.

Samraj, 2005 – Samraj B. An exploration of a genre set: Research article abstracts and introductions in two disciplines. *English for Specific Purposes*. 2005. No. 24 (2). Pp. 141–156.

Schmid, 2012 – Schmid H. Linguistic theories, approaches and methods. *English and American studies. Theory and practice*. M. Middeke, T. Müller, C. Wald, H. Zapf (eds.). Metzler, 2012. Pp. 371–394.

Staples et al., 2016 – Staples S., Egbert J., Biber D., Gray B. Academic writing development at the university level: Phrasal and clausal complexity across level of study, discipline, and genre. *Written Communication*. 2016. No. 33 (2). Pp. 149–183.

Thomas, To, 2016 – Thomas D., To V. Nominalisation in high scoring primary and secondary school persuasive texts. *Australian Journal of Language and Literacy*. 2016. No. 39 (2). Pp. 135–148.

Thompson, 2014 – Thompson G. *Introducing functional grammar*. Routledge, 2014.

Xuan, Chen, 2019 – Xuan W.W., Chen S. A synthesis of research on grammatical metaphor: Meta-data and content analysis. *WORD*. 2019. No. 65 (4). Pp. 213–233.

Yngve, Wasik, 2006 – Yngve V., Wasik Z. *Hard-Science Linguistics*. A&C Black, 2006.

Yumusak et al., 2014 – Yumusak S., Dogdu E., Kodaz H. Tagging accuracy analysis on part-of-speech taggers. *Journal of Computer and Communications*. 2014. No. 2. Pp. 157–162.

The article was received on 12.05.2022

Статья поступила в редакцию 12.05.2022

About the authors / Об авторах

Arina I. Galeyeva – postgraduate student at the School of Foreign Languages, HSE University, Moscow, Russian Federation

Галеева Арина Ильгамовна – аспирант Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8131-3874>

E-mail: arinagaleyeva@gmail.com

Galina N. Gumovskaya – Dr. Phil. Hab.; professor at the School of Foreign Languages, Academic Supervisor of the Postgraduate Program “Foreign Languages”, HSE University, Moscow, Russian Federation

Гумовская Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор; профессор Школы иностранных языков, академический руководитель аспирантской программы «Иностранные языки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5823-792X>

E-mail: ggumovskaya@hse.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript

И.Л. КорецкаяИнститут языкознания Российской академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Корпусы Государственного института японского языка и лингвистики

Корпусные исследования давно завоевали популярность среди лингвистов. Полученные результаты достаточно точны, верифицируемы и широко применимы для разных целей. Однако существуют достойные внимания корпуса, остающиеся неизвестными потенциальному пользователю. Среди них, например, корпуса японского языка, разработанные Государственным институтом японского языка и лингвистики, и цель данной статьи – заполнить этот пробел. Основное внимание статьи уделено сравнению имеющихся на данный момент корпусов, возможностей поиска в них и оценке их репрезентативности; указаны выявленные недостатки с точки зрения сбалансированности материала, а также особенности поиска, исходящие из идей традиции японского языкознания, которые необходимо принимать во внимание в процессе проведения исследования.

Ключевые слова: японская корпусная лингвистика, японские корпуса текстов, Государственный институт японского языка и лингвистики

Для цитирования: Корецкая И.Л. Корпусы Государственного института японского языка и лингвистики // Рема. Rhema. 2022. № 4. С. 81–100. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-81-100

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-81-100

I. Koretskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Corpora of the National Institute of Japanese Language and Linguistics

Corpus studies have long gained popularity among linguists. The obtained results are accurate, verifiable, and widely applicable. However, some corpora are noteworthy and yet remain unknown to a potential user. One of the examples is the Japanese language corpora which were developed by the National Institute of Japanese Language and Linguistics, and the purpose of this article is to fill this gap. The article focuses mainly on a comparison of the currently available corpora, their search options, and an assessment of the corpora's representativeness. The article shows identified shortcomings in the data balance and the features of the search based on the ideas of the Japanese linguistics tradition. They must be taken into account when conducting a study based on the data of these corpora.

Key words: Japanese corpus linguistics, Japanese text corpora, the National Institute of Japanese Language and Linguistics

FOR CITATION: Koretskaya I. Corpora of the National Institute of Japanese Language and Linguistics. *Rhema*. 2022. No. 4. Pp. 81–100. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-81-100

1. Введение

Государственный институт японского языка и лингвистики (国立国語研究所, официальное название на английском языке – National Institute of Japanese Language and Linguistics, NINJAL) по праву считают организацией, заложившей основы корпусной лингвистики в Японии. С самого момента своего создания он уделял много внимания сбору материала для анализа языка. Здесь появились первые картотеки слов с указанием контекста их употребления, шел сбор как письменных текстов, так и устной речи, включая диалектную. Собранный материал подвергался

статистическому анализу, в результате которого получали данные об актуальном состоянии языка. С развитием технологий старые материалы начали оцифровывать, появился и новый способ получения материала – из электронных версий текстов. Одновременно шла разработка требований к корпусам текстов. На данный момент Институт продолжает вести огромную работу по разработке и поддержке лингвистических корпусов, доступ к которым открыт всем желающим, а также по разработке автоматических систем для обработки японских текстов.

2. Немного истории

Институт был основан в декабре 1948 г. в рамках проводимой государством языковой политики послевоенного времени, когда назрела необходимость понять, как язык действительно используется в обществе, и на основе полученных данных подготовить и провести ряд языковых реформ. Цель создания Института состояла в «проведении научных исследований по родному языку и речевой практике народа и создании твердой базы при рационализации языка», в связи с чем главной задачей стал сбор данных, «могущих послужить базой правильной языковой политики», т.е. способствовать установлению и поддержанию языковых норм, «стандартного языка» [Фельдман, 1956, с. 153].

В основу исследовательской работы Института легли принципы так называемой «теории языкового существования», появившейся в японском языкознании в качестве ответа структурализму и другим направлениям, рассматривающим язык вне его связи с человеком. Аналогов этой теории в европейской лингвистике нет. Если в последней в центре изучения находится язык, а социальные факторы лишь учитываются как значимые при проведении некоторых исследований, то в японской лингвистике в рамках вышеупомянутой теории центральным понятием выступает жизнь человека, а язык – комплементарное понятие, и языковое существование является лишь частью (пусть и значительной частью) жизни человека. Это отмечает, например, один из крупнейших исследователей теории языкового существования С.В. Неверов, определяя «языковое существование» как «бытие человека, проявляющееся в его действиях, связанных с речевым общением, которые и составляют полноценность человеческой жизни и противопоставляют его как существо социальное животному миру» [Неверов, 2005, с. 8]. Сторонники теории утверждали, что необходимо изучить роль языка в жизни человека, для чего требовался сбор количественных данных (различных текстов, опросов людей и т.д.), а это, по сути, является начальным этапом создания корпуса текстов.

Положения теории языкового существования согласовались с вышеупомянутой политикой государства. Поэтому неудивительно, что организатором и первым директором Института стал один из основоположников школы языкового существования Нисию Минору¹. Сотрудники Института продолжили развитие теории, однако в целом уже не с точки зрения теоретических основ, а скорее практических нужд. Институт много средств, сил и времени вложил в сбор эмпирических данных (как письменных, так и устных текстов), на основе которых делались выводы о языковом существовании японцев. Здесь мы видим подход к анализу данных, схожий с корпусным, хотя о корпусной лингвистике говорить рано. Она оформится гораздо позже, и, как видно из введения, Институт сыграет в этом большую роль.

В 2009 г. Институт вошел в состав Государственных институтов гуманитарных наук. По словам сотрудников Института, в это время произошел «революционный» сдвиг в приоритетах организации. Если изначально его работа была подчинена нуждам государственной языковой политики, то теперь посвящена главным образом проведению лингвистических исследований японского языка и внесению своего вклада в общество на основе полученных в ходе исследований результатов [An introduction, 2019, p. 1]. Целью Института является изучение как современного, так и классического японского языка, а также особенностей различных вариантов языков, на которых говорят в Японии, включая айнский язык, рюкюские языки², японские диалекты [NINJAL: Справочник, 2019/2020, p. 2]. Одной из приоритетных задач Института и в настоящее время является разработка и поддержка различных типов корпусов японского языка.

3. Корпусы Института

Работа по созданию компьютеризированных корпусов ведется в Институте с конца 1990-х гг. На данный момент на сайте Центра по разработке языковых ресурсов Института³ открыт доступ к 11 корпусам (в скобках указаны официальные названия корпусов на японском и английском языках и сокращения):

1) Сбалансированный корпус современного японского письменного языка (現代日本語書き言葉均衡コーパス, Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese, BCCWJ);

¹ В Японии принято сначала называть фамилию, а затем имя человека. Мы сохраняем этот порядок для всех японских авторов в данной статье.

² Согласно другой точке зрения, они представляют собой диалекты.

³ URL: <https://clrd.ninjal.ac.jp/en/> (date of access: 12.03.2022).

2) Интернет-корпус NINJAL (国語研日本語ウェブコーパス, NINJAL Web Japanese Corpus, NWJC);

3) Корпус спонтанной японской речи (日本語話し言葉コーパス, Corpus of Spontaneous Japanese, CSJ);

4) Корпус повседневного общения (日常会話コーパス, Corpus of Everyday Japanese Conversation, CEJC);

5) Корпус устных текстов периода Сёва (昭和話し言葉コーパス, Showa Speech Corpus, SSC);

6) Разговорный корпус Университета Нагоя (名大会話コーパス, Nagoya University Conversation Corpus, NUCC);

7) Корпус бесед на рабочем месте Гэн-Нити-Кэн (現日研・職場談話コーパス, Gen-Nichi-Ken Corpus of Work Place Conversation, CWPC);

8) Диахронический корпус японского языка (日本語歴史コーパス, Corpus of Historical Japanese, CHJ);

9) Корпус японских диалектов (日本語諸方言コーパス, Corpus of Japanese Dialect, COJADS);

10) Международный учебный корпус японского языка как иностранного (多言語母語の日本語学習者横断コーパス, International Corpus of Japanese as a Second Language, I-JAS)⁴;

11) Корпус современного японского языка (近代語のコーパス, Corpus of Modern Japanese, CMJ)⁵;

12) База данных слов, классифицированных по семантическому принципу (分類語彙表一増補改訂版データベース, Word List by Semantic Principles, WLSP).

Первыми одиннадцатью корпусами можно пользоваться бесплатно онлайн посредством поисковой системы Chuunagon⁶, WLSP – только платно. Предполагается использование корпусов в академических и исследовательских целях, но предусмотрен вариант использования большинства из них и в коммерческих целях (обсуждается индивидуально с Институтом).

4. Единицы текста в корпусах Института

В лингвистических корпусах языков, письменность которых предполагает использование пробела, единицей текста, как правило, выступает

⁴ За этим названием на самом деле стоят два корпуса: Учебный корпус японского языка как иностранного (中国語・韓国語母語の日本語学習者縦断発話コーパス, Corpus of Japanese as a Second Language, C-JAS) и Международный учебный корпус японского языка как иностранного (多言語母語の日本語学習者横断コーパス, International Corpus of Japanese as a Second Language, I-JAS).

⁵ Корпус представлен вместе с другими на сайте Центра по разработке языковых ресурсов Института, но является частью диахронического корпуса CHJ.

⁶ URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (date of access: 12.03.2022).

словоупотребление, в данном случае являющееся синонимом орфографического слова, т.е. единицы между двумя пробелами или другими знаками препинания. Однако в японском языке, как и ряде других, пробелы на письме не используются, поэтому прежде всего встает вопрос о единицах, на которые будет сегментирован текст для его дальнейшей обработки и организации поиска в корпусе.

Институт пришел к следующему решению. Текст сначала делится на SUW (“short-unit words”, термин NINJAL для единиц, называемых в японской традиции “go”; это минимальные языковые единицы, которые в терминах европейского языкознания могут быть как знаменательными или служебными словами, так и морфемами), здесь важно отметить, что граница между двумя SUW проходит на стыке двух мор⁷. Затем некоторые SUW на основе определенных правил объединяются в LUW (“long-unit words”, термин NINJAL для единиц, соответствующих устойчивым сочетаниям минимальных единиц “go” (подробнее “go”, SUW и LUW см. [Корецкая, 2021, с. 277–278]).

5. Поиск в корпусе

5.1. Возможности поиска

На главной странице сайта (рис. 1) можно, во-первых, осуществить поиск сразу по всем корпусам, доступ к которым был одобрен, а во-вторых, искать по каждому из таких корпусов отдельно. Первый способ позволяет увидеть данные в сравнении (в том числе на гистограммах и круговых диаграммах), однако им стоит пользоваться очень аккуратно ввиду серьезных различий корпусов между собой. Второй позволяет искать в каждом отдельном корпусе, здесь не увидишь сравнения результатов с другими корпусами, зато возможности поиска и выдачи результатов значительно шире.

Остановимся подробнее на втором варианте. На странице корпуса есть возможность осуществлять поиск по нескольким категориям запросов (рис. 2):

1) по SUW (во всех корпусах);

⁷ Мора – минимальная тактовая единица японского языка, представляет собой либо сочетание «согласный + гласный», включая сочетание «гортанная смычка + гласный», встречающееся в начале слога, либо гласный после гласного, либо согласный, на который заканчивается слог: например, *hatten* «развитие» состоит из двух слогов (*hat-ten*), но из четырех мор (*ha-t-te-n*). Японская слоговая азбука кана отражает членение слов на моры, а не на слоги (в указанном примере будет 4 знака каны). В японской лингвистической традиции границу между единицами текста проводят на стыке двух мор, тогда как в европейской традиции граница может проходить внутри моры: ср. японское членение *yomi-masu* и европейские варианты *yom-i-mas-u* и *yom-imas-u* (гоноратив настоящего-будущего времени глагола «читать»).

Copyright © National Institute for Japanese Language and Linguistics.

Рис. 1. Главная страница сайта (<https://chunagon.ninjal.ac.jp/>)

В верхней части страницы находится форма для поиска по всем корпусам одновременно, в нижней – ссылки на каждый из доступных пользователю корпусов

Fig. 1. The main page (<https://chunagon.ninjal.ac.jp/>)

The form for simultaneous search in all the corpora is at the top of the page and links to the available corpora are at the bottom

The screenshot shows the '中納言' (Chūnagon) corpus search application interface. At the top, there are navigation links for 'コーパス 選択画面' and 'ログアウト'. The main header includes the application name and version (2.7.0). Below the header, there are four search method tabs: '短単位検索' (1), '長単位検索' (2), '文字列検索' (3), and '位置検索' (4). The '短単位検索' tab is active. Below the tabs, there are three search form options: '検索フォームで検索' (5), '検索条件式で検索' (6), and '履歴で検索' (7). The search form includes a 'キー' field, a '書字形出現形' dropdown, and a search button. Below the search form, there are sections for '検索対象' (Search Target) and '検索動作' (Search Action), each with a '設定を随時' (Adjust settings) link. The '検索対象' section has '検索対象を選択' and '検索対象をクリア' buttons. The '検索動作' section has dropdowns for '文庫中の区切り記号' (1), '文庫中の文区切り記号' (2), '前後文庫の語数' (3), and '検索対象' (4). At the bottom, there is a 'ダウンロードオプション' (Download Options) section and a '検索' (Search) button with '検索結果をダウンロード', '条件クリア', and 'キャンセル' links.

Рис. 2. Поиск в корпусе (на примере BCCWJ):

1 – SUW; 2 – LUW; 3 – по строке символов; 4 – по месту “go” в корпусе; 5 – поиск в специальной форме; 6 – по отдельным условиям; 7 – по истории поиска

Fig. 2. Search in a corpus (using BCCWJ as an example):

1 – by SUW; 2 – by LUW; 3 – by a string of characters; 4 – by the position of the “go” unit in the corpus; 5 – by using the form; 6 – by specific conditions; 7 – by search history

2) по LUW (только в BCCWJ и ряде подкорпусов CHJ);

3) по строке символов (во всех корпусах): особенно полезен, если статус единицы непонятен, если в корпусе нет возможности искать по LUW, а также если интересует конкретное окружение “go”);

4) по месту “go” в корпусе (во всех, кроме C-JAS и I-JAS).

В каждой из этих категорий запросов есть вариант осуществления поиска в специальной форме, по истории поиска и по отдельным условиям (с использованием РБНФ (Расширенной формы Бэкуса–Наура); недоступно только в C-JAS и I-JAS)).

В данной статье мы расскажем о варианте поиска с помощью формы.

Поиск по SUW и LUW дает возможность искать интересующую нас единицу по различным параметрам. Так, для поиска важным является разграничение “goiso” (語彙素, формы “go”, принятой за начальную, единицы, которую можно сравнить с заголовочным словом в словаре, лексемой⁸) и конкретной формы “go” (語形, “gokei”, близок русскому термину «словоформа»). В первом случае в результатах будут указаны все встретившиеся в текстах формы единицы, во втором – только результаты с указанной в запросе формой.

Далее, можно искать по произношению или написанию “goiso” или формы “go”, что полезно в тех нередких случаях, когда у единицы несколько вариантов произношения или написания, включая широко распространенную в языке омонимию. Также во всех корпусах есть возможность поиска по классу “go” (ваго⁹, канго¹⁰, гайрайго¹¹ и др.), по части речи единицы (включает не только части речи, но и части слова (префикс и суффикс), а также пробел, различные символы и (в C-JAS и I-JAS) пометы «затруднительно дать анализ», «личная информация», «невербальное действие»), а для изменяемых единиц – по типу и форме спряжения. Последние три параметра имеют иерархическую структуру, и в них можно выбрать, насколько подробной должна быть информация о единице.

Наконец, в COJADS, C-JAS и I-JAS есть параметр «тег». В первом корпусе можно искать как по тегам, обозначающим исключительно диалектные особенности (например, региональные ономотопеи, опущенные служебные “go”, а также наречия, союзы, диминутивы, префиксы и гоноративы, аналогов которым нет в «стандартном языке»),

⁸ В отличие от заголовочного слова или лексемы, фонетические варианты единицы в случае с удлинением и сокращением звуков (например, *amari* и *ammari* (‘чересчур, очень’) считаются Институтом разными “goiso”.

⁹ Исконно японские слова.

¹⁰ Слова, корни которых имеют китайское происхождение.

¹¹ Слова, заимствованные из западных языков.

так и по некоторым особенностям разговорной речи (словам-филлерам и паузам хезитации). Наборы тегов в C-JAS и I-JAS схожи; учитывая тип корпусов, разработчики добавили теги об ошибках разного рода (фонетических, грамматических и лексических), пометы пауз, удлинённых гласных, междометий-филлеров, неясного произношения единицы или сложности в определении единицы, просьбы объяснить чтение единицы, а также теги отнесения “go” к применимым или именам собственным.

Отдельно стоит упомянуть о возможности создания своего подкорпуса для поиска по выбранным в форме параметрам. Такая возможность есть во всех корпусах, кроме NUCC, NWJC и CWPC, но ввиду разного наполнения для каждого корпуса список вариантов свой. Например, для диалектного корпуса COJADS важными параметрами, безусловно, являются диалект и префектура, в которой была записана речь, а в C-JAS можно изучить подкорпус речи каждого из шести информантов или нескольких из них, при этом выбрав период записи речи.

Корпусы позволяют пользователю выбрать формат и содержание результатов поиска. Во всех корпусах можно выбрать тип графического разделения единиц в тексте и объём показываемого контекста. Что касается содержания результатов поиска, обязательными для всех корпусов являются параметры, дающие информацию о единице и информацию о корпусе, остальные параметры зависят от типа корпуса (например, информация о тексте и его авторе есть лишь в письменных корпусах BCCWJ и CHJ, а I-JAS даёт информацию об изучающем японский язык информанте).

5.2. Примеры поиска

Показанный нами широкий выбор параметров позволяет максимально уточнить запрос, без чего зачастую не обойтись ввиду распространённой в языке омонимии, а также ряда особенностей японской письменности.

5.2.1. Снятие грамматической и фонетической омонимии

Предположим, перед нами стоит задача проанализировать использование существительного 帰り (kaeri, ‘возвращение домой, путь домой, обратно’) в текстах блогов. Оно омонимично одной из форм глагола 帰る (kaeru, ‘возвращаться домой, обратно’). Кроме того, у него много фонетических омонимов, а также есть два варианта написания, в которых различается сочетание иероглифа с окуриганой¹²: 帰る и 帰える, где 帰 – иероглиф, а る (ru) и える (eru) – окуригана.

¹² Окуригана – слоговая азбука, которой записывают часть единицы, идущую вслед за иероглифом.

В корпусе BCCWJ создадим подкорпус текстов блогов (рис. 3), в поисковой форме (рис. 4) выберем поиск по «goiso» и укажем нужную нам единицу 帰) (позволит учесть различные варианты написания единицы, одновременно отсекая ее фонетические омонимы), а в дополнительном условии выберем часть речи «существительное» (избавляемся от грамматической омонимии).

検索対象の選択

検索対象とするレジスターにチェックを入れてください。

レジスター	<input type="checkbox"/> コア	<input type="checkbox"/> 非コア
出版・新聞	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
出版・雑誌	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
出版・書籍	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
図書館・書籍	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
特定目的・白書	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
特定目的・ベストセラー	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
特定目的・知恵袋	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
特定目的・ブログ	<input checked="" type="checkbox"/>	<input checked="" type="checkbox"/>
特定目的・法律	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
特定目的・国会会議録	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
特定目的・広報紙	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
特定目的・教科書	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
特定目的・論文	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>

ジャンル

上でチェックを入れたレジスターに対し、さらに詳細なジャンルを指定できます。

特定目的・ブログ (既定)

<input type="checkbox"/> ビジネスと経済	<input type="checkbox"/> ビジネス	<input type="checkbox"/> 金融と投資	<input type="checkbox"/> 経済	<input type="checkbox"/> 雇用	<input type="checkbox"/> 業種
<input type="checkbox"/> コンピュータとインターネット	<input type="checkbox"/> インターネット	<input type="checkbox"/> コンピュータ			
<input type="checkbox"/> 生活と文化	<input type="checkbox"/> グルメ、ドリンク	<input type="checkbox"/> 環境問題	<input type="checkbox"/> 季節	<input type="checkbox"/> 災害	<input type="checkbox"/> 事件・事故
			<input type="checkbox"/> 祝日、記念日、年中行事	<input type="checkbox"/> 文化活動	

Рис. 3. Создание подкорпуса в корпусе BCCWJ

Галочками помечен подкорпус блогов. Верхняя таблица: левая колонка содержит названия подкорпусов, в средней можно выбрать тексты из ядра корпуса (из текстов, чья разметка была проверена вручную), в правой – из не-ядра (тексты, не проверенные вручную). Ниже можно выбрать жанр и тематику текста, а также год публикации

Fig. 3. Creating a subcorpus in the BCCWJ corpus

The ticks mark the blog subcorpus. The table at the top allows selecting texts from the core corpus with manually checked tagging (the middle column) and from the non-core corpus without one (the right column); the names of subcorpora are given in the left column. The genre and subject of the texts, as well as the year of their publication, can be chosen in the form below

現代日本語書き言葉均衡コーパス BCCWJ

The screenshot shows the search interface for the BCCWJ corpus. At the top, there are three tabs: "短単位検索" (Short Unit Search), "長単位検索" (Long Unit Search), and "文字列検索" (Text Search). The "短単位検索" tab is active. Below the tabs, there is a search bar with a magnifying glass icon and the text "短単位検索".

The search criteria section includes a dropdown for "前方共起条件の追加" (Add preceding co-occurrence conditions) and a search key "キー" set to "語" (Word). The search term is "goiso" (1) and the unit is "語彙素" (Morpheme) (2). The search is for the word "帰り" (Return) (3). The search is limited to "品詞" (Part of speech) and "大分類" (Major classification) (4).

The search target section includes a dropdown for "検索対象" (Search target) set to "設定を隠す" (Hide settings) and a button "検索対象を選択" (Select search target) (3). The search target is "特定目的・ブログ (コア, 非コア) 全てのジャンル" (Specific purpose: Blog (Core, Non-core) All genres).

The search action section includes a dropdown for "検索動作" (Search action) set to "設定を隠す" (Hide settings) (5). The search action is "文脈中の区切り記号" (Contextual separator) (4) and "文脈中の文区切り記号" (Contextual sentence separator) (4). The search action is "前後文脈の語数" (Number of words in preceding and following context) (5) set to "50". The search target is "固定長・可変長" (Fixed length / Variable length) (6) set to "両方" (Both). The search target is "共起条件の範囲" (Range of co-occurrence conditions) (7) set to "文境界をまたぐ" (Cross sentence boundaries).

The download options section includes a dropdown for "ダウンロードオプション" (Download options) (6) and a button "設定を表" (Show settings).

Рис. 4. Заполнение формы поиска в корпусе BCCWJ:

1 – поиск по “goiso”, в поле поиска пишем 帰り; 2 – дополнительное условие (здесь указана часть речи единицы – «существительное»); 3 – выбранные подкорпусы (блоги всех жанров); 4 – графические разделители в контекстах; 5 – длина контекстов; 6 – тип текстов (текст полностью, отрывок текста заданной длины или оба варианта (здесь выбраны оба типа)); 7 – учитывать границы предложений (можно выбрать «не учитывать»)

Fig. 4. The search form in the BCCWJ corpus:

1 – search by “goiso” 帰り; 2 – noun as an additional parameter; 3 – blogs of all genres as selected subcorpora; 4 – graphic marks in the sentences; 5 – length of the contexts; 6 – a type of the texts (a full text, an extract of a given length, or both types as selected here); 7 – whether to take into account the boundaries of the sentences

В результате из подкорпуса общим объемом 12 984 635 “go” (10 194 143 “go” без учета знаков препинания и пробелов) нашлось 1222 контекста, из которых корпус показывает 500 случайно отображенных.

5.2.2. Снятие орфографической омонимии

Допустим, мы хотим изучить все возможные употребления единицы 自重 (jichoo, ‘самоуважение’) в интернет-источниках, однако у него есть орфографический омоним (в иероглифическом написании слова) 自重 (jijuu, ‘собственный вес’). Воспользуемся корпусом NWJC (рис. 5).

The screenshot shows the search interface of the NWJC Corpus. At the top, there are three tabs: '短単位検索' (Short Unit Search), '長単位検索' (Long Unit Search), and '文字列検索' (Text Search). The '短単位検索' tab is active. Below the tabs, there is a search bar with a magnifying glass icon and the text '短単位検索'. Underneath, there are several input fields and buttons. A red circle with the number '1' points to the main search term 'go' (自重) in the '語彙素' (Lexeme) field. A red circle with the number '2' points to the additional search term 'jichoo' (ジチヨウ) in the 'AND 語彙素読み' (AND Lexeme Reading) field. A red circle with the number '3' points to the '検索動作' (Search Action) section, which includes fields for '文脈中の区切り記号' (Delimiter in Context), '文脈中の文区切り記号' (Text Delimiter in Context), and '前後文脈の語数' (Number of Words in Context).

Рис. 5. Корпус NWJC. Заполнение формы:

1 – главный параметр, указываем “go” 自重; 2 – дополнительный параметр, выбираем чтение “go” и в поле катаканой записываем jichoo; 3 – примерно те же параметры, что и в BCCWJ, отсутствует только выбор типа текста. В этом корпусе на данный момент нет возможности задать подкорпус

Fig. 5. The NWJC Corpus. The form:

1 – “go” 自重 as the main parameter; 2 – the reading of “go” (jichoo) written in katakana as an additional parameter; 3 – mostly the same parameters as in the BCCWJ, the only difference is that there is no option of choosing the text type. At the moment, building a subcorpus is not available

В форме поиска выберем, например, “goiso” (единица представляет собой неизменяемое существительное, поэтому можно выбрать другой параметр поиска), в дополнительном параметре укажем чтение “goiso” (обязательно слоговой азбукой катакана) (см. рис. 5).

В результате поиска мы получили 578 контекстов, из которых корпус показывает 500, готовых к анализу. Общим объемом корпуса 106 709 834 “go” (86 277 772 “go” без учета знаков препинания и пробелов).

5.2.3. Поиск определенного варианта единицы

Теперь поставим иную задачу – анализ употребления в повседневной речи единицы やっぱり (yappari, ‘все-таки, всё еще, также, тоже’), представляющей собой разговорный вариант единицы 矢張り (yahari), у которой также несколько вариантов написания. Для примера мы воспользуемся корпусом CEJC (рис. 6).

Для выполнения задачи в качестве главного параметра мы указали “goiso”, дополнительного – его произношение. Корпус нашел 2092 контекста, из которых, как обычно, показал 500. Объем корпуса 2 421 162 “go” (2419171 “go” без учета знаков препинания и пробелов).

5.2.4. Поиск единицы в заданном месте в предложении

Корпусы позволяют искать единицу по номеру ее позиции в предложении. Вернемся к примеру в разделе 5.2.1 и добавим одно условие – единица должна быть третьей с начала предложения. Для этого над главным параметром выбираем расположение единицы от начала предложения и указывает порядковый номер ее места – третий “go” (рис. 7). В результате получили 134 контекста.

6. Репрезентативность и сбалансированность корпусов

Репрезентативность и сбалансированность являются одними из самых важных и одновременно трудновыполнимых требований к корпусу. Репрезентативность обычно подразумевает верное отражение корпусом всех важных для исследования особенностей языка, а сбалансированность – верное соотношение разных типов текстов между собой в корпусе (см., например, [Копотев, 2014]). Соблюдение обоих требований позволяет создать корпус, который представляет собой уменьшенную модель языка (или подязыка), а значит, при работе с ним можно получить достоверные данные.

日本語日常会話コーパス CEJC

中納言 コーパス検索アプリケーション

日本語日常会話コーパス CEJC

短単位検索 長単位検索 文字列検索

短単位検索

前方共起条件の追加

キー -- 1 語 キーの条件を指定しない

1 語彙素 が 矢張り

2 AND 発音 が ヤッパリ 短単位の条件の追加

後方共起条件の追加

検索対象 設定を隠す

3 検索対象を選択 検索対象をクリア

全て

検索動作 設定を隠す

4 文脈中の区切り記号 | 文脈中の発話単位区切り記号 # 前後文脈の語数 20

共起条件の範囲 発話単位境界をまたがない

ダウンロードオプション 設定を表示する

Рис. 6. Заполнение формы поиска в корпусе CEJC:

1 – в качестве основного параметра поиска указываем “goiso” 矢張り;
 2 – в качестве дополнительного параметра выбираем произношение “goiso” и катаканой вписываем интересный вариант (yappari); 3 – можно создать подкорпус (выбраны все тексты корпуса); 4 – графические пометы, объем контекстов, учет границы предложений. Нет возможности выбрать тип текстов

Fig. 6. The search form in the CEJC corpus:

1 – “goiso” 矢張り as the main search parameter; 2 – the pronunciation of “goiso” (yappari) written in katakana as an additional parameter;
 3 – creating a subcorpus (here, all texts of the corpus are selected);
 4 – choosing graphic marks, length of contexts, and whether to take into account the boundaries of the sentences. There is no option to select the text type

Рис. 7. Поиск единицы по номеру ее позиции в предложении в корпусе CEJC:

1 – точка отсчета (начало или конец предложения); 2 – номер позиции ключевой единицы; 3 – выбираем, должна ли единица быть строго на этой позиции (как на рисунке) или в интервале от точки отсчета до указанной позиции

Fig. 7. Searching for a unit by its position number in the sentence in the CEJC corpus:

1 – starting point (from the beginning or end of the sentence); 2 – position number of the key unit; 3 – choose whether the unit should be at the exact position given (as in the figure) or in the range from the starting point to the specified position

Иногда эти понятия совмещаются и используются как синонимы. Например, разработчики Национального корпуса русского языка указывают, что корпус «характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов», и далее следует пояснение: «создатели стремятся включить в Корпус все типы письменных текстов, представленные в русском языке <...>, и все эти тексты входят в корпус пропорционально их доле в языке соответствующего периода»¹³.

¹³ URL: <https://studiorum.ruscorpora.ru/manual/basic/> (date of access: 12.03.2002).

В данной работе мы количественно оцениваем характеристики материала корпуса, которые могут повлиять на результаты, полученные в ходе работы с ним, а именно соотношение объема текстов разных типов, т.е. говорим в первую очередь о сбалансированности, однако она влияет на репрезентативность.

В идеальном случае соотношение типов текстов в корпусе равно их соотношению в языке, тогда корпус представляет собой «пропорциональное сужение проблемной области» [Баранов, 2017], т.е. языка. Для этого требовалось бы заранее знать искомое соотношение, что до определенной степени осуществимо при условии проведения ряда социологических исследований. Если говорить о корпусах NINJAL, примером такого корпуса является BCCWJ: определение генеральной совокупности и формирование выборки проводились максимально скрупулезно на основе предварительных исследований. Он является самым сбалансированным корпусом NINJAL, впрочем, временные рамки генеральной совокупности в разных подкорпусах разные, что объясняется разной доступностью данных [BCCWJ: Руководство пользователя, 2019, с. 7]. Подробнее о корпусе на английском см. [Maekawa, 2014].

Информации о предварительных исследованиях при разработке других корпусов найти не удалось. В некоторых из них разработчики старались обеспечить репрезентативность за счет увеличения объема текстов того или иного типа, включения текстов других типов и/или соблюдения баланса между информантами. Вот некоторые особенности.

В корпусе CHJ¹⁴ представлены тексты различных эпох, но стоит отметить разный объем подкорпусов по периодам, что, безусловно, придется учитывать при проведении исследования языкового явления в его диахроническом аспекте.

В случае с корпусами устных текстов наиболее репрезентативным (и сбалансированным), по нашему мнению, является CEJC¹⁵. При сборе материала разработчики контролировали баланс говорящих по полу и возрасту, но в корпусе мало данных по говорящим, не достигшим возраста 20 лет, а также старше 70 лет.

Одним из самых объемных корпусов является CSJ, но сбалансированным его назвать сложно. 95% объема корпуса составляют монологи, и лишь 5% приходится на диалоги. Разработчики корпуса старались сделать корпус более репрезентативным, включив различные виды речи, однако 41% текстов составляют публичные выступления с научными докладами, 50% – подготовленные рассказы информантов

¹⁴ URL: <https://clrd.ninjal.ac.jp/chj/chj-wc.html> (date of access: 12.03.2002).

¹⁵ URL: <https://www2.ninjal.ac.jp/conversation/report/report06.pdf> (date of access: 12.03.2002).

на повседневные темы в относительно непринужденной обстановке, на остальные 9% приходятся интервью с информантами, чтение вслух и др. типы выступлений. На русском языке информацию о корпусе см. [Костыркин, 2009], на английском – [Maekawa, 2003].

В COJADS¹⁶ представлена речь информантов из различных префектур (сбор материала шел с 1977 г. по 1985 г.), но видна большая разница в объеме материала по ним. Продолжительность записей колеблется от 5 минут (0,1% всех записей) в префектуре Тоттори до 572 минут (11,8%) в префектуре Гумма. В разговорах в общем случае чаще участвовали мужчины, чем женщины, хотя в некоторых префектурах (Аомори, Киото, Тояма и др.) статистика обратная. Однако корпус продолжает пополняться данными, и возможны изменения в приведенной оценке в будущем.

В корпусе SSC¹⁷ наблюдается крайне неравномерное соотношение по полу, возрасту, роду деятельности и месту рождения информантов: из 50 информантов монологов только одна женщина, запись ее речи составляет лишь 1,5% от общей длительности монологов; значительно преобладает объем материала от людей в возрасте 45–49 лет (23% от общей продолжительности записей), и вовсе нет речи людей до 30 лет. Также объем диалогов сильно (почти в полтора раза) превышает объем монологов.

В NUCC¹⁸ 85% информантов – женщины, около 50% информантов – в возрасте от 20 до 29 лет; много разговоров между людьми, занимающимися лингвистикой и обучением японскому языку, поэтому часто встречается метаязык.

Таким образом, при проведении исследований на материале корпусов NINJAL стоит помнить о следующих их особенностях: объем разных подкорпусов может отличаться; в корпусах устных текстов часто наблюдается неравномерное соотношение по характеристикам информанта (полу, возрасту, роду деятельности, месту рождения) и по виду текстов (диалог/монолог).

7. Заключение

Государственный институт японского языка и лингвистики, цель основания которого заключалась в изучении языкового существования человека, заложил основы японской корпусной лингвистики и продолжает развивать ее и в настоящий момент, работая над разработкой

¹⁶ URL: <https://cojads-data.ninjal.ac.jp/> (date of access: 12.03.2002).

¹⁷ URL: <https://www2.ninjal.ac.jp/conversation/showaCorpus/> (date of access: 12.03.2002).

¹⁸ URL: <http://telldev.cla.purdue.edu/chakoshi/meidai-chuui.html> (date of access: 12.03.2002).

различных программ автоматической обработки текстов и большого числа разнообразных корпусов.

Материал для корпусов собирался с самого основания Института, когда методы сбора были еще только в процессе разработки. В итоге материал (безусловно, ценный) все же не всегда сбалансирован. Материал, полученный позже, как правило, сбалансирован лучше, но есть недостатки. Для получения надежных данных в процессе проведения исследования без учета особенностей корпуса не обойтись.

Также при работе с корпусами Института стоит учитывать, что решения Института основаны на разработанных в рамках японской традиции языкознания представлениях о единицах языка, их структуре и классах, представлениях, несколько отличающихся от принятых в отечественной и западной японистике.

Отчасти соответствующей идеям японского языкознания и отчасти отличающейся от них является принятая Институтом двухступенчатая сегментация текста: SUW соответствует “go”, но LUW не соответствует принятым в японской традиции единицам, однако решает проблему интерпретации составных единиц. Такое решение отлично подходит для корпусов японского языка – оно не только опирается на традицию, но и удобно с практической точки зрения (в первую очередь для автоматизации работы с текстами).

Итак, корпуса японского языка, разработанные Государственным институтом японского языка и лингвистики, дают бесплатный доступ к огромному материалу самой разной тематики. Имея в виду указанные выше особенности корпусов, можно использовать их в исследованиях и получать надежные данные.

Библиографический список / References

Баранов, 2017 – Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. Изд. 5-е. М., 2017. [Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to applied linguistics]. Moscow, 2017.]

Копотев, 2014 – Копотев М. Введение в корпусную лингвистику. Прага, 2014. [Kopotev M. Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku [Introduction to corpus linguistics]. Praga, 2014.]

Корецкая, 2021 – Корецкая И.Л. Проблемы японской корпусной лингвистики // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2021» (1–3 июля 2021 г., Санкт-Петербург) / В.П. Захаров (отв. ред.). СПб., 2021. С. 272–280. [Koretskaya I.L. Challenges in the Japanese corpus linguistics. *Proceedings of the International Conference «Corpus Linguistics–2021» (July 1–3, 2021, St. Petersburg)*. V.P. Zakharov (ed.). St. Petersburg, 2021. Pp. 272–280. (In Rus.)]

Костыркин, 2009 – Костыркин А.В. Корпус японской разговорной речи // Национальный корпус русского языка: новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 474–500. [Kostyrkin A.V. Corpus of Spontaneous Japanese. *Natsionalnyi korpus russkogo yazyka: novye rezultaty i perspektivy*. St. Petersburg, 2009. Pp. 474–500. (In Rus.)]

Неверов, 2005 – Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 2005. [Neverov S.V. *Obshchestvenno-yazykovaya praktika sovremennoy Yaponii* [Sociolinguistic practice in contemporary Japan]. Moscow, 2005.]

Фельдман, 1956 – Фельдман Н.И. О работе Государственного исследовательского института родного языка в Токио // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 152–156. [Feldman N.I. On the Tokyo National Research Institute for Japanese Language. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1956. No. 3. Pp. 152–156. (In Rus.)]

An introduction, 2019 – An introduction to The National Institute for Japanese Language and Linguistics: A sketch of its achievements. 6th ed. M. Yamazaki, T. Takada, Yo. Matsumoto (eds.). Tokyo, 2019.

BCCWJ: Руководство пользователя, 2019 – 現代日本語書き言葉均衡コーパス。利用の手引]. Tokyo, 2019. [Gendai nihongo kakiketoba kinkoo koopasu. Riyoo no tebiki [The Balanced Corpus of Modern Written Japanese. User Guide]. Tokyo, 2019.]

Maekawa, 2003 – Maekawa K. Corpus of Spontaneous Japanese: Its design and evaluation. ISCA & IEEE Workshop on Spontaneous Speech Processing and Recognition. 2003.

Maekawa et al., 2014 – Maekawa K., Yamazaki M., Ogiso T. et al. Balanced corpus of contemporary written Japanese. *Language Resources and Evaluation*. 2014. Vol. 48. Pp. 345–371.

NINJAL: Справочник, 2019/2020 – 国立国語研究所: 要覧 2019/2020. Tokyo, 2019. [Kokuritsu kokugo kenkyuusho: Yooran [National Institute for Japanese Language and Linguistics: Guide]. Tokyo, 2019.]

Статья поступила в редакцию 22.05.2022

The article was received on 22.05.2022

Об авторе / About the author

Корецкая Ирина Леонидовна – аспирант Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва

Irina L. Koretskaya – postgraduate student at the Department of Languages of East and Southeast Asia, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0537-0575>

E-mail: koretskayairina@yandex.ru

A. Letuchiy

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation;
Vinogradov Russian Language Institute of RAS,
Moscow, 119019, Russian Federation

Specific restrictions on the use of *byt'*-passive in Russian: The reality restriction

The article focuses on a specific restriction on the use of Russian past passive forms with an auxiliary (*byl postroen* 'was built', *byla svarena* 'was cooked') in embedded clauses. These forms are known to differ from forms without an auxiliary (*postroen* 'is/was built', *svarena* 'is/was cooked') by the absence of resultative meaning component. However, it turns out that other restrictions exist: forms with *byt'* in embedded clauses disfavor irreality and repeatedness contexts. I explain this saying that in general, forms with explicit *byt'* are likely to be used when the situation has taken place in reality (this generalization also excludes repeated action contexts, because they do not refer to a specific realized situation). I make a preliminary conclusion that this generalization also manifests itself in independent clauses. No reality-based restrictions are valid for passive forms without auxiliary.

Key words: passive, auxiliary, resultative, reality/irreality, repeatedness, pluperfect, retrospective shift

FOR CITATION: Letuchiy A. Specific restrictions on the use of *byt'*-passive in Russian: The reality restriction. *Rhema*. 2022. No. 4. Pp. 101–116. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-101-116

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-101-116

А.Б. Летучий

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066, г. Москва, Российская Федерация;
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук,
119019 г. Москва, Российская Федерация

О некоторых ограничениях на употребление пассива со вспомогательным глаголом *быть* в русском языке: ограничение на реальность ситуации

В статье рассматривается нетривиальное ограничение на русские формы пассивного залога прошедшего времени (*Дом был построен, Картошка была сварена*) в зависимых клаузах. Об этих формах известно, что они отличаются от форм без вспомогательного глагола (*построен, сварена*) отсутствием резульативного значения. Однако обнаруживаются другие ограничения: формы с глаголом *быть* в зависимой клаузе плохо сочетаются с ирреальными контекстами и контекстами повторяемости. Мы объясняем это тем, что формы с *быть* плохо допустимы, когда обозначаемая ситуация не имела места в реальности (при этом повторяемые контексты также подпадают под это обобщение, т.к. не обозначают референтной определенной ситуации). Проявления этого свойства можно увидеть и вне зависимых клауз. Пассивные формы без вспомогательного глагола типа *Картошка сварена* не подпадают под данные ограничения.

Ключевые слова: пассив, вспомогательный глагол, резульатив, реальность/ирреальность, повторяемость, плюсквамперфект, ретроспективный сдвиг

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Летучий А.Б. О некоторых ограничениях на употребление пассива со вспомогательным глаголом *быть* в русском языке: ограничение на реальность ситуации // Рема. Rhema. 2022. № 4. С. 101–116. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-101-116

1. Introduction

1.1. A brief outline

In my article, I will describe some specific properties of the passive construction with the verb *byt* 'be' (*dom byl postroen* 'the house was / has been built') that differ both from passive tense forms without an auxiliary and past tense forms of active voice. These features regard combinations of passive forms with some aspect values and modality. They have to do with the semantic opposition postulated for the form with a verb *byt*', marked for tense, and the other variant of passive, unmarked for tense and containing no explicit form of *byt*', but are not reducible to the binary opposition of resultative vs. non-resultative contexts.

It is well-known that in some respects, periphrastic passive forms with 'be' sometimes behave differently from synthetic verb forms. This is also the case in Russian: as Knjazev (1998, 2002) shows, the whole passive paradigm (which in Russian usually contains a form of *byt*') is organized differently from the active one in what concerns the use of forms and their systematic properties. Knjazev (1988) and Paducheva (1996, 1998) show that the passive voice has a present tense form without an explicit auxiliary (*dom postroen*) and a form with an auxiliary marked for past or future tense (here only past tense forms like *dom byl postroen* are addressed). The form without an auxiliary is sometimes labeled 'stative', though, paradigmatically, it corresponds to the form with an auxiliary as a present tense form.

The form with the past tense auxiliary usually cannot be used if the situation is actual at the moment of speech. For instance, (1) is impossible in the sense 'the faculty was created, and this result (existence of the department) is relevant at the time of speech':

(1) Fakul'tet uže (#byl) sozdan.¹

'The department has already been created.' (see [Orosz, 2001; Knjazev, 2002] on the special features of the present form without an auxiliary)

At the same time, the variant with the explicit form *byl* is possible if the construction focuses on the situation taking place at the particular moment of time, not on its current relevance. One can regard (1) as having a perfect reading, and (2) as a perfective. The contrast is almost identical to the English opposition of Present Perfect and Past Indefinite.

¹ As one of anonymous reviewers points out, (1) is acceptable, but only if the reference point for the state 'the department was created' is in past: e.g., 'The department had been created for a long time when I entered the university'. If the reference point is at the moment of speech, i.e., '(Now), the department has already been created', the use of *byl* in (1) leads to ungrammaticality.

- (2) Fakul'tet byl sozdan odinnadcat' let nazad.
 'The department was created eleven years ago.'

Knjazev (1988) discusses the place of the passive form in the typology of stative aspectual meanings (stative and resultative). The only problem of his detailed semantic analysis is that he does not always take into account the use of forms in embedded clause. As Comrie (1976) shows, sometimes one of ways to distinguish between perfective past, perfect, resultative and stative is their contextual behavior.

In this article, I will focus on restrictions on the use of past tense form with *byt'*. I will show that they are not derivable either from the general opposition between resultative vs. non-resultative use, or from the general rules of use of Russian past tense forms. Restrictions I describe result from some special features of past tense passive forms that have been previously ignored.

1.2. Stative proper uses

In this article, I ignore the uses of past tense passive forms that can be termed 'stative proper' (they are discussed by Orosz (2001), Paslawska & von Stechow (2002)). In this type of reading, the moment of change is defocused, and the passive form describe only the stative phase, where the state of things does not change:

- (3) Dver' polčasa byla otkryta.
 'The door was open for half an hour.'

Most examples in the paper describe sequence of events or hypothetical events, and these contexts are incompatible with stative proper uses. Examples are taken from the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru), Google search, or sometimes are based on my intuition.

2. Specific features of unmarked forms

Paducheva (1996) and Egorova, Egorov & Plungian (2020) show some specific features of unmarked forms like those in (4) and (5):

- (4) Včera **polučeno** izvestie.
 'Yesterday the news was received.'
- (5) Zdanie uže **postroeno**.
 'The building has already been built.'

Paducheva regards the forms *polučeno* and *postroeno* without an auxiliary as a variant of passive that normally has a resultative reading. (4) and (5) are preferably used when the effect of news being known and the building finished exists at the time of speech. Otherwise, the *byt'*-variant had

to be chosen.² At the same time, Egorova et al. (2020) show that this rule of ‘result relevance’ can be violated.³ Note that sometimes the resultative reading is called perfect reading and compared to perfect forms in European languages: for instance, Bidem (1988) and Chvany (1990) adopt this type of argumentation.

In the following two subsections, I demonstrate that the difference in two contexts I discuss between the form with vs. without an auxiliary is not reducible to contexts of present relevance.

The main type of contexts I consider is the use of passive voice forms in adjunct embedded clauses. This choice is not accidental: in embedded clauses, the properties of event depend on the semantic properties of the main clause event, rather than are defined on independent semantic grounds, such as resultativity. Thus, the data under analysis will allow us to analyze tendencies of form use, not reducible to the resultative vs. non-resultative past opposition. I will describe restrictions related to repeatedness (2.1) and irreality (2.2).

2.1. Restriction I: Repeated situation

One of special features of the *byl*-form is its restricted compatibility with repeatedness contexts, where repeatedness is marked with the default temporal subordinator *kogda* ‘when’. For example, in (6), the main event (*prixodit* ‘comes’) is repeated and situated in present, but in the embedded clause, the active voice past tense form is impossible in the relative reading (‘they have eaten everything by this moment’). The same type of use is impossible for a past tense passive form in (7).

(6) On vseгда *prixodit*, *kogda* vsju edu uže ***sjeli***.

‘He always comes when all food has already been eaten
(lit. ‘they ate / have eaten all the food’).’⁴

² The situation, however, was different in the 19th century, when the unmarked form could be used without a necessary resultative component. Paducheva (1996) confirms this fact by quoting Lermontov’s “Borodino”, where *Moskva ... francuzu otdana* ‘Moscow is/has been given to French people’ is used in the situation where Napoleon had already lost the war, and Moscow is not possessed by the French army – thus, the situation has no current relevance for the speaker.

³ Here, I do not discuss in detail an approach represented by Schoorlemmer (1995), saying that all Russian participial passive constructions are stative. Its radical version seems to contradict some data (this is well demonstrated by [Paslawska, von Stechow, 2003]). The moderate version of the same approach may be correct: it says that the interpretation of the participle itself always includes a stative component, but it does not necessarily result in the stative interpretation of the whole construction. I do not either discuss the role of causativity and transitivity in the passive formation, which is given much attention in [Bulanin, 1978; Kokochkina, 2008].

⁴ Note that here I do not discuss issues related to aspect. Grønn (2008) and Corre (2015) discuss the behavior and distribution of aspectual values in various forms of Russian verbs, but their findings are not related to passive form use.

(7) On vseгда prixodit, kogda vsja eda uže (^{??}**byla**) **sjedena**.

Intended: 'He always comes when all food has already been eaten.'

(8) I vozvraščajutsja, kogda uže gusto **повысypали** zvezdy nad morem.

(Г.Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном (1995))

'And (they) return when many stars have appeared above the sea.'

(9) I vozvraščajutsja, kogda nebo uže (***bylo**) **usypano** zvezdami.

Intended: 'And (they) return when the sky is covered by stars.'

Uses like (6) are special in that tense and aspect is used relatively in the adjunct (temporal) clause with the marker *kogda*. Russian adjunct clauses mostly contain absolute tense and aspect.

At the same time, if the matrix predicate is in past, the use of *byl*-forms is not only possible, but even obligatory.

(10) On vseгда prixodil, kogda vsju edu uže **sjedali**.

(11) On vseгда prixodil, kogda vsja eda uže ***(byla) sjedena**.

'He always comes when all food has already been eaten.'

Note that the impossibility of the past passive in (7) is not covered by the aforementioned component of current relevance, which blocks the use of *byl*-forms. Even the use of *davno* does not make the use of *byla* perfect.

(12) On vseгда prixodit, kogda vsja eda uže davno (^{??}**byla**) **sjedena**.

'He always comes when all food has already been eaten for a long time.'

Moreover, the fact that in repeated action context the tense-marked form with *byt'* is undesirable leads to the use of present tense forms without an auxiliary in a non-resultative context of subsequent event chain (which is non-characteristic of them, according to [Knjazev, 1988, p. 349]:

(13) Kogda den'gi (^{??}**byli**) **polučeny**, a zatem **potračeny**, ja beru iz moix staryx zapasov.

'When the money has been gotten, and then spent, I take some from my old reserves.'

2.2. Restriction II: Irreal situation

Another context where the construction with *byt'* is impossible is irreal situation. Active voice past tense forms are sometimes used in the relative reading where the situation precedes another one, and both are not realized:

- (14) *Glavnoe, stavit' mjaso na ogon' uže posle togo, kak kartoška*
zakupela.
 'The main thing is to put the meat to cook after the potatoes has begun to boil.'
- (15) *Imenno oni pomogajut bolezni vernut'sja posle togo, kak pacient*
prošel polnyj kurs lečenija i pobedil rak. (Журнальное обозрение // Знание-сила. 2013)
 'It's they who result in the return of the illness after the patient has undergone a medical course and recovered from the cancer.'
- (16) *Ix osveščenie ... vključaetsja ne s "gabaritami" ili svetom far, a neposredstvenno pri nažatii samoj knopki, to est' posle togo, kak ee uže*
naščupal! (Владимир Арбузов. Огни панели (2004) // За рулем. 15.04.2004)
 'Their light ... switches on not together with the parking lights or headlights, but when the button itself is pushed, when (you) have already found it!'

The same context is impossible for passive past forms with *byl*, only stative forms without an auxiliary are possible:

- (17) *Glavnoe – stavit' mjaso na ogon' uže posle togo kak kartoška* (***byla**)
svarena.
 'The main thing is to put the meat to cook after the potatoes are/have been cooked.'
- (18) *Socializm nado stroit' posle togo, kak* (**#byl**) **postroen** kapitalizm. (Борис Немцов: Кремль и есть правительство // Газета. 2003.06.20)
 'The socialism should be construed after the capitalism has been construed.'

The change of the same context to a specific real situation makes the past tense passive form acceptable.

- (19) *Posle togo, kak kartoška* **byla svarena**, on postavil mjaso na ogon'.'
 'After the potatoes had been cooked, he put the meat to cook.'

Example (20) is theoretically compatible with both types of interpretation. However, the use of the past tense makes the speaker choose the 'real' reading. A broader context shows that this is really the case: the subject has already lost much with the old Russia, and not just mentions a hypothetical situation:

- (20) Im bylo čto terjat'. Vnov' terjat', posle togo, kak sliškom mnogoe **bylo poterjano** vmeste so staroj Rossiej. (Н.Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая (2006))
'They had something to lose. To lose again, after they lose too much with the old Russia.'
- (21) a. Posle togo kak kartu **vypustili**, vse gotovye karty otpravljajut v otdelenija banka.
'After the card has been issued, all cards are delivered to branches of the bank.'
- b. Posle togo kak karta (**#byla**) **zablokirovana**, bank uvedomit vas, kogda vy smožete polučit' novuju kartu.
'After the card is/has been blocked, the bank will notify you of the date of getting a new card.'

This class of examples should be distinguished from sentences like (22), where infinitive marks an unreal situation, but the embedded clause denotes a real one (the past tense *naučilis'* '(they) learnt' means that the situation is specific and has been realized). In such sentences, the passive construction with *byt'* is acceptable (23):

- (22) Nynješnij kanatohodec rabotaet na oslablennoj provoloke. I ne begaet. ... Čto možno ešče pridumat' posle togo, kak **naučilis'** xodit' po provoloke, odnovremenno žongliruja kipjaščim samovarom... (Ю.К. Олеша. В цирке (1928))
'The present day tightrope walker works on a loose wirer. And he does not run any longer. What could they elaborate after they learnt to go on the cord, holding a hot samovar?'
- (23) Čto real'no možno sdelat', posle togo kak **byl uničtožen** Groznyj, posle togo kak boeviki ušli v gory (<https://www.yabloko.ru/Publ/2000/Radio/ivan-echo-2.html>)
'What can really be made after Groznyj has been destroyed, and after the fighters has gone to the mountains?'
- (24) Kak my mogli tuda poexat' posle togo, kak granica **byla zakryta**?
'How could we go there after the border was closed.'
- (25) Nado uxodit' posle togo, kak obeščanie **bylo narušeno**.
'You should leave, after the promise has been broken.'

It may seem tempting to regard the contrast between the form with and without an auxiliary as an opposition between the resultative meaning and the meaning of canceled result. However, this does not seem to be the case.

For instance, some examples where the embedded event is realized also contain the component of relevant result, but *byl* is possible there.

- (26) Ty vse-taki gotoviš salat posle toga, kak **byla svarena** kartoška?
‘Are you nevertheless cooking a salad, after potatoes have been cooked?’

In other words, it is the irreal meaning that prevents *byl*-forms from being used in examples like (17) and (18).

3. Analysis of restrictions: Possible approaches

The special restrictions on the use of *byl*-forms allow for several types of analysis: one in terms of reality status, the other one in terms of time localization. Under the first analysis, we can suppose that the passive form with *byl* (*byla*, *bylo*, *byli*) is compatible only with real context. The second analysis claims that *byt'*-forms are incompatible with relative tense readings.

3.1. Tense approach

The claim that *byl*-forms are incompatible with relative reading is apparently false. For instance, under the matrix predicate in future, the passive construction in the complement clause can be marked for past with *byl*, which is apparently relative (in other words, it only denotes the precedence of the embedded event to the main one, not necessarily to the speech act:

- (27) Esli my éto sdelaem, on ved' pojmet, čto den'gi **byli** kem-to **ukradeny**, a ne sami propali!
‘If we do it, he will understand that the money has been stolen by someone, and not disappeared by themselves!’

In other words, the fact that (17) and (18) sound strange does not result for a general ban on the relative use of tense. Only the use of *byl*-forms in some particular contexts is restricted.

3.2. Modal approach

The modal approach as it is (in the formulation ‘the past tense passive form is incompatible with irreal contexts’) is more appropriate than the temporal one. This approach, however, seems to have one disadvantage: it proves to be inconsistent in that not all types of embedded clauses with irreal meaning disallow past tense passive forms. For example, conditional clauses allow past tense in non-specific meaning:

- (28) Esli **byl sdelan** nepravil'no rasčet naloga, k zajavleniju neobxodimo prilozhit' uočnennyj variant deklaracii. (<https://kskgroup.ru/services/vozvrat-izlishne-uplachennogo-naloga/>)
 'If the tax was counted in a wrong way, you should attach the corrected variant of the declaration to the application.'

However, this fact does not undermine the modal approach. It can be saved taking into account the semantic differences between embedded clause types. The difference between them results from the fact that temporal clauses do not show the reality type. We can assume that *byl*-forms by default denote a realized situation. This rule can be overridden by a strong context that presupposes irreality: conditional constructions constitute such a context, while temporal ones do not. A similar case is constituted by examples like (29) and (30), where the temporal marker *posle togo kak* 'after' denotes a temporal sequence with a modal flavor.

- (29) Vy ne dolžny imet' osobyx problem s polučeniem vida na žitel'stvo posle togo, kak uže **byla vydana** sootvetstvujuščaja viza.
 'You should not have a serious problem with getting a residence permit after an appropriate type of visa has been issued.'
- (30) Daetsja li otsročka po 13g, posle togo kak uže **byla dana** otsročka po učebe? (<https://www.prizyvnik.info/topic/127184...>)
 'Can the deferment from the military service, based on paragraph 13g, be given, if someone has already gotten a deferment for students?'

In these cases, the embedded clause does not really mark purely the sequence of events. There is another component in the sentence: that is not marked explicitly: 'if the appropriate visa has been issued', 'if a deferment for students has been given'. The whole example in (29) and (30) should be analyzed in the possible world meaning:

- (29') 'Assume that the visa has been issued. In this case, you should have no problem with a residence permit.'
- (30') 'Assume that the 13g deferment has been given. In this case, can a person get a deferment for students?'

This is not the case in (17) and (18), where the same subordinator *posle togo kak* introduces the temporal clause in the proper sense. Thus, I claim that the restriction illustrated by (7) and (17)–(18) results from the default reality built into the meaning of *byl*-forms.

This claim may seem to be contradictory: as mentioned before, unmarked forms without an auxiliary bear a resultative component, while forms of *byt'*

often make the reading of passive non-resultative and denote that the result has been canceled. So why *byl*-forms tend to denote a real event? In fact, this tendency is rather natural. *Byl*-forms do not only mark **canceled** result. They often denote that the event took place before a reference point in past (pluperfect meaning, see Section 4 below). However, from this component it follows that the event took place at all – otherwise, the event could not be assigned a temporal localization before another event. By contrast, the form without an auxiliary have no default temporal localization, which allows it to be used in context where the event has not been realized at all.

The fact that repeated contexts are also usually incompatible with *byl*-forms can also be accounted for by the modal approach. In repeated contexts, the situation (both the main and the embedded one) is often non-specific, and we do not speak of any particular specific situation that has been realized. This is why the repeated non-specific reading deviates from the prototype of the realized situation and are semantically close to irreality.

3.3. A parallel: Irreal contexts in independent clauses

The relevance of the reality parameter is also manifested in a separate context outside subordinate clause domain. In Russian, past indicative is sometimes used in contexts where the addressee is proposed to imagine a hypothetical scenario.

- (31) Ty **vyšel** iz metro i tut že vidiš vxođ v bank.
 ‘(Imagine that/if) you have just gotten off the subway, and you (will) immediately see the entrance to the bank.’
- (32) **Posolil, poperčil**, dobavljaeš maslo.
 ‘When you (have) salted and peppered (it), you should add some butter.’

In this context, *byl*-passive forms are impossible with an irreal reading (just as in embedded clauses in (17) and (18)), while forms without an auxiliary are possible.

- (33) Itak, mjaso (**#bylo**) **požareno**, teper’ emu nado otdoxnut’.
 (<https://singlmolt.livejournal.com/1167.html>)
 ‘So, the meat is fried, now it needs to ‘rest’ (to cool down).’
- (34) Itak, den’gi (**#byli**) **snjaty** s karty i **potračeny**.
 ‘So, the money is withdrawn from the card and wasted.’

In both cases, the past tense form with an auxiliary is only possible in another meaning: it supposes that the situation ‘the money is withdrawn’, ‘the meat is fried’ has taken the place in reality. In the meaning ‘imagine that

the situation took place', only the form without an auxiliary is possible. This contrast confirms the claim that the embedded clause data leads to: the past tense form with an auxiliary is incompatible with irreal contexts or at least strongly disfavors them.

4. Absence of restriction in some uses of past tense passive

A special question regards the scope of restriction: The question is whether all uses of past tense passive forms with *byl* are incompatible with irreal and repeated contexts, or this restriction is only valid for some particular readings. In fact, the second is true: only the regular past use is incompatible with these contexts. This fact is confirmed by the existence of some perfectly acceptable examples with *byl*-forms referring to irreal situations.

(35) Každýj raz, kogda eda **byla prigotovlena**, ingredijnty ubiralis' v xolodil'nik.
'Every time when the food had been prepared, the ingredients were put back to the fridge.'

(36) Vsegda nado bylo gotovit' mjaso posle togo, kak **byla prigotovlena** kartoška.
'The meat had to be prepared after the potatoes had been prepared.'

I propose that there exist three types of *byl*-forms (in addition to the purely stative type that I excluded from the analysis):

- 1) regular past / cancelled result *byl*-forms (subject to irrealis restriction);
- 2) *byl*-forms of retrospective shift;
- 3) pluperfect / long temporal distance *byl*-forms.

The existence of **retrospective shift** reading is confirmed by examples like (37), where the past tense form with an auxiliary is obligatory:

(37) Ona priexala, kogda zdanie ***(bylo) postroeno**.
'She came when the house had already been building.'

The same form would be impossible if the passive form occurred in the main clause. The context does not contain a long temporal distance component either. The focus is on the fact that the state 'the house has been built' is relevant for the moment she comes. Thus, only the past tense localization of the main event line makes the *byl*-form possible: it marks 'relevance for the past', the resultative meaning shifted to the past.

In the **retrospective shift** use, the *byl*-form is possible, even if the situation is irreal. For instance, (38) is possible, even in the hypothetical reading, because the whole line of events, including the main situation, belongs to past.

(38) On sčital važnym stavit' mjaso na ogon' uže posle togo, kak kartoška
(**byla**) **svarena**.

'He considered it to be important put the meat to cook after
the potatoes are / have been cooked.'

(38) can refer to a generic situation where no specific potatoes have been cooked ('in any case you cook potatoes, and they have already been cooked'). In a similar sentence (17), a past passive *byl*-form is impossible. However, the same form is possible in (39), because the past tense auxiliary is used here as a retrospective shift marker, deriving the past tense form from the present tense.

The existence of separate pluperfect use explains the possibility of examples like (39). The whole line of events belongs to present. However, the focus is on the fact that the event has taken place much time ago. Moreover, in (39a), the fact that the embedded situation is unreal is irrelevant due to the explicit marking of large temporal distance (this facilitates the second type of reading). In (39b), the same type of use is also possible because the second part explicitly points to the fact that the result has been cancelled.

(39) a. Socializm nado stroit', kogda kapitalizm uže davno **byl postroen**.⁵
'The socialism should be built after the capitalism has / had already
been built long time ago.'

b. Socializm nado stroit', kogda kapitalizm uže **byl postroen**, a zatem
sнова **byla vosstanovlena** monarxija.
'The socialism should be built after the capitalism has/had already
been built, and then the monarchy was restored.'

The absence of restrictions on the pluperfect and retrospective shift reading is explicable. Both readings are by nature anchored to the main event (the event precedes the main one or belongs to the same line of events). This is why the repeatedness or unreality is derivable from the main event characteristics. Under the past (non-resultative) meaning, the reading of the passive form is not derivable from the other event, and the semantic restrictions are valid.⁶

Thus, the claim made by Knjazev (1988), who describes the readings of Russian passive forms as uses of the same form should be clarified: these are not contextual uses, but rather the polysemy of the passive past tense

⁵ To my intuition, this example is well-formed, although native speakers' judgments on (39a) significantly vary.

⁶ The status of the two readings seems to be different from the status of readings of non-passive past tense forms. Of course, they also can be used with different readings. However, for active forms, the reading chosen does not result in the ungrammaticality of any construction.

form. Not only are the uses discussed here semantically different, their combinational properties also differ. Perhaps, the opposition of the cancelled result reading vs. retrospective shift reading should be treated in the same way as the opposition of the stative vs. dynamic uses of the passive forms.

Conclusions

In this paper, I focused on the special distributional features of participial passive with past tense forms of *byt'*. The main zones where the use of *byt'* is blocked are contexts of repeatedness and irrealis. None of these restrictions is reducible to the current relevance semantic component, which is often described as a part of semantics of passive forms without an auxiliary.

I considered that the feature that restrict the use of *byl*-forms is a modal meaning (namely, the reality status). *Byl*-forms tend to be used in cases when the embedded situation is realized (which is not the case in the two contexts under analysis). It turns out that minimal pairs can be found where only the unmarked form can be used in the unreal context, but the *byl*-form is possible if the event is realized.

This restriction is only valid for the canonical (non-resultative) past tense use. In the 'retrospective shift' and the 'pluperfect' use, the use of past passive with *byl* is possible even in unreal contexts: in these uses, the past tense marking is regulated by the relation of the event in the embedded clause with the main event, while the semantic restrictions are irrelevant.

One of possible reasons of existence of special restrictions on the use of passive is the fact that passive forms with *byt'* and without it do not distinguish aspects. While in the active paradigm, according to Grønn (2008), the use of perfective vs. imperfective aspect allows to distinguish between precedence vs. simultaneity and resultative vs. non-resultative meaning, in the passive one this aspect function is unavailable.

References

Bidem, 1988 – Бидем К. Видовое значение конструкции «*быть* + страдательное причастие» // Вопросы языкознания. 1988. № 6. С. 63–68. [Bidem C. The specific meaning of the construction “*byt'* + passive participle”. *Voprosy jazykoznanija*. 1988. No. 6. Pp. 63–68. (In Rus.)]

Bulanin, 1978 – Буланин Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога / Под ред. А.А. Холодович. Л., 1978. С. 197–202. [Bulanin L. On the ratio of passive and stative in Russian. *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga*. A.A. Kholodovich (ed.). Leningrad, 1978. Pp. 197–202. (In Rus.)]

Chvany, 1990 – Chvany C.V. Verbal aspect, discourse saliency, and the so-called “Perfect of Result” in Modern Russian. *Verbal aspect in discourse*. N.B. Thelin (ed.). Amsterdam, 1990. Pp. 213–236.

Comrie, 1976 – Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge University Press, 1976.

Corre, 2015 – Corre E. Russian aspect in finite and non-finite modes: From syntax to information structure. *Sentence and discourse*. J. Guéron (ed.). Oxford University Press, 2015. Pp. 45–66.

Egorov, Plungian, Egorova, 2019 – Егоров И.В., Плу́нгян В.А., Егорова А.Д. Еще раз о русском перфекте: к истории конструкции *вчера получено известие*. Устный доклад на конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (памяти Андрея Анатольевича Зализняка). Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия, 27–29 мая 2019». [Egorov I.V., Plungian V.A., Egorova A.D. Once again about the Russian perfect: To the history of construction *vuera poluueno izvestie*. Handout for a talk at the conference at V.V. Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences. (In Rus.)]

Grönn, 2008. – Grönn A. Russian aspect as bidirectional optimization. *Studies in Formal Slavic Linguistics*. 2008. Pp. 121–137.

Knjazev, 1988 – Knjazev Yu.P. Resultative, passive, and perfect in Russian. *Typology of resultative constructions* [Typological studies in language 12]. V.P. Nedjalkov (ed.). John Benjamins, 1988. Pp. 343–368.

Knjazev, 2002 – Князев Ю.П. Пассивный перфект в русском языке // Основные проблемы русской аспектологии / Под ред. А.В. Бондарко. СПб., 2002. С. 80–98. [Knjazev Yu.P. Passive perfect in Russian. *Osnovnye problemy russkoj aspektologii*. A.V. Bondarko (ed.). St. Petersburg, 2002. Pp. 80–98. (In Rus.)]

Kokochkina, 2008 – Kokochkina I. Vers une définition du résultatif en russe. *Revue des études slaves*. 2008. Vol. 79. No. 1/2. Communications de la délégation française au XIVe Congrès international des slavistes. Pp. 215–228.

Orosz, 2001 – Orosz Á. On the genesis of the static passive and on the difference between the passive forms of the imperfective and the perfective in the Russian language. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2001. No. 46 (3–4). Pp. 305–316.

Paducheva, 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. М., 1996. [Paducheva E.V. Semanticheskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke [Semantika narrative. Semantic research. Semantics of tense and aspect in Russian]. Moscow, 1996.]

Paducheva, 1998 – Падучева Е.В. Неоднозначность как следствие метонимических переносов: русский перфект на *-n/-m* // Типология. Грамматика. Семантика / Под ред. Н.А. Козминцевой, А.К. Оглоблина. СПб., 1998. С. 142–156. [Paducheva E.V. Ambiguity as a consequence of metonymic transfers: Russian perfect in *-n/-t*. *Tipologija. Grammatika. Semantika*. N.A. Kozintseva, A.K. Oглоблин (eds.). St. Petersburg, 1998. Pp. 142–156. (In Rus.)]

Paslawska, Stechow, 2003 – Paslawska A., von Stechow A. Perfect readings in Russian. *Perfect Explorations*. A. Alexiadou, M. Rathert, A. von Stechow (eds.). Berlin, 2003. Pp. 307–362.

Plungian, 2016 – Плу́нгян В.А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т.А. Майсак, В.А. Плу́нгян, Кс.П. Семёнова. СПб., 2016. С. 7–38. [Plungian V.A. On the typology

of the perfect in the languages of the world: A preface. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. XII. Part 2. Studies in the theory of grammar. Issue 7: Typology of the perfect. T.A. Maisak, V.A. Plungyan, Ks.P. Semyonova (eds.). St. Petersburg, 2016. Pp. 7–38. (In Rus.)]

Schoorlemmer, 1995 – Schoorlemmer M. Participial Passive and Aspect in Russian. PhD Dis. Onderzoeksinstituut voor Taal en Spraak, Utrecht University. 1995.

The article was received on 13.09.2022

Статья поступила в редакцию 13.09.2022

About the author / Об авторе

Alexander B. Letuchiy – Dr. Phil. Hab.; Professor at the School of Linguistics, HSE University; Leading Research Fellow at the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute of RAS, Moscow, Russian Federation

Летучий Александр Борисович – доктор филологических наук; профессор Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4151-2550>

E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-117-127

А.В. Барахта

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация

Межъязыковая интерференция в использовании англоговорящими русских служебных частей речи

В настоящей статье описаны итоги проведенного автором анализа письменных работ англоговорящих студентов (уровень А2–В1), целью которого являлось выявление, описание, систематизация и классификация обусловленных межъязыковой интерференцией грамматических ошибок при употреблении русских служебных частей речи. Выявленные ошибки в употреблении русских служебных частей речи составили 21% межъязыковых интерферентных нарушений и 13% всех грамматических интерферентных ошибок. Среди них выделяются такие типы нарушений, как пропуск, замена или употребление предлога в беспредложном словосочетании (10% всех межъязыковых грамматических нарушений); употребление несоответствующего союза (7%); неправомерная замена союза частицей (около 2%), употребление неверного союзного слова (2%). Высокий процент ошибок в использовании служебных частей речи свидетельствует о сложности данных категорий для англоговорящих учащихся и необходимости целенаправленной работы по профилактике и устранению межъязыковых интерферентных нарушений. Материалы статьи могут быть использованы для создания специальных упражнений и дальнейшего исследования проблемы интерференции как лингвистического и методического феномена.

© Барахта А.В., 2022



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, грамматические нарушения, русский как иностранный, употребление служебных частей речи, ошибки англоговорящих

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Барахта А.В. Межъязыковая интерференция в использовании англоговорящими русских служебных частей речи // Рема. Rhema. 2022. № 4. С. 117–127. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-117-127

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-117-127

A. Barakhta

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation

Interlanguage interference in the use of Russian auxiliary parts of speech by English speakers

This article describes the results of the author's analysis of written works of English-speaking students (level A2–B1), the purpose of which was to identify, describe, systematize and classify grammatical errors caused by interlanguage interference when using Russian auxiliary parts of speech. The revealed errors in the use of Russian official parts of speech account for 21% of interlanguage interference errors and 13% of all grammatical interference errors. Among them, there are such types of errors as: omission, substitution, use of a preposition in an uncomplicated phrase (10% of all interlanguage grammatical errors); use of an inappropriate conjunction (7%); improper replacement of the conjunction with a particle (about 2%), use of an incorrect conjunction word (2%). A high percentage of errors in the use of service parts of speech indicates the complexity of these categories for English-speaking students and the need for targeted work to prevent and eliminate interlingual interference disorders. The materials of the article can be used to create special exercises and further study the problem of interference as a linguistic and methodological phenomenon.

Key words: interlanguage interference, grammatical errors, use of auxiliary parts of speech, Russian as a foreign language, mistakes of English speakers

FOR CITATION: Barakhtha A. Interlanguage interference in the use of Russian auxiliary parts of speech by English speakers. *Rhema*. 2022. No. 4. Pp. 117–127. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-117-127

Частотным явлением в практике преподавания иностранного языка, в том числе русского как иностранного (РКИ), предстает интерференция – нарушения норм изучаемого языка под влиянием родного / изученного ранее. Проявляясь на всех уровнях языковой системы, интерференция выражается в ошибках фонетического, орфографического, грамматического, лексического, семантического, стилистического характера [Алимов, 1998, с. 24], что затрудняет процесс овладения иностранным языком, препятствуя гармоничному образованию и совершенствованию навыков.

К настоящему времени в области отечественной методики преподавания иностранных языков (включая РКИ) накоплен богатый материал по исследованию разных аспектов интерференции. Так, в современных работах Г.М. Вишневецкой, М.Э. Зверева (2022), М.Г. Даниелян, Л.А. Метельковой (2022), Н.А. Любимовой (2015), Я.Р. Хайдарова (2015) и других авторов рассматриваются вопросы фонетической интерференции; нарушения лексического характера освещают Ж. Багана (2011), Е.И. Колосова (2013), И.Н. Кузнецова (2021) и другие; грамматическая интерференция становится объектом исследования в работах Е.А. Аввакумовой, Н.В. Сергиенко (2022), Р.Г. Гасановой (2015), В.Т. Маркова, А.А. Шаровой (2022) и других ученых.

Поскольку правильное грамматическое оформление речи является гарантом успешной коммуникации на иностранном языке, считаем необходимым целенаправленное исследование грамматического типа интерференции для последующей разработки средств профилактики и устранения интерферентных нарушений.

В рамках настоящей работы наше внимание сосредоточено на грамматической интерференции в русской речи англоговорящих учащихся уровня А2–В1.

Для изучения данного феномена мы провели анализ 100 сочинений американских студентов Международного университета (уровень А2–В1) общим объемом 340 листов.

В ходе анализа было выявлено 428 грамматических ошибок, из числа которых можно выделить 266 нарушений, обусловленных влиянием

норм английского языка. Таким образом, межъязыковые интерферентные ошибки в работах учащихся составили 62% от общего числа грамматических ошибок, что, как мы полагаем, свидетельствует о высокой степени влияния родного языка на изучаемый РКИ и требует внимания исследователей и методистов.

Как показал проведенный анализ, выявленные интерферентные нарушения распределяются в рамках пяти основных блоков (табл. 1).

В рамках данной статьи мы подробно остановимся на последнем блоке нарушений и рассмотрим типичные случаи отклонения от нормы под влиянием английского языка при употреблении англоговорящими студентами русских служебных частей речи.

По подсчетам исследователей, английский язык, имеющий ограниченную падежную систему, насчитывает около 150 предлогов, которые являются основным средством выражения падежных значений [Кобрина, 1999; Ипполитова, 2008].

В сочетании с определенными предлогами английские глаголы образуют так называемые фразовые глаголы, значения которых меняются в зависимости от предлога в постпозиции: *to look* – ‘смотреть’, *to look for* – ‘искать’, *to look after* – ‘присматривать’, *to look up* – ‘навещать’ и т.д. При этом многие глаголы, требующие предлога в английском языке (как фразовые, так и нефразовые), соответствуют русским глаголам, управляющим беспредложной падежной формой, и наоборот, что порождает большое количество интерферентных ошибок в русской речи англоговорящих.

Так, значения английских глаголов *to wait for*, *to belong to*, *to catch up* передают в русском языке глаголы *ждать*, *принадлежать*, *догонять* соответственно, а русские глагольные словосочетания с предлогом типа *входить в комнату*, *отвечать на вопросы*, *присоединиться к группе* переводятся на английский язык беспредложными словосочетаниями *to enter the room*, *to answer the questions*, *to join the group* и т.п.

Данные и подобные им несоответствия приводят к межъязыковой интерференции, проявляющейся в рамках проанализированных письменных работ в виде следующих типичных ошибок.

1. Пропуск необходимого предлога, как например: **мои родители относятся мне хорошо*, **ответила все вопросы*, **играли бейсбол* (*my parents treat me well*, *answered all questions*, *played baseball*) и т.п. Частым является пропуск предлога в конструкциях со значением времени: **Мы встретимся следующий день*; **Шесть месяцев после этого я уехал* и т.п. Аналогичные английские конструкции не содержат предлога: *We'll meet next day*; *Six month after that I left*, что порождает интерферентные нарушения в построении подобных русских словосочетаний.

**Межъязыковые интерферентные нарушения грамматического характера
в русской речи англоговорящих (уровень А2–В1)
[Interlanguage interference grammatical errors in Russian speech of English speakers (level А2–В1)]**

Область нарушений [Error area]	Доля ошибок, % [Number of errors, %]	Примеры ошибок [Examples of errors]
Категории числа имен, степени сравнения, грамматикализованной в английском языке определенности/неопределенности [Categories of the number of names, degrees of comparison, grammaticalized English category of certainty/uncertainty]	15	* <i>Специалист по лингвистикам;</i> * <i>зимняя каникула;</i> * <i>ходила в одну библиотеку на втором этаже и взяла одну книгу</i>
Падежная система [Case system]	23	* <i>Я был плохой ученик;</i> * <i>моя любовь русской культуры;</i> * <i>я хочу помочь детей</i>
Глагольные категории [Verb categories]	19	* <i>Два года я написала заявления на стажировку;</i> * <i>в детстве мне казалось, что путешествие было хорошее дело</i>
Структура словосочетания, простого и сложного предложения [The structure of a phrase, a simple and a complex sentence]	22	* <i>Мы были в «Современник» театре;</i> * <i>Подруги знали место купить подарки, место кушать</i>
Служебные части речи [Auxiliary parts of speech]	21	* <i>Мои родители относятся мне хорошо;</i> * <i>не принадлежу к Японии</i>

В некоторых случаях англоговорящие склонны к пропуску необходимого предлога в тех конструкциях, английские аналоги которых содержат предлог, однако подразумевают его постпозицию, в результате чего предлог опускается. Примером может служить употребление придаточных определительных предложений, в рамках которых нами были выявлены ошибки: **Здесь нет наборов, которым мы привыкли в США*; **Мне нравилась русская семья, которой я жила* и т.п. Предлог в подобных предложениях в английском языке занимает позицию в конце предложения (*There are no sets which we got used to in USA*; *I liked Russian family which I lived in*), в результате чего может опускаться студентами при построении русского придаточного.

2. Употребление предлога в беспредложном словосочетании. Потенциальным источником интерферентных ошибок данного типа является способ выражения творительного инструментального падежа, который в английском языке передается с помощью предлога *with* (*c*) (*to write with a pen – писать ручкой*), тогда как русское словосочетание образуется падежной формой без предлога: **я порезал кейк с ножом* и др.

Лишний предлог с англоговорящие также склонны употреблять в конструкции «*быть довольным + творительный падеж*» (англ. *to be pleased / happy with*), в результате чего возникают ошибки: **родители не были довольны с моим выбором* (*parents were not pleased with my choice*), **я довольна с таким решением* (*I am happy with this decision*) и т.п.

Помимо указанных ошибок, в сочинениях американских студентов встретились нарушения при построении русских беспредложных словосочетаний типа: **не принадлежу к Японии*; **мы боялись от сербов*; **класс, в котором я интересовалась* и другие, вызванные интерферентным влиянием английского языка, нормы которого предписывают употребление предлогов после таких глаголов, как: *принадлежать* (*to belong to*), *бояться* (*to be afraid of*), *интересоваться* (*to be interested in*), *ждать* (*to wait for*) и др.

Используемые в подобных случаях предлоги в английском языке служат средством выражения падежных значений, следовательно, мыслятся учащимися как необходимые и употребляются при построении словосочетаний, дублируя падежное значение, выраженное соответствующей формой существительного.

3. Следующим распространенным типом ошибок является замена необходимого предлога другим, не соответствующим употреблению в русском языке. Опираясь на нормы родного языка, англоговорящие учащиеся склонны дифференцировать падежные значения с помощью различных предлогов, что приводит, в частности, к такой ошибке, как взаимозамена русских предлогов *в* и *на*. Ассоциируя предлог *в* с английским

предлогом *to*, употребляемым для обозначения направления движения, американские студенты допускают ошибки типа: **поехал в турнир*, **пойдем в концерт*, **пришел в кафедру* и т.п., приписывая предлогу функцию различения падежного значения.

Аналогичные нарушения происходят и при использовании предлога *на*, которому соответствует английский предлог *on*, обозначающий место: **на маленькой команде во Флориде* и т.д.

В некоторых случаях англоговорящие студенты используют русский многозначный предлог *в* в качестве аналога английскому *in*, как, например, в составе наречия *in fact* (*на самом деле*) или вводного слова *in my opinion* (по моему мнению), в результате чего возникают интерферентные ошибки типа: **Она молчала, но в самом деле, страдала*; **в моей точке зрения*.

Менее частотны ошибки в употреблении рассмотренного предлога *на/on* в других значениях, как, например, временном значении: при обозначении дня в английском языке используется предлог *on*, на основании чего американские студенты используют его русский аналог в таких словосочетаниях, как: **на этот день*, **даже на самые ужасные дни моей жизни* и т.п.

Замена предлога *по* под влиянием английского выражения с предлогом *for* была встречена также в конструкции *причина, по которой*: **причина, для которой я учусь*; **резон, для которого я получил плохую отметку* и т.п.

В рассмотренных сочинениях встречается замена предлога *у* предлогом *из* (**искать совет из других людей* (*to seek advice from other people*), **украл из нас* (*stole from us*)), который соответствует многозначному английскому предлогу *from*; а аналогия английского предлога *of* с русским *от* приводит к ошибкам: **профессия, которая состоит от всех моих интересов* (*a profession that consists of all my interests*), **недостаток от денег* (*lack of money*).

Как показывает сопоставление грамматических систем рассматриваемых языков, а также проведенный анализ работ, ошибки в употреблении англоговорящими русских предлогов могут быть детерминированы несоответствием структурных типов предлогов, как например: *owing to / thanks to – благодаря, for the sake of – ради, during – в течение, unlike – в отличие от* и т.д.

В приведенных и многих других случаях наблюдается несовпадение структурных типов аналогичных русских и английских предлогов: составному английскому предлогу соответствует русский простой предлог и наоборот. Следствием данных различий являются интерферентные ошибки в речи англоговорящих студентов, которые пытаются

восполнить компоненты структуры английского составного предложения посредством неправомерного сочетания русских предлогов: **благодаря к совету родителей (thanks to the parents' advice)* и т.п. Подобные нарушения не частотны в работах американских студентов, однако также заслуживают внимания преподавателя.

Одной из трудностей при освоении русских служебных частей речи англоговорящими является различная степень дифференциации некоторых союзов в сопоставляемых языках. Так, например, в русском языке более дифференцированы союзы *и, а, но*, которым в английском языке соответствуют только два союза *and* ('и, а') и *but* ('а, но'). Вследствие меньшей дифференциации союзов, учащиеся склонны к неразличению союзов *и, а (and)* и *а, но (but)* [Вагнер, 2001, с. 192].

Выбор неаналогичного по значению русского союза приводит к таким ошибкам, как: **Я решила прочитать «Преступление и наказание», а сразу влюбилась в этот роман; *учиться на факультете искусства, а перестать учиться на психологическом факультете* и др.

Как показывает анализ работ, одной из частотных межъязыковых ошибок в речи англоговорящих является выбор несоответствующего союза в результате прямого перевода с английского языка. Так, при построении сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, где роль союза выполняет частица *ли* (*Он хотел узнать, сдала ли она экзамен*), американские студенты склонны к использованию союза *если* по аналогии с английским *if* (*He wanted to know if she passed the exam*), что приводит к интерферентным ошибкам типа: **Он хотел узнать, если я сдала экзамен; *Мне надо было решить, если я хотела поступить на юридический факультет* и т.п.

Любопытно заметить, что при построении сложных предложений проявляется также внутриязыковая интерференция (влияние ранее освоенных норм изучаемого языка): хорошо усвоив правило употребления частицы *ли* в качестве аналога союза *if*, учащиеся могут использовать ее при оформлении не только изъяснительных придаточных предложений, но и придаточных с обстоятельственным значением: **Я помню, как стыдно мне было, спросил ли знакомый о работе моих родителей*.

Согласно проведенному анализу сочинений и сопоставлению грамматических систем английского и русского языков, одной из возможных причин межъязыковой интерференции является частеречная омонимия некоторых единиц в сопоставляемых языках.

Русский союз *как будто* и частица *как бы* представлены в английском языке омонимичной парой *as if* ('как будто') / *as if* ('как бы'), что приводит к замене союза частицей в таких предложениях, как: **Я еще молодой, но я чувствую себя, как бы я жил сто лет; *Они делали вид, как бы*

все хорошо и т.п. Ввиду ограниченного материала, подобные ошибки не частотны в письменных работах американских студентов (менее 2% межъязыковых нарушений), однако также заслуживают внимания преподавателя.

Определенные трудности в освоении сложноподчиненных предложений вызывает использование союзных слов (местоименных слов, сочетающих свойства самостоятельной и служебной части речи) [Шведова, 1980, с. 719]. Примером может служить употребление придаточных определительных предложений с относительным местоимением *который*, используемым в русском языке в отношении как одушевленных, так и неодушевленных существительных.

В английском языке значение *который* передают местоимения *who* ('кто, который'), указывающее на лицо, местоимение *which* ('который'), указывающее на неодушевленный предмет, а также местоимение *that*, употребляемое в обоих случаях. Основываясь на этом отличии, справедливо предположить склонность англоговорящих к неправомерной замене союзного слова *который* на *кто* в случае указания на лицо. Данное предположение подтверждают такие ошибки американских студентов, как: **человек, кто помогал мне, *профессор, кто был на факультете* и т.п.

Потенциальные межъязыковые ошибки интерферентного характера можно прогнозировать в сфере употребления англоговорящими русских частиц. Значение уточнительных частиц, акцентирующих часть высказывания (*вот, как раз, именно, и*) в английском языке передается другими средствами, а именно, специальными конструкциями *it is (was)... who, what...; that is who (how, what, where...)*. В результате русские высказывания типа: *Вот почему я опоздала (That is why I'm late)* англоговорящие студенты могут передавать как: **Это почему я опоздала* [Вагнер, 2001, с. 197]. Подобные ошибки не были выявлены в ходе анализа сочинений, однако следует учесть данные случаи как возможные проявления интерферентного влияния норм английского языка.

Как показал проведенный анализ работ англоговорящих студентов (уровень А2–В1), ошибки в употреблении русских служебных частей речи составляют 21% межъязыковых интерферентных нарушений и 13% всех грамматических интерферентных ошибок. Столь высокий показатель свидетельствует о сложности данных категорий для освоения иностранными учащимися и необходимости целенаправленной работы по предупреждению и устранению интерферентных нарушений. Накопленный банк интерферентных ошибок в употреблении русских служебных частей речи может быть использован для создания специальных упражнений для англоговорящих учащихся и дальнейшей методической и лингвистической разработки проблемы межъязыковой интерференции.

Библиографический список / References

Аввакумова, Сергиенко, 2022 – Аввакумова Е.А., Сергиенко Н.В. Грамматические трудности англоговорящих при изучении русского языка как иностранного // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95). С. 50–53. [Avvakumova E.A., Sergienko N.V. Grammatical difficulties of English speakers in learning Russian as a foreign language. *The World of Science, Culture and Education*. 2022. No. 4 (95). Pp. 50–53. (In Rus.)]

Алимов, 1998 – Алимов В.В. Явление лингвистической интерференции при изучении специального перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. [Alimov V.V. Javlenie lingvisticheskoj interferencii pri izuchenii specialnogo perevoda [The phenomenon of linguistic interference in the study of special translation]. PhD theses. Moscow, 1998.]

Багана, 2011 – Багана Ж. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на примере русского и португальского языков) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 2 (14). С. 10–16. [Bagana Zh. Lexical interference in the context of language contact (on the example of Russian and Portuguese languages). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2011. No. 2 (14). Pp. 10–16. (In Rus.)]

Вагнер, 2001 – Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложения, порядок слов. Части речи: Учеб. пособие. М., 2001. [Vagner V.N. Metodika predpodavaniya russkogo jazyka anglogovorjashhim i frankogovorjashhim na osnove mezhjazykovogo sopostavitelnogo analiza: Fonetika. Grafika. Slovoobrazovanie. Struktury predlozhenija, porjadok slov. Chasti rechi [Methods of teaching the Russian language to English and French speakers based on interlingual comparative analysis: Phonetics. Graphics. Word formation. Sentence structures, word order. Parts of speech]. Moscow, 2001.]

Вишневская, Зверев, 2022 – Вишневская Г.М., Зверев М.Э. О корковых механизмах ритмической интерференции (к постановке проблемы) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 111–117. [Vishnevskaja G.M., Zverev M.E. On the cortical mechanisms of rhythmic interference (to the formulation of the problem). *Verhnevolzhski Filological Bulletin*. 2022. No. 1 (28). Pp. 111–117. (In Rus.)]

Гасанова, 2015 – Гасанова Р.Г. Преодоление грамматической интерференции в процессе обучения английскому языку в условиях взаимодействия родного языка и русского языка // Концепт. 2015. № 15. С. 11–15. [Gasanova R.G. Overcoming grammatical interference in the process of teaching English in the context of interaction between the native language and the Russian language. *Koncept*. 2015. No. 15. Pp. 11–15. (In Rus.)]

Даниелян, Метелькова, 2022 – Даниелян М.Г., Метелькова Л.А. К вопросу о фонетической интерференции в процессе обучения французскому языку // Казанский педагогический журнал. 2022. № 2. С. 107–112. [Danieljan M.G., Metelkova L.A. On the issue of phonetic interference in the process of teaching French. *Kazan Pedagogical Journal*. 2022. No. 2. Pp. 107–112. (In Rus.)]

Ипполитова, 2008 – Риторика: Учебник / Ипполитова Н.А., Смелькова З.С., Ладьженская Т.А. и др.; Под ред. Н.А. Ипполитовой. М., 2008. [Ippolitova N.A., Smelkova Z.S., Ladyzhenskaya T.A. et al. Ritorika [Rhetoric]. N.A. Ippolitova (ed.). Moscow, 2008.]

Кобрина и др., 1999 – Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис / Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гужева К.А. СПб.,

1999. [Kobrina N.A., Korneeva E.A., Ossovskaya M.I., Guzheva K.A. Grammatika anglijskogo jazyka: Morfologija. Sintaksis [Grammar of the English language: Morphology. Syntax]. St. Petersburg, 1999.]

Колосова, 2013 – Колосова Е.И. Проблема языковой интерференции в преподавании русского языка в польскоязычной аудитории // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2013. № 4 (34). С. 57–60. [Kolosova E.I. The problem of language interference in the teaching of the Russian language in the Polish-speaking audience. *Philology and Culture*. 2013. No. 4 (34). Pp. 57–60. (In Rus.)]

Кузнецова, 2021 – Кузнецова И.Н. Теория и практика лексической интерференции (на материале французского и русского языков). М., 2021. [Kuznesova I.N. Teorija i praktika leksicheskoj interferencii (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov) [Theory and practice of lexical interference (based on the French and Russian languages)]. Moscow, 2021.]

Любимова, 2015 – Любимова Н.А. Интерференция звуковых систем: межъязыковой и внутриязыковой характер проявления в ситуации общения «носитель – не носитель данного языка» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. В 15 т. СПб., 2015. Т. 11. С. 173–177. [Lyubimova N.A. Interference of sound systems: Interlingual and intralingual nature of manifestation in the situation of communication “native speaker – not a native speaker of a given language”. *Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kultury: Materialy Kongressa MAPRJAL (g. Granada, Ispanija, 13–20 sentjabrja 2015 goda)*. L.A. Verbickaya, K.A. Rogova, T.I. Popova et al. (eds.). St. Petersburg, 2015. Vol. 11. Pp. 173–177. (In Rus.)]

Марков, Шарова, 2022 – Марков В.Т., Шарова А.А. Виды интерференции при обучении глаголам движения в преподавании русского языка как иностранного // Преподаватель XXI век. 2022. № 2 (1). С. 215–225. [Markov V.T., Sharova A.A. Types of interference in teaching verbs of motion in teaching Russian as a foreign language. *Prepodavatel XXI vek*. 2022. No. 2 (1). Pp. 215–225. (In Rus.)]

Хайдаров, 2015 – Хайдаров Я.Р. Способы преодоления интерференции при одновременном преподавании фонетики французского, итальянского и испанского языков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (1). С. 180–185. [Haydarov Ya.R. Ways to overcome interference while teaching the phonetics of French, Italian and Spanish. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015. No. 4 (1). Pp. 180–185. (In Rus.)]

Шведова, 1980 – Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. [Shvedova N.Ju. *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow, 1980.]

Статья поступила в редакцию 13.09.2022

The article was received on 13.09.2022

Сведения об авторе / About the author

Баракhta Александра Викторовна – соискатель кафедры методики преподавания русского языка как иностранного, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва

Alexandra V. Barakhta – PhD candidate at the the Department of Methods of Teaching Russian as a Foreign Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

E-mail: ms.barakhta@mail.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2022.4

Сайт журнала: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.12.2022 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 8 п. л. Тираж 1000 экз.